

Понсон дю Террайль

Тайны Парижа

Понсон дю Террайль
Тайны Парижа

«Public Domain»

1857-63

Террайль П.

Тайны Парижа / П. Террайль — «Public Domain», 1857-63

Авантюрно-приключенческий роман французского писателя Понсона дю Террайля о похождениях членов тайного общества....Париж начала XIX века. Некий загадочный полковник Леон создает тайное общество «Друзья шпаги», члены которого, связанные между собой клятвой, становятся орудием кровавой мести...

© Террайль П., 1857-63

© Public Domain, 1857-63

Содержание

Часть I. Оперные драчуны	7
I	7
II	12
III	17
IV	21
V	24
VI	28
VII	31
VIII	34
IX	37
X	41
XI	46
XII	48
XIII	50
XIV	53
XV	56
XVI	60
XVII	63
XVIII	67
XIX	70
XX	75
XXI	79
XXII	83
XXIII	86
XXIV	90
XXV	95
XXVI	99
XXVII	104
XXVIII	108
XXIX	109
XXX	113
XXXI	116
XXXII	118
XXXIII	121
XXXIV	123
Часть II. Товарищи любовных походов	125
I	125
II	130
III	131
IV	133
V	134
VI	135
VII	137
VIII	138
X	147
XI	151

XII	154
XIII	158
XIV	160
Конец ознакомительного фрагмента.	163

Понсон дю Террайль

Тайны Парижа

Текст издания: Понсон дю Террайль. Тайны Парижа. Ч. 5. – Пер. с фр. – Санкт-Петербург: тип. и лит. В. А. Тиханова, 1904. – 290 с. 22 см.

* * *

Часть I. Оперные драчуны

I

Однажды вечером в январе 1836 года по дороге, высеченной в обрывистом склоне Аbruцких гор в Южной Италии, быстро катила почтовая коляска, запряженная четверкой сильных лошадей.

Слуга, сопровождавший карету, ехал, стоя сзади и держась за ремни, а единственный ямщик правил лошадьми, запряженными не а la Daumont, как это в обычае при почтовой езде, а с выносными.

В карете, стекла окон которой были опущены, сидели молодой человек и молодая женщина и с наслаждением вдыхали вечерний воздух, напоенный ароматом горных цветов.

Молодому человеку было, судя по наружности, лет около двадцати шести; он был среднего роста, белокур, нервного сложения; лицо его выражало одновременно энергию и доброту. Блеск его голубых глаз свидетельствовал о львиной храбрости, а прямой нос – о сильной воле и настойчивости.

Его спутница представляла тип совершенно ему противоположный. Ее черные, как смоль, волосы, пунцовые, оттененные легким пушком губы и блестящие черные глаза обличали ее южное происхождение. Она была высока и стройна, а руки ее были замечательно изящны. Молодой человек улыбался задумчиво, почти грустно; наоборот, улыбка молодой женщины носила отпечаток затаенной иронии, свидетельствующей у женщин о слишком рано пережитых ими житейских бурях.

Взглянув на нее, не трудно было угадать, что она долго надеялась, страдала и плакала, но теперь перестала уже надеяться и принимала жизнь такой, какова она есть, и, устав страдать, предпочла роль мучителя роли жертвы.

Ее высокий с несколькими преждевременными морщинками лоб носил печать ума, быть может, даже гениального, а по складкам в углах губ и насмешливой улыбке психолог мог бы угадать равнодушие, наступающее после чрезмерных страданий, и горький скептицизм, составляющий силу у женщин и доводящий до отчаяния мужчину.

Почтовая карета спускалась по крутому склону в глубокое ущелье, дикий вид которого напоминал самые мрачные произведения Сальватора Розы. Между двух горных цепей расстилалась равнина, по которой несли горный поток. Обрывистые, почти остроконечные горы были покрыты низкорослыми растениями с темной зеленью, из-за которых там и сям выступали то старые скалы или развалины феодального замка, то полуразрушенная стена или обвалившаяся башня.

В просвете между скал мелькал иногда вдали голубой горизонт, опоясанный морем, залитым лучами заходящего солнца.

– Леона, – говорил путешественник, сжимая в своих руках руку молодой женщины, – не находите ли вы так же, как и я, что дикая красота природы составляет чудную рамку для любви?

– Да, – кивнула она головой с очаровательной грацией.

– Дорогая моя, – продолжал он, – как сильно любишь во время путешествия! Жизнь вдвоем во время передвижения, уединение двух сердец среди вселенной, больших дорог и незнакомых людей, разве это не величайшее блаженство, о котором только можно мечтать?

Молодая женщина не отвечала. Мысли ее были далеко, быть может... быть может, суровое величие природы, среди которого она проезжала, всецело поглотило ее.

– Ах! Дорогая Леона, – снова восторженно заговорил путешественник, – какую бесконечно счастливую жизнь, жизнь, полную упоений, дает ваша любовь!.. Пока случай не столкнул меня с вами, я был свободен, но грустил; мое незанятое сердце призывало незнакомку, мое воображение рисовало мне идеал... Я нашел и то, и другое. Этот год, проведенный в путешествии, которое скоро придет к концу, миновал, как сон... как счастливый сон... Выстрадали, когда я встретил вас, мрачная и печальная, точно статуя отчаяния, вы казались уже умершей для жизни, для любви, для надежды, и отчаяние наложило на ваше лицо свою роковую печать.

– Молчите, Гонтран, молчите! – перебила его молодая женщина.

– Я никогда не спрашивал вас о том таинственном прошлом, которое вы так тщательно скрывали от меня. Вы были прекрасны, умны и вы страдали; я полюбил вас с первого взгляда. А потом, – о Боже! ведь молодость отважна и любит вступать в неравную борьбу, – я захотел бороться против вашего горя, отчаяния, уныния, против всего, что так терзало вас. Я осмелился надеяться, что ваше разбитое, усталое сердце сохранило хотя одну струну, способную издать звук. Я вернул к жизни вас, готовую умереть, я надеялся, что вы полюбите меня, и вы любите меня теперь... В течение целого года, как мы покинули Францию, вы счастливы...

Прекрасная путешественница молча пожала руку своему спутнику.

– Однако, – прибавил он, – теперь я боюсь.

– Чего? – спросила она.

– Возвращения, – пробормотал он.

– Какое безумие!

– Ах, дорогая моя, если бы вы только знали, сколько непостоянства, скептицизма и разочарования в этом проклятом городе – Париже; если бы знали, как страдают там все, кто любит!

– Какая же тому причина? – спросила она.

– Ревность, – ответил глухим голосом путешественник. Улыбка мелькнула на губах молодой женщины. Ее спутник принял эту улыбку за выражение любви, но беспристрастный наблюдатель уловил бы в ней насмешливое сострадание.

– Ах, – продолжал Гонтран, – когда любят, как я, то ревнуют и к тени, и к солнцу, проникающему в будуар любимой женщины, ревнуют и к взглядам восхищения праздной толпы. А кто знает? Может быть, вы скоро разлюбите меня? В Париже так много молодых и красивых мужчин.

Она с негодованием пожала плечами. Заметив это, Гонтран просиял и сказал ей:

– Вы ангел!

Пока путешественники обменивались взаимными любезностями, местность, по которой они проезжали, становилась все пустынной. Далекий горизонт исчез, ущелье, по которому катилась карета, сузилось, и жалкая горная растительность уступила мало-помалу место густому, высокому сосновому лесу.

Вдруг ямщик обернулся.

– Господин маркиз, – сказал он на плохом французском языке, – наступила ночь, а дорога плоховата. На прошлой неделе разбойник Джузеппе и его шайка напали здесь на двух англичан. Оружие при вас?

Молодой человек вздрогнул; затем, протянув руку в кузов кареты, вытащил оттуда пару пистолетов.

– Стегни лошадь и кати во весь опор, – приказал он.

Услышав имя Джузеппе, молодая женщина встрепенулась, и вдруг смертельная бледность разлилась по ее лицу.

Путешественник заметил эту перемену и приписал ее волнению, охватившему ее при рассказе о нападении разбойников, которыми кишели итальянские дороги.

– Леона, – страстно сказал он ей, – не бойтесь ничего... Что бы ни случилось, я умру, защищая вас.

Молодая женщина недоверчиво покачала головой, а карета продолжала мчаться вперед.

Ночь близилась; солнце золотило вершины гор, тени падали на долину, и мрак, первый предвестник звезд, придавал каждому близкому и отдаленному предмету прихотливые, фантастические очертания.

Маркиз Гонтран де Ласи – так звали путешественника – сидел вооруженный парой пистолетов; возле него лежал кинжал с трехгранным лезвием, привезенный им из Индии.

Маркиз был храбр до безумия; он часто рисковал жизнью, а кровавые приключения во время путешествий доставляли ему какое-то непонятное наслаждение, однако на этот раз он чего-то страшился... Он взглянул на Леону.

Вдруг шагах в двадцати в кустарнике, окаймлявшем дорогу, мелькнул свет и просвистела пуля. Одна из лошадей, запряженных в карету, упала, раненная насмерть.

Маркиз, услышав выстрел, встрепенулся подобно боевому коню при звуке трубы.

– Откиньтесь в глубь кареты, – сказал он Леоне, – там пули не коснутся вас...

Он выскочил из кареты с гибкостью тигра, с кинжалом в зубах и держа по пистолету в каждой руке. Слуга его, бывший солдат, служивший под его начальством, последовал его примеру. В тот же миг два человека вышли из чащи кустарника. Один держал ружье наготове, а у другого оно было перекинуто через плечо и еще дымилось.

– Господин иностранец, – сказал последний, – подождите одну минуту, не стреляйте. Я хочу поговорить с вами.

– Что вам угодно? – спросил Гонтран.

Разбойник остановился на почтительном расстоянии и вежливо поклонился.

– Сударь, – сказал он, – меня зовут Джузеппе, и мое имя должно быть знакомо вам.

– Вы ошибаетесь.

– В таком случае, так как вы не знаете меня, то я сейчас дам вам некоторые разъяснения.

– Говорите, я слушаю вас.

– Сударь, – продолжал разбойник, – я неаполитанец по происхождению, разбойник по профессии, дилетант по своим привычкам и поэт по призванию; я люблю слушать оперы в Сан-Карло и Скала и пишу в свободное время звучные стихи, которые пою, аккомпанируя себе, в остальное время я обираю путешественников на больших дорогах.

– Господин разбойник, – холодно возразил Гонтран де Ласи, – надеюсь, вы не для того остановили меня, чтобы прочесть мне свои стихи и расспросить меня о какой-нибудь новой оперной примадонне?

– Разумеется, нет.

– В таком случае что же вам угодно?

– Ваш кошелек, ваша светлость, если вы добровольно отдадите его мне.

– А если я буду защищать его?

– Тогда вы умрете.

Разбойник свистнул, и тотчас же из ближайших кустарников, из-за скал и стволов деревьев вышло множество вооруженных разбойников, которые почтительно окружили своего начальника.

– Как видите, сударь, – сказал бандит, – шайка моя довольно многочисленна.

Если бы Гонтран был один, то он стал бы защищаться до последней крайности, но в случае его смерти Леона попала бы в руки разбойников.

– Сколько же вам надо? – спросил он Джузеппе.

В это время прекрасная путешественница выглянула в окно кареты. Джузеппе вскрикнул.

– Маркиза! – пробормотал он.

Услышав этот крик и это имя, Гонтран вздрогнул.

– Что это значит? – спросил он высокомерно.

– Ах, извините, ваша светлость, но я думал, что имею удовольствие...

– Вы знаете эту даму?

– Черт возьми! И даже очень близко. Леона вышла из кареты и подошла к Гонтрану.

– Этот человек – гнусный лгун, – сказала она, указывая на Джузеппе, – я никогда его не видала.

– Тысячу извинений, синьора, – проговорил разбойник, – но вы не относились ко мне так презрительно в то время, когда жили во Флоренции.

Гонтран побледнел при этих словах и взглянул на Леону с некоторым беспокойством; но она оставалась по-прежнему спокойна и невозмутима.

– Господин разбойник, – сказала она, улыбаясь, – ваша память изменяет вам или вы жертва странной ошибки.

Я никогда не жила во Флоренции, не была маркизой и вижу вас первый раз в жизни.

– В таком случае я ошибся, – проговорил последний, сделавшись вдруг почтительным и вежливым, – тысячу извинений, синьора!

Леона бросила на Гонтрана взгляд, полный торжества; Гонтран вздохнул с облегчением.

– Теперь, мой друг, – сказала она, – отдайте ваше золото этому человеку и будем продолжать путь.

– Прекрасная синьора, вы хотите так дешево отделаться? Неужели вы думаете, что я польщусь на несколько сот луидоров теперь, когда дело идет о вашем выкупе, о выкупе за женщину, которая так походит на мою первую возлюбленную, что я вас даже принял за нее?

Гонтран вздрогнул и навел дуло пистолета на лоб разбойника.

– Сударь, – остановил его Джузеппе, – если вы убьете меня, то у вас останется еще тридцать противников, которые также найдут эту женщину прекрасной.

Маркиз побледнел, и пистолет выпал у него из руки.

– Хорошо, – проговорил он, – я в вашей власти; какую сумму желаете вы получить?

– Человек, путешествующий в сопровождении такой красивой женщины, должен быть богат. Ваше имя, если позволите?

– Маркиз де Ласи.

– Родом из Вандеи? Не так ли?

– Именно, а разве вы меня знаете?

– Сударь, – вежливо ответил Джузеппе, – я веду свои дела очень широко и основательно. У меня есть корреспондент в Париже. Если кто-нибудь из людей с положением уезжает из Франции в Италию, то я немедленно получаю дубликат его паспорта и подробные сведения о его привычках, характере, семейных отношениях и имуществе.

– Дальше? – хладнокровно произнес маркиз.

– Год назад у вас было тридцать тысяч ливров годового дохода, теперь же осталось только двадцать. Вы истратили крупную сумму, двести тысяч франков, на удовлетворение капризов этой женщины.

Джузеппе почтительно поклонился Леоне.

– Впрочем, – добавил он галантно и немного насмешливо, – я должен признаться, что эта дама заслуживает такой жертвы, и даже еще большей. Что же касается меня, то я, хотя и разбойник, но готов заплатить сто тысяч экю за любовь подобной женщины.

Гонтран вздрогнул.

– Но я добрый малый, – продолжал бандит, – и предлагаю вам на выбор: уступите мне синьору или заплатите сто тысяч экю.

– Сто тысяч экю! – вскричал молодой человек, бледнея. – Да вы с ума сошли!

– Почему это?

– Но ведь это целое состояние!

– Вам останется сто тысяч франков. Это немного, но когда любишь, то достаточно. Вы купите себе, в двадцати лье от Парижа, маленький домик, где и поместите эту госпожу. Вы, вероятно, знаете песенку «Хижина и сердце».

Маркиз, бледный от гнева, глядел то на разбойника, то на Леону, видимо, пораженную словами Джузеппе. Что делать? У него даже мелькнула мысль убить молодую женщину, чтобы она не досталась никому, а затем защищаться до последней капли крови, настолько ему было стыдно дать обобрать себя таким образом. Но Леона была так прекрасна!

– Самое лучшее, – заметил Джузеппе, – что я могу вам посоветовать, – это оставить мне эту даму. Вы найдете себе в Париже новый кумир, а я буду счастливейшим из разбойников в мире, потому что эта женщина удивительно похожа на маркизу. Эта прихоть мне обойдется в сто тысяч экю. Ну, что ж! Не в деньгах счастье...

– Молчи, негодяй! – вскричал Гонтран. – Обирай меня, но не оскорбляй женщину, которую я люблю! Ты получишь свои сто тысяч экю.

– Прекрасно! – сказал разбойник. – Если бы я был женщиной и кто-нибудь принес ради меня подобную жертву, то я, кажется, полюбил бы его.

И Джузеппе искоса взглянул на Леону.

Гонтран де Ласи решился сразу. Он разорвался, но зато спасал Леону, а разве ее любовь не была величайшим блаженством?

Бандит подал ему лист бумаги и сказал:

– Вот, сударь, вексель банкирского дома Массеи и Коми, на дом Ротшильда в Париже. Проставьте цифру и подпишите ваше имя.

Гонтран подписался, отчетливо написав сумму в сто тысяч экю.

– Теперь, ваша светлость, – добавил разбойник, – мне ничего больше не остается, как поблагодарить вас и пожелать вам счастливого пути.

Джузеппе галантно предложил руку Леоне и довел ее до кареты; молодая женщина, слегка наклонившись к нему, прошептала:

– В Париже... через неделю.

Я буду там, взглядом ответил ей Джузеппе.

Гонтран ничего не видал и не слышал, но сердце у него замерло. Карета помчалась, оставив мертвую лошадь на дороге.

– Леона, – грустно сказал маркиз. – Я люблю вас!

– О, я знаю это, – отвечала она, – вы добры и благородны, Гонтран.

– Но поклянитесь мне, что этот человек лжет, что он действительно никогда не видал вас.

– Клянусь вам! – спокойно проговорила она. Эта женщина лгала.

II

Прошел месяц с тех пор, как Леона и Гонтран де Ласи вернулись в Париж. Маркиз реализовал свое имущество, и сто тысяч экю были выплачены разбойнику. Никто не знал, благодаря какой катастрофе внезапно расстроилось состояние Гонтрана.

У маркиза был дядя, шевалье де Ласи, старый холостяк, богач, имевший шестьдесят тысяч ливров годового дохода. Шевалье шел семьдесят восьмой год. Возвратясь в Париж, маркиз рассуждал так:

– Мой дядя стар и разбит параличом, он проживет самое большее четыре или пять лет. У меня есть еще двадцать тысяч ливров годового дохода, и они всегда останутся у меня. Вместо того, чтобы удовольствоваться процентами, я трачу капитал. Но я хочу, чтобы Леона была счастлива.

Любовь Леоны сделалась целью жизни для Гонтрана, его мечтой, его счастьем. Он кокетливо обставил ей маленькую квартирку на улице Порт-Магон и почти все время проводил у нее, разорвав со светом. Леона была, однако, грустна; улыбка, которую Гонтран принимал за выражение любви, стала более чем редкой. Она сделалась сумрачна, и когда он спрашивал ее о причине, Леона, не отвечая, пожимала плечами. Гонтран мало-помалу вступил в ту фазу страсти, которую называют мукой любви: он ревновал ее к тени, к мысли, к неизвестному... Иногда ему приходил на память бандит Джузеппе, и он невыносимо страдал. Леона часто выходила из дому под различными предлогами. Гонтран не смел следовать за нею: такое поведение возмутило бы ее. В продолжение нескольких дней она дулась на него безо всякой причины: вскоре ссоры сделались чаще... Любовь начала походить на пытку.

Однажды утром маркиз приехал в десять часов; Леоны уже не было. Это показалось ему странным, так как она редко вставала ранее полудня. Однако в течение нескольких дней неровность и резкость характера молодой женщины настолько усилились, что Гонтран примирился с ее ранним выходом и приводил себе тысячу доводов, чтобы объяснить его необходимостью. Маркиз прошел не останавливаясь через столовую и зал в маленький будуар, обитый светло-серым шелком, с лакированной мебелью и украшенный тысячью безделушек с фантастической роскошью, введенною в моду аспазиями нашего времени. Маркиз подошел к туалетному столику и взял лежавшую на нем тщательно запечатанную записку; он разорвал конверт и, небрежно развалясь на кушетке около камина, начал ее читать. Но едва он прочел первые строки, как переменял свою непринужденную позу и выпрямился.

– Это невозможно! – вскричал он. – Этого не может быть! Этого не будет!

По мере того, как маркиз читал записку, губы его становились белыми от волнения, лицо изменялось, жилы на шее надувались и принимали сине-багровый оттенок. Наконец, дочитав записку, он с гневом скомкал ее, разорвал на несколько мелких кусочков и бросил их на ковер. Затем он сильно дернул сонетку и позвал хорошенькую камеристку... Молодая девушка вошла.

– Ты должна знать, где твоя госпожа, – сказал он ей. – Ты это знаешь и скажешь мне...

– Клянусь вам, маркиз...

– Не клянись, это бесполезно. Вот тебе кошелек с двадцатью пятью луидорами, возьми и говори...

Манон протянула свои красивые розовые пальчики и осторожно взяла кошелек.

– Если госпожа откажет мне, – начала она, – я буду рассчитывать на доброту господина маркиза для получения другого места. Госпожа в Париже, на улице Ришелье, номер 60.

Глаза молодого человека загорелись от ревности.

– Леона обманывает меня! – прошептал он. Субретка чуть заметно пожала плечами, как бы говоря:

«Может ли господин долее сомневаться в этом!»

– О! – сердито вскричал маркиз, – кто осмелится похитить у меня сердце Леоны, тот умрет!

И, быстро поднявшись, он направился к выходу.

– Сударь, – окликнула его субретка, – вы спросите там неаполитанского графа Джузеппе. Холодный пот выступил на лбу у маркиза.

– Джузеппе, – пробормотал он, – так это он!

И, вернувшись в комнату, Гонтран взял кинжал, который привез из Италии и подарил Леоне, любившей оружие, золоченные стилеты и красивые пистолеты с рукоятками из слоновой кости.

Гонтран де Ласи сел в карету и приказал везти себя на улицу Ришелье. Кучер помчался во весь опор; молодой человек быстро вошел в помещение привратника и спросил, может ли он видеть графа Джузеппе.

– Граф уехал, – был ответ.

– Уехал?

– Час назад.

– Один?

– Нет, с дамой.

Крик бешенства вылетел из судорожно сжатого горла Гонтрана.

– О, – прошептал он, – с ней!

– Сударь, – сказал ему привратник, – не вы ли маркиз де Ласи?

– Да. Что вам надо от меня?

– Вот письмо, оставленное дамой, которая уехала вместе с графом.

Гонтран разорвал конверт и жадно начал читать:

«Милый!

Так как, по всему вероятно, Манон выдаст мою тайну, я решила написать, чтобы подать вам совет. Я уезжаю, не ищите меня. Вы любите меня, а я – уввы! – не могу ответить вам тем же. Любовь рождается внезапно. Судьбой мне не дано было полюбить вас; я носила в своем сердце одну и притом единственную любовь, и эта любовь, как небесный огонь, озаряла невзгоды моей жизни. Я была маркизой, стала авантюристкой; вы были богаты, а я хотела роскоши, золота и драгоценностей. Я разыграла с вами любовную комедию, чтобы скорее увлечь вас, хотя не любила вас. Человек, которого я люблю и любила всегда, – разбойник Джузеппе. Он богат и теперь примирился с правительством обеих Сицилии. Мы едем в Неаполь, где он женится на мне. Мы будем там счастливы. Прощайте, дорогой маркиз, забудьте меня и позвольте мне остаться вашим другом.

Леона, когда-то маркиза Пиомбо.

Р. S. Кстати: ваш дядя шевалье де Ласи, на наследство которого вы рассчитываете, собирается сделать духовное завещание в пользу вашего кузена барона Бартоло. Наша связь сильно рассердила доброго старика».

Этот *post-scriptum* объяснил поведение Леоны: Гонтран разорился, и она не хотела любить его дольше.

Де Ласи зашатался, как человек, оглушенный громом, и упал навзничь: маркиз лишился чувств.

Когда Гонтран очнулся, то увидел себя на собственной кровати: он заболел горячкой. Его перенесли на улицу Порт-Магон, в маленькую квартиру, где все так живо напоминало ему Леону. Маркиз подумал, что видит страшный сон, и позвал:

– Леона, дорогая Леона...

Леона не появлялась, но дверь отворилась, и какой-то человек, которого маркиз никогда не видал раньше, подошел к нему.

– Ну, как вы себя чувствуете? – спросил он Гонтрана. Маркиз, сильно удивленный, смотрел на этого человека.

Хотя уже одно присутствие постороннего лица, фамиллярно, почти дружески спрашивающего о состоянии здоровья маркиза, могло показаться ему странным, его особенно поразила своеобразная наружность незнакомца. Он был высокого роста, худой и уже в пожилых годах, хотя лицо его принадлежало к числу тех, на которые время не налагает своей печати. Его черные волосы, с кое-где пробивавшеюся сединою, были коротко острижены; глаза, серые и глубокие, мрачно блестели и свидетельствовали об энергии и умении владеть собою; на тонких губах была насмешливая улыбка, в которой виднелось глубокое презрение и полнейшее разочарование в жизни. Одет он был в черный сюртук, застегнутый по-военному и украшенный розеткой.

– Кто вы, сударь? – спросил Гонтран, в то время как незнакомец усаживался в кресло, стоявшее у его изголовья.

– Сударь, – отвечал тот, – вы меня не знаете, и мое имя ничего не объяснит вам. Я полковник Леон.

Гонтран сделал жест, выражавший: действительно, я в первый раз слышу это имя.

– Вы меня никогда не видали, я же знаю вас давно. Тайна, которую я не могу открыть вам, заставляет меня принимать участие в вас. Вот уже неделя, как я сижу у вашего изголовья.

– Неделя! – вскричал Гонтран.

– Да, уже неделя, сударь, как вы в постели, и только сегодня заснули спокойно.

– О, Боже мой! – прошептал Гонтран, – не брежу ли я?

– Нет.

– Леона?..

– Она уехала с разбойником Джузеппе. Через месяц она делается его женою.

Гонтран вскрикнул. Незнакомец взял его руку и пожал ее.

– Сударь, – продолжал он, – я уже сказал вам, что принимаю в вас участие. Почему? Вы это узнаете позже. Не рассказывайте мне вашей истории, я ее знаю лучше вас.

– Лучше меня?

– Да, разумеется.

– Но, сударь...

– В доказательство я скажу вам, кто была раньше Леона и что произошло у вас с нею.

Удивлению маркиза не было пределов.

– Значит, вы сам дьявол!

– Нет, я полковник Леон, человек из мяса и костей.

– Так вы колдун?

– Отнюдь нет. Но выслушайте меня. Любопытство Гонтрана де Ласи было затронуто так сильно, что он согласился выслушать полковника.

– Маркиз, – продолжал последний фамиллярно, – пятнадцать месяцев назад вы вернулись из Индии, и Париж показался вам скучным. Вы были богаты – следовательно, имели право скучать. Однажды вечером, на холостой пирушке, вы встретили Леону.

– Это правда, – согласился Гонтран.

– Красота этой женщины была какая-то мрачная и роковая. Разочарованная улыбка скользила на ее губах; она, казалось, много выстрадала. Этого было достаточно, чтобы подействовать на подобное вашему горячее воображение. Вы влюбились в нее с первого взгляда. Леона была в Париже всего две недели; приехала она одна, и никто ее не знал. Была ли она богата или бедна, дочь народа или маркиза – никому это не было известно. Вы вызвались быть ее утешителем, и она приняла ваше сочувствие. Леона умоляла вас не расспрашивать о ее прошлом; она упомянула вам об Италии, и вы поехали туда с нею.

– Все это правда!

– В продолжение года не было человека в мире счастливее вас; вы растрачивали ваше состояние за одну ее улыбку. Вы любили Леону и верили в ее любовь.

– О, она любила меня!

Полковник пожал плечами.

– Погодите, – сказал он, – вы увидите... – И он продолжал спокойно. – Разве вы не замечали в продолжение этого долгого медового месяца странных переходов и внезапных перемен, происходивших с этой женщиной? Неужели она всегда была строго сдержанна, умна, аристократична и ничем не выдавала себя?

Гонтран вздрогнул.

– Что вы хотите сказать?

– Разве вы не замечали иногда, вечером, например, в конце ужина, как маркиза исчезала и уступала место дочери народа, светская дама – авантюристке, изящный язык – языку падшего ангела?

– Да, замечал, – согласился Гонтран.

– Если бы вы были хладнокровнее, вы заметили бы, что эта женщина не любила вас и была попросту хитрой интриганкой. Сначала она искала в вас мужа, затем придумала нечто более гнусное и ужасное... На вас напали в Абруцких горах, не правда ли?

– Да, – отвечал Гонтран.

– И это стоило вам чека в сто тысяч экю?

– Который я уже выплатил.

– Комедия, маркиз, чистейшая комедия. Джузеппе и Леона сговорились: они были в переписке.

– О, ужас! – вскричал Гонтран.

– Я сказал правду, маркиз, и докажу вам это. Смотрите...

Полковник открыл портфель и вынул оттуда смятый лоскуток бумаги, исписанный мелким почерком. Гонтран поспешно поднес письмо к глазам и узнал почерк Леоны. Это была записка в несколько строк, написанная из Неаполя, в которой сообщались разбойнику день и час, когда карета маркиза поедет через Абруцкие горы. Волосы у маркиза стали дыбом, когда он услышал о таком вероломстве. Он смотрел на полковника в оцепенении.

– Теперь, – продолжал последний, – я расскажу вам, кто такая Леона. Десять лет назад она была продавщицей цветов во Флоренции и там влюбилась в мошенника Джузеппе. Один старый синьор, маркиз де Пиомба, ослепленный ее красотой, женился на ней. К концу года Леона осталась богатой вдовой и мечтала выйти замуж за разбойника Джузеппе, которого продолжала любить; но он сделался убийцей и попал в руки неаполитанской полиции. Леона разорилась, спасая Джузеппе от виселицы. Тогда эта женщина сделала то, что вам известно: покинула Флоренцию и приехала в Париж. Там вы встретили ее. Джузеппе набрал разбойничью шайку в Абруцких горах. Прошел слух, что он был убит в схватке с неаполитанскими солдатами, – вот причина отчаяния и грусти Леоны, омрачавшей ее чело в то время, когда вы встретили ее. Но в Женеве она узнала, что Джузеппе жив. Остальное вам известно.

– Сударь, – пробормотал Гонтран, – все, что вы мне рассказали – ужасно, однако...

– Я догадываюсь, – перебил его полковник. – Однако вы все-таки любите ее...

Гонтран вздохнул.

– Ну, что ж, порок увлекает, – спокойно заметил полковник. – Леона – чудовище, но вы любите ее за то, что она убежала и не любит вас. Если бы она любила вас, вы презирали бы ее.

– Может быть...

– Но она не полюбит вас, потому что последняя ваша надежда на богатство исчезла. Шевалье де Ласи лишил вас наследства.

– Сударь, – холодно сказал маркиз, – я люблю Леону за ее измену столько же, как неделю назад любил ее за воображаемую ее привязанность. Если через месяц я не справлюсь с этой роковой любовью, то я убью себя.

Полковник замолчал.

– О! – со злобой продолжал Гонтран. – Я отдал бы душу, чтобы хоть на один час быть любимым ею! Вы правы, сударь, порок увлекает более, чем добродетель. Это пропасть, куда безрассудно бросаются вниз головой.

– Ну, так подождите, – сказал полковник, – и не убивайте себя... Если через неделю вы отчаетесь победить эту пагубную страсть, то приходите на бал в Оперу и в полночь будьте в фойе. Там, может быть, вы встретите человека, который даст вам совет, как добиться любви Леоны.

– Кто же этот человек? – поспешно спросил маркиз.

– Я, – ответил полковник.

– Но, сударь, объясните мне тайну странного участия, которое вы оказываете мне?

– Маркиз, – сказал полковник, вставая, – вы храбры, над вами тяготеет рок, и вы отлично деретесь на шпагах. Имея четырех таких людей, как вы, я могу покорить весь мир. Вот все, что я могу сказать вам. До будущей среды!

И этот загадочный человек оставил маркиза одного, предоставив ему выводить самые странные заключения.

III

Прошло восемь дней. Трудно представить себе, сколько выстрадал Гонтран за это время. Полковник был прав: человека сильнее захватывает порок, чем добродетель. Любовь, которую внушила Леона, загадочная женщина, могла бы быть излечена; но любовь, которую внушила Леона, ловкая интриганка, сообщница разбойника Джузеппе, была неизлечима.

Гонтран просидел безвыходно целую неделю в маленькой квартирке на улице Порт-Магон, падая на колени перед каждой вещью, напоминавшей ему Леону, и целуя ее, как святыню; он разговаривал о ней с Манон, которую сделал своею поверенной, и предавался порой самым несбыточным надеждам. Последние слова полковника вспоминались ему ночью и вставали перед ним как бы высеченные огненными буквами на стенах его алькова, днем же написанные черными буквами на стеклах его окон. Этот человек знал, чем тронуть сердце Леоны, и предлагал помочь ему...

В течение этой недели у Гонтрана надежда сменялась отчаянием. Он помышлял о самоубийстве, но не решался на это потому, что хотел еще раз увидеть Леону; он давал себе клятву, подобно браво, заколоть ударом стилета Джузеппе, своего недостойного соперника, но почти тотчас же признавался себе, что, если Леона просила бы о помиловании, он имел бы слабость пощадить его.

Маркиз в течение всей недели считал часы, отделявшие его от странного свидания с полковником, и спрашивал себя: в какую гнусную или роковую сделку этот человек хочет предложить ему вступить с ним? И при этой мысли честная душа его возмущалась. Но тень Леоны вставала перед ним, и он хмурился и шептал:

– Мне кажется, что ради ее любви я сделаюсь вором и даже убийцей!

Маркиз был болен той неизлечимой болезнью, которую итальянцы называют любовной лихорадкой. В четверг, в середине Великого поста, в девять часов утра Гонтран получил по почте письмо следующего содержания: «Если маркиз де Ласи еще не излечился и если он желает получить сведения относительно лекарства на балу Опера, то пусть он наденет домино и маску и приколет на левое плечо зеленую ленту».

Письмо было без подписи.

– Пойду! – решил Гонтран. – Я хочу быть любимым Леоной!

И он действительно отправился на бал в Оперу. В течение нескольких минут он бродил по фойе как потерянный. В половине первого часа ночи кто-то тронул его за плечо. Он обернулся и очутился лицом к лицу с домино, одетым совершенно одинаково с ним, глаза которого блестели из-под маски, как два горящих угля.

– Ну что? – спросил домино вполголоса. Гонтран узнал полковника. – Вы все еще страдаете?

– Как осужденный на мучения ада.

– Чем пожертвовали бы вы ради ее любви?

– Всем, даже душою.

– Подумайте, это слишком много... Гонтран смутился.

– Не хотите ли вы предложить мне совершить преступление? – спросил он.

– Может быть...

– Никогда.

– Хорошо, в таком случае, прощайте...

– Подождите... одно слово! – прошептал Гонтран, растерявшись. – Не можете ли вы сказать мне, чего вы потребуете от меня?

– Сударь, – холодно сказал полковник, – вы любите Леону, и вы разорены. Если вы не добьетесь любви этой женщины, то, наверное, убьете себя.

– Клянусь вам в этом.

– Это случится, быть может, завтра, а может быть, сегодня.

– Я думаю так же.

– Ну, так слушайте: я могу, на предлагаемых мною условиях, вернуть вам любовь Леоны и сделать вас снова наследником шевалье де Ласи. Леона будет любить вас безумно и страстно, так же, как вы ее любите. Эта бессердечная женщина почувствует ужас и отвращение к Джузеппе.

Гонтран, весь дрожа, слушал полковника, каждое слово которого поражало его сердце, подобно раскаленному стилету.

– Шевалье де Ласи извинится перед вами за то, что собирался лишить вас наследства, и вы будете получать ежегодно тридцать тысяч ливров до самой его смерти, когда вы сделаетесь его единственным законным наследником.

– Продолжайте, сударь... – прошептал маркиз, у которого закружилась голова.

– Вы не утратите вашего положения в свете и останетесь в глазах его истым джентльменом. То, чего я требую от вас, не карается законом.

– О, демон! – пробормотал маркиз. – Ты искушаешь меня...

– А теперь, – продолжал полковник, – поклянитесь мне, что если вы откажетесь исполнить мои условия, то, возвратясь домой, застрелитесь, потому что я не хочу, чтобы человек, владеющий моей тайной и не желающий сделаться моим сообщником, жил на свете.

– Клянусь, – сказал Гонтран.

– Хорошо, следуйте за мною.

Полковник направился к выходу, где обменялся таинственным знаком с четырьмя или пятью домино, у которых на плече были приколоты ленты различных цветов, и жестом пригласил Гонтрана сесть в маленькое купе, в котором поместился рядом с ним. Затем он поднял окна в купе, которое быстро покатилося. Стекла купе были матовые, так что маркиз не мог проследить, куда его везет полковник. Они ехали около двадцати минут, затем купе внезапно остановилось. Полковник открыл дверцу, и Гонтран увидал темную маленькую улицу, каких было много в окрестностях Пале-Рояля. Маркиз вышел и очутился перед открытой калиткой, ведущей в темный проход, в конце которого мерцал свет лампы.

– Идемте, – сказал полковник.

Гонтран последовал за ним и поднялся на тридцать ступенек узкой и грязной лестницы; полковник открыл еще одну дверь, и маркиз очутился в маленькой, плохо освещенной комнате, окна которой были тщательно завешаны; комната была меблирована заново и освещалась двумя лампами с абажурами. Спутник маркиза сбросил домино и сказал Гонтрану:

– Оставайтесь в маске.

В тщательно припертую полковником дверь постучали два раза. Он пошел отворить ее. Человек, одетый также в домино, появился на пороге. Полковник поздоровался с ним и пригласил:

– Будьте любезны сесть, сударь.

Затем вошли еще пять человек, тоже в масках. Полковник обменялся с ними поклонами и, попросив садиться, снова запер дверь.

– Теперь мы все в сборе, – сказал он.

При этом полковник открыл другую дверь и жестом пригласил присутствовавших последовать за ним. Гонтран де Ласи оглядел комнату. Она была небольшая, обитая гранатовым, почти красным бархатом. На стенах были развешаны скрещенные шпаги разного образца, а над ними висели маски и перчатки. Эту комнату можно было бы принять за оружейный зал. Посередине стоял письменный стол, заваленный бумагами, большая часть которых была с надписями. Вокруг стола стояло шесть кресел. Седьмое предназначалось для председателя таинственного собрания. Полковник занял его, сев перед столом.

Он один был без маски и домино между этими замаскированными и одетыми в домино людьми.

Торжественное молчание воцарилось среди шестерых людей, которые были незнакомы друг с другом и, по-видимому, явились сюда по таинственному приглашению.

Полковник вежливо попросил их занять места около него и сказал:

– Господа, никто из вас не знает, зачем все вы собрались сюда: маски скрывают ваши лица, и ни один из вас не может сказать, знает ли он остальных; вы явились, побуждаемые одним и тем же могучим двигателем, хотя все по разным причинам. Я один, господа, знаю вас всех, но я сохраняю в тайне вашу интимную жизнь. Среди вас есть влюбленный и разорившийся джентльмен; есть сын, у которого мачеха отняла отцовское состояние; есть офицер, покинувший поле брани, повинувшись таинственному долгу, которого не признает военный закон. Последний предстанет перед военным судом ранее, чем через месяц, если генерал, командующий африканской армией, в которой он состоял, вернется во Францию. Четвертый готов пустить себе пулю в лоб, если не заплатит проигранных им ста тысяч экю. Он разорен, и этой суммы ему достать негде, но самое прискорбное это то, что его противник сплутовал. Однако это не принято доказывать. Пятый забылся однажды вечером несколько лет назад и сделал подлог. Он принадлежал к хорошей фамилии, но превратности парижской жизни, игра, женщины... и прочее... Подложный вексель был уже в его руках, но вероломный лакей украл его. Если виновник попал бы в руки правосудия, то очутился бы со своею баронскою короной в остроге. Наконец, господа, последний из вас – адвокат; он талантлив и честолюбив, он жаждет носить имя, которое ему не принадлежит, и это имя только один человек может доставить ему, но для этого нужно было бы сдвинуть горы. Адвокат сильно скомпрометирован.

Полковник замолчал и взглянул на своих гостей. Они сидели неподвижно, и трудно было бы угадать, который из них адвокат, дезертир и сделавший подлог.

– Как видите, господа, – продолжал полковник, – я знаю вас всех, знаю даже более и имею доказательства вашей виновности. Будучи незнакомы между собою, вы принадлежите к одному и тому же обществу, ваши страсти таинственно направлены к одной цели, общий интерес соединяет вас, и вы все почти с равным искусством владеете шпагой.

Шестеро гостей полковника с любопытством взглянули друг на друга.

– Теперь, – продолжал полковник, – я расскажу вам о себе. Моя история коротка. Я был полковником в 1815 году. Реставрация заставила меня вернуться к жизни частного человека. В течение пятнадцати лет я обдумывал план организовать общество сильных людей, которые бы ни перед чем не останавливались, общество тайное, никому неизвестное, грозное. Члены его должны совмещать в себе обязанности судей с правами палача, и интересы личности должны в нем подчиняться общим интересам, а общие интересы быть направлены к интересам каждого отдельного члена. Это общество должно оправдать собою басню о пучке копий, которые трудно переломить, пока они связаны, и которые легко ломаются, когда они разделены. Один романист написал повесть под заглавием «Тринадцать». Я хочу из области фантазии перенести ее в действительную жизнь. Я хочу, господа, обосновать фран-масонское общество «Друзья шпаги». Человек, стоящий на дороге, убивается честно на дуэли с целью смертью одного дать счастье нескольким людям. Я мог бы, господа, подробнее познакомить вас со своею программой, но пока считаю это бесполезным, так как общество еще не организовано, а вы друг с другом незнакомы, а потому свободны принять обязательства или отказаться от них. Но я должен предупредить вас о той опасности, какой подвергается каждый из вас. Одного ожидает каторга; другому грозит потеря чести; третий должен быть расстрелян; четвертый не заплатит своего карточного долга; пятый не будет мочь носить украденное им имя. Только один из вас может считать себя чистым, но и его снедает роковая страсть, и он дал мне слово пустить себе пулю в лоб в тот день, когда откажется от участия в нашем обществе. Теперь вы видите, что я держу вас всех в своих руках.

Торжествующая улыбка мелькнула на губах полковника, между тем как гости его содрогнулись.

– Теперь, – сказал он, – если кто-нибудь из вас не желает принадлежать к нашему обществу, то может удалиться.

Прошло несколько минут страшного колебания. Эти люди, совершившие преступление или терзаемые страстью, сразу поняли всю глубину ожидавшей их пропасти. Но никто не двинулся с места.

– Я знал уже, – прошептал полковник, – что вы все принадлежите мне так же, как и я принадлежу вам.

Затем, взглянув на каминные часы, он сказал:

– Я даю вам еще пять минут на размышление.

Пять минут пролетели среди подавляющего, мрачного молчания в обитой гранатовым бархатом комнате; можно было различить отчетливо, как у присутствовавших бьется пульс и равномерно тикают часы.

Гонтран де Ласи, как честный человек, долго колебался, но воспоминание о Леоне преследовало его; он верил, что Леона полюбит его, и эта роковая надежда повелевала ему оставаться здесь. Притом по выходу отсюда ему предстояло умереть, а жизнь, увенчанная ореолом молодости и любви, так привязывает к себе!

Пять минут прошли, однако никто и не думал покинуть своего кресла.

– Ну, теперь я вижу, – сказал полковник, – что наше общество организовано; долой маски! Товарищи, мы можем теперь познакомиться, потому что мы связаны друг с другом. Долой маски!

Голос этого человека звучал повелительно. Ему повиновались. Маски упали, и все шестеро «Друзей шпаги» с изумлением оглядывали друг друга.

IV

Лица, снявшие маски, из которых пятеро еще не знакомы нашим читателям, заслуживают того, чтобы им были посвящены несколько строк. Первому было лет около тридцати; он был высокого роста, смугл, с густыми черными усами и мужественно красив; широкий шрам на лбу свидетельствовал о том, что он видал врага лицом к лицу. Нетрудно догадаться, что он-то и есть дезертировавший адъютант. Звали его Гектором Лембленом. Это был славный офицер, обязанный капитанским чином собственным заслугам, а не своему происхождению, потому что он был сыном незначительного руанского негоцианта. Второй был еще совершенно юный, белокурый, тщедушный юноша, с лицом, носившим отпечаток беспутной жизни, звали его виконт Ронневил. Это был несчастный игрок. Третий – адвокат – был лет двадцати девяти, с истомленным от труда и честолюбия лицом, с тонкими насмешливыми губами, с горящими и бегающими глазами; он носил чужое имя. В свете его звали Эммануэль Флар-Монгори.

Последний отпрыск славного рода Флар-Монгори усыновил молодого Эммануэля и впоследствии должен был оставить ему все свое состояние; но старый дворянин, насквозь пропитанный родовыми предрассудками, был готов отдать все, исключая своего имени; хотя он и передавал состояние своему приемному сыну, но все же не собирался передать ему на законном основании своего имени. Однако Эммануэль выдавал себя за Флара де Монгори, а старик, по свойственной ему слабости, допускал это. Но в один прекрасный день маркиз мог умереть, и тогда его племянник барон де Флар-Рювиньи на законном основании мог приказывать наследнику по завещанию покойного, человеку, возвращающемуся в свет, снова носить имя Шаламбея. Можно было предположить, однако, что если бездетный господин де Флар-Рювиньи умрет раньше маркиза, то последний усыновит Эммануэля.

Четвертый, барон Мор-Дье, последний отпрыск вандейской фамилии, был закадычным другом Гонтрана де Ласи. Барон наделал долгов на сто тысяч экю, и бабушка лишила его наследства, которое отдала одному из своих племянников, капитану африканской кавалерии, и только в случае смерти капитана г-жа Мор-Дье могла бы изменить свое решение и вернуть барону то, что ему принадлежало по праву. Наконец, пятый, некогда учинивший подлог, человек лет тридцати пяти, представлял тип парижского прожигателя жизни. Бурная жизнь покрыла его лоб морщинами; горькая улыбка, блуждавшая на его губах, свидетельствовала о степени его разочарования и о том, что его общественная жизнь состояла из ряда предосудительных поступков, которые умный человек должен тщательно скрывать. В свете и полусвете Оперы его называли маленьким шевалье. Он был одним из тех людей, жизнью которых управляет слепой случай и которые, сообразно с обстоятельствами, то обладают всевозможными добродетелями, то способны на всякие преступления. Он шел прямо к цели, никогда не отступал, и полковник, знавший его, наметил его своим преемником в организованном им обществе.

Шевалье д'Асти был высокого роста и отличался необыкновенной силой и ловкостью во всех телесных упражнениях; бледное, как у всех прожигателей жизни, лицо его, мужественно прекрасное и выразительное, неотразимо действовало на воображение женщин. Он любил противоречить, был проницателен и осмеивал все и вся на свете. Он был опасен, как Мефистофель, и прекрасен, как Алкивиад. Шевалье еще не разорился, хотя заранее уже спустил несколько наследств, которые должны были впоследствии перейти к нему. На его рассеянную, беспутную жизнь не хватало двадцати тысяч ливров годового дохода, и его дядя отказал ему в руке его кузины, мадемуазель де Пон, потому что барон де Пон желал иметь зятя, обладающего, по крайней мере, миллионным состоянием. Шестеро гостей полковника знали друг друга по именам, а некоторые были знакомы между собой и лично, но он один знал подробно темное прошлое каждого из них. Представив их друг другу, полковник взял лист бумаги и сказал:

– Позвольте мне теперь, господа, прочитав вам устав нашего общества. В нем заключаются четыре параграфа.

Шестеро товарищей по шпаге, прежде чем подписаться под уставом, внимательно выслушали речь своего главы.

– Параграф первый, – начал полковник. – «Общество состоит из семи членов и называется обществом „Друзей шпаги“.

Параграф второй: члены общества «Друзей шпаги» должны сплотиться и отрешиться от всех личных привязанностей ради интересов общества.

Параграф третий: один только председатель этого союза вправе отдавать приказания, и это я – полковник Леон, основатель общества.

Параграф четвертый и последний: каждый член, который когда-либо захотел бы выйти из состава общества, должен будет драться на дуэли поочередно со всеми остальными шестью членами. Хотя шпага должна быть единственным оружием союзников, они все же будут носить кинжал и при случае пускать его в ход, как орудие защиты и нападения, а если потребуют обстоятельства, то они могут прибегать и к пистолету.

Полковник умолк и обвел взглядом присутствовавших.

– Подпишитесь, господа, – предложил он.

Взяв перо, он подал его маркизу де Ласи. Гонтран слегка побледнел, но подписался. Пятеро других членов подписались вслед за ним.

– Теперь, господа, – продолжал полковник, – наше общество основано и должно немедленно начать действовать. В этом году я ваш начальник: я руковожу вашими действиями, а вы действуете; я приказываю, а вы повинуетесь. Никто из вас не вправе обсуждать мои приказания, потому что в основе их лежит общая выгода. Теперь мы разойдемся. Завтра каждый из вас получит приказания. Я, со своей стороны, постараюсь оградить вас от опасностей, которые будут угрожать вам.

Полковник взглянул на Гонтрана и сказал:

– Маркиз де Ласи, я поклялся вам, что Леона полюбит вас. Прежде всего мы позаботимся о вас, потому что страсть, овладевшая вами, не ждет.

Сказав это, полковник встал.

– Господа, – прибавил он, – сегодня бал в Опере; вернитесь туда, если желаете. Объявляю заседание закрытым.

Пятеро союзников де Ласи встали и вышли один вслед за другим. В комнате остались только полковник, снова надевший домино, и Гонтран, не могший прийти в себя от всего происшедшего.

– Я брежу, – прошептал он.

– Нет, – сказал полковник, – вы не бредите, маркиз.

Гонтран поднес руку ко лбу.

– Я дал клятву, – сказал он, вздрогнув от ужаса, – я не принадлежу уже себе.

– Леона будет вашей, – проговорил полковник. Услышав это имя, маркиз просиял.

– Вы правы! – вскричал он. – Я хочу Леону во что бы то ни стало; Леона или смерть...

Полковник был спокоен и невозмутим.

– Однако, полковник, – продолжал маркиз, устремляя на него лихорадочный взгляд, – что, если вы меня обманете?

– Что такое вы сказали? – холодно спросил последний.

– Что, если вы не сдержите своих обещаний?

– Я их сдержу.

– Но, однако...

– Маркиз, – перебил его полковник, – если, сверх ожидания, я их не исполню, то вы можете выйти из общества, хотя это ни к чему вам не послужит.

- Вы полагаете? – спросил Гонтран, вздрогнув.
- Да, – сказал полковник, – если мы не вернем вам Леону, вы умрете.
- Мне и самому так кажется, – пробормотал маркиз.
- Итак, если вы верите мне, – проговорил полковник, – то отправляйтесь домой и приготовьтесь к отъезду. Рано утром мы отправимся в путь.
- Куда же мы поедem?
- В поиски за Леоной.

V

Неаполь просыпался при звуках песен и восторженных кликах народа. Перед церковью теснилась громадная толпа любопытных, жаждавших полюбоваться на невиданное зрелище: женился знатный синьор, граф Джузеппе делла Пульцинелла. Граф привлекал к себе общее внимание уже в течение целого месяца, и рассказ о его жизни, полной всевозможных приключений, переходил из уст в уста. Граф принадлежал к очень древней, но разорившейся фамилии, которая ни за что не согласилась бы взяться за низкий труд; он был нищий и поэт, а король называл его своим кузеном. Рассказывали, что какой-то ревнивый муж, заставший его на своем балконе, был убит им; вследствие этого графу пришлось иметь дело с полицией, и он принужден был покинуть свое отечество. Тут начиналась целая эпическая поэма, полная таинственности и легенд.

В течение десяти лет никто не знал о судьбе нищего графа. По словам одних, он сделался разбойником, начальником шайки воров, тем самым Джузеппе, который обирал путешественников в ущельях Абруцких гор; другие же утверждали, что он жил во Франции, где приобрел популярность как дуэлист и эксцентрик. Потом его однажды видели в Неаполе в безукоризненном костюме, в карете, со множеством слуг. Он возвратился с молодой прекрасной женщиной, одетой в глубокий траур, неутешной вдовой. Целый год она оплакивала смерть первого мужа. Но год миновал, и граф Джузеппе делла Пульцинелла теперь женится на маркизе Леоне, вдове маркиза делль Пиомбо, женщине столь же добродетельной, сколь прекрасной и безупречной.

У входа в церковь и вдоль прилегающих улиц стояла длинная вереница экипажей, среди которых выделялась карета, запряженная шестью лошадьми в дорогой упряжи.

Это была почтовая карета графа. Он хотел соединить английские обычаи с итальянскими, и свадьба была днем. Намереваясь провести медовый месяц в одном из своих уединенных замков, вдали от городского шума, где они, богатые и счастливые, могли полнее отдаться восторгам любви, граф уезжал в Пульцинеллу, свое родовое, выкупленное им имение, расположенное на восточном склоне Абруцких гор вблизи Адриатического моря, безбрежной голубой поверхностью которого можно было любоваться с высоты башен замка. Пульцинелла была феодальным замком, о котором, несмотря на ее милое имя «Полишинель», ходили самые мрачные легенды.

В Средние века ее стены, как говорили, заглушили не один предсмертный стон пленного рыцаря. В последнее время в ее развалинах находила убежище шайка разбойников, основавших здесь свою главную квартиру.

Но, разбогатев, конечно, благодаря разбоям, бандиты в один прекрасный день исчезли. Тогда граф выкупил Пульцинеллу и реставрировал ее, рассчитывая провести в ней все лето, так как климат здесь был лучше, чем в Неаполе.

В полдень новобрачные вышли из церкви, окруженные толпою приглашенных и встреченные аплодисментами зевак, которые всегда рады случаю пошуметь.

Граф был в полном смысле слова красавец. На нем был надет древний неаполитанский костюм, который шел к нему замечательно; он бросал в толпу с беспечностью истого аристократа мелкую серебряную монету. Новая графиня была обворожительна. Но внимательный наблюдатель мог бы заметить тень грусти и скрытого беспокойства, омрачавшего ее белое, как слоновая кость, чело, или уж не счастье ли сделало ее мечтательной?

Граф и графиня сели в карету, поблагодарив провожавших за пожелания счастливого пути и распрощавшись с ними. Четыре ливрейных лакея, ехавшие верхом, окружили карету.

Карета тронулась; лошади галопом понеслись по улицам Неаполя. Никто из приглашенных на брачную церемонию не последовал за знатными супругами, только их собственные слуги сопровождали их.

Двадцать пять лье, отделявшие Неаполь от Пульциnellы, они проехали так быстро, что к полуночи прибыли в замок. Граф распорядился заранее, чтобы слуги в замке ожидали их приезда. Когда карета, миновав предместья, покатила по открытому полю, граф, обернувшись к своей супруге, сказал ей смеясь:

– Как ты находишь, моя милая, хорошо мы сыграли свои роли?

– Превосходно!

– Пусть меня повесят, если только неаполитанцы не считают тебя самой чистой и добродетельной из женщин.

– А ты так чуть не сделался добродетельным...

– К счастью, бандит уже не существует. На свете есть только граф Джузеппе Пульциnellа, истый джентльмен, страшный богач, женатый на благородной маркизе делль Пиомбо.

Леона опустила голову.

– Какая прекрасная будущность предстоит нам! – продолжал бывший разбойник. – Мы богаты благодаря моему удачному ремеслу, а те сто тысяч экю, которые нам достались от глупого маркиза Гонтрана де Ласи, несколько увеличили наше состояние.

Леона ответила взрывом смеха и посмотрела на мужа.

В первый раз этот человек, которого она обожала, когда он был убийцей и бандитом, показался ей не на своем месте в одежде добродетельного вельможи.

– Странно, – прошептала она, – но мне кажется, что ты теперь утратил всю прелесть и поэзию.

Джузеппе закусил губы.

– Ты с ума сошла! – воскликнул он. – Неужели ты хочешь, чтобы я опять взялся за карабин?

– Почему бы и нет? Карабин – это опасность, жизнь с ним полна приключений и волнений.

Граф пожал плечами.

– Не хочешь ли ты, чтобы я снова набрал шайку и обратил замок Пульциnellу в притон разбойников?

– Это было бы картинно и поэтично.

– Полно, моя милая, картинность и поэзия встречаются только в опере, но никак не в действительной жизни разбойников.

Леона в свою очередь закусила губу.

– Неужели вы думаете, – продолжал Джузеппе, – что, ведя этот ужасный и опасный образ жизни, я имел в виду поэзию, а носил постоянно за плечами карабин ради картинности?

Леона до крови закусила губу и молчала.

– Честное слово! – проговорил, волнуясь, разбойник. – Женщина – самое капризное и странное создание на свете! Оказывается, что если бы я владел миллионом и был при этом честным человеком, то вы никогда не полюбили бы меня.

– Разумеется, нет; преступление притягивает, – холодно ответила Леона и затем с досадой добавила. – Если бы я вздумала полюбить честного и богатого человека, то я выбрала бы Гонтрана де Ласи. Он был положительно героем романа и заплатил за мою любовь всем своим состоянием. Если бы он пронзил меня кинжалом, чтобы я живой не досталась вам, то я умерла бы, любя его.

Все это было сказано Леондой презрительно и сухо; затем, откинувшись в глубину кареты, она закрыла глаза и притворилась спящей, не желая видеть своего мужа, сделавшегося теперь совершенно не интересным для нее в новом положении знатного синьора.

Так ехали они целый день и только к вечеру достигли ущелий Абруцких гор, которые вели к Пульциnelle. Вид диких горных цветов и кустарников напомнил Леоне встречу с раз-

бойниками, страх за нее Гонтрана, и ей стало жаль прошлого. Ей захотелось, чтобы человек, сидящий рядом с нею, был Гонтран и чтобы Джузеппе и его разбойники снова напали на них.

Пустая иллюзия! Джузеппе сделался добродетельным, его товарищи, тоже разбогатевшие, последовали его примеру. Аbruцкие горы, несмотря на дикий и страшный вид, были теперь безопасны для путешественников.

Карета все еще ехала очень быстро, углубляясь в горы; день клонился к вечеру, последние лучи солнца слегка золотили вершины гор; вечерний мрак спустился на землю, и скоро все предметы потонули в нем. Граф Джузеппе спал безмятежным сном, производя впечатление доброго вельможи, не склонного к поэзии и которому уже наскучили и природа, и путешествия. Леона находила, что разбойник, превратившийся в рантье, сделался страшно вульгарен. Вдруг свет мелькнул на дороге, раздался выстрел, и как месяц назад, одна из лошадей упала, раненная насмерть. Граф сразу проснулся.

– Черт возьми, вот и вторая пуля! – вскричал он. – Однако здесь нет разбойников.

Леона просияла от радости.

– Возьмите пистолеты, – приказала она ему, – и защищайтесь!

– Вздор! – ответил он. – К чему? Это, наверное, кто-нибудь из моих прежних товарищей, не бросивших еще своего ремесла и принявший нас за англичан. К счастью, он узнает меня.

Две пули снова пролетели мимо ушей графа, и убитые лошади повалились на пыльную дорогу, увлекая за собою своих всадников.

В то же время человек двенадцать подскочили к карете и закричали по-итальянски:

– Сдавайтесь или вы умрете!

– Эге! Друзья мои, – отвечал Джузеппе, не удостоивши даже поднести руку к пистолетам, – вы не узнали меня? Я граф Джузеппе. Подойдите-ка сюда...

Один из разбойников приблизился и почтительно поклонился.

– А, ваше сиятельство, – пробормотал он, – тысячу извинений! Мы поджидали немецкого принца, который должен был проехать здесь. Мы подумали, что это он.

– Джакомо! – воскликнул Джузеппе с удивлением. – Мой лейтенант.

– Да, капитан.

– Ты разбойник!

– Такой же, каким были и вы.

– Но ведь ты разбогател после дележа.

– Увы!

– Что это значит?

– Я скучаю, ваша светлость.

– Ты снова взялся за прежнее ремесло?

– Как видите.

– И теперь ты, мошенник, командуешь моими людьми?

– Нет, не я, ваша светлость.

– Как, они выбрали другого начальника?

– Да, я, как был лейтенантом, так и остался.

– Все это отлично, но ты причина того, что я приеду двумя часами позже в свои владения.

Ты убил мою лошадь.

– Смешная история, ваша светлость.

– Прикажи дать мне лошадь и до свиданья!

– Извините! Но я не понял вас.

– Как?

– Черт возьми! Тому, кто имел честь служить под командой такого начальника, как Джузеппе, известно, что ни один путешественник не должен проехать мимо, не заплатив нам выкупа.

– Негодяй! – вскричал граф. – Неужели ты осмелишься задержать меня?

– Не я, ваша светлость.

– Так кто же в таком случае?

– Капитан.

– Это я.

– Вы более не капитан.

– Хорошо, но где же он?

– Здесь, – раздался голос, при звуке которого Леона вздрогнула. Человек в маске подошел к карете. В одной руке он держал ружье, а в другой кинжал; подойдя на расстояние двух шагов к графу, он сбросил маску.

– Узнаешь ли ты меня? – спросил он. Леона вскрикнула:

– Гонтран!

Джузеппе побледнел и глухо прошептал:

– Маркиз!

– Мы поменялись ролями, граф Пульци넌ла, – усмехнулся Гонтран де Ласи. – Теперь сведем чаши счеты!

VI

Гонтран де Ласи, так как это был он, направил дуло пистолета в лоб бандита и сказал:

– Если ты шевельнешься, то умрешь! Выслушай меня.

Разбойник, который когда-то рисковал жизнью ради нескольких экю, разбогатев, сделался трусом: он почувствовал, как волосы у него стали дыбом.

– Я был богат, – продолжал Гонтран, – и любил эту женщину.

И жестом, полным презрения, он указал на Леону, которая затрепетала от ужаса.

– Эта женщина любила тебя, презренный разбойник, и при ее помощи ты лишил меня всего моего состояния. Я также захотел быть любимым ею и потому сделался разбойником.

Ты – убийца и вор, граф, а выдаешь себя за честного человека, я же поступил наоборот. Я хочу последовать твоему примеру и вернуть золото и любимую женщину тем же путем, каким ты взял их у меня. Я собрал твою бывшую шайку и стал во главе ее, она слушается меня, потому что я храбр. Теперь я капитан Гонтран, а не маркиз де Ласи, ты же граф Пульцинелла.

Граф вздрогнул, но молчал.

– Я, – продолжал Гонтран, – беден, я разбойник, а эта женщина, жена твоя, которая когда-то принадлежала мне благодаря моему золоту, должна снова стать моею, понял?

И, говоря это, Гонтран захохотал.

– Прав ли я, сударыня? – обратился он к Леоне. – Будьте любезны сказать ваше мнение.

Леона молча бросила на Гонтрана взгляд, ясно говоривший: «Ах! Зачем ты не был всегда таким?»

– Однако, – снова заговорил Гонтран, – я благороднее тебя. Я мог бы убить тебя без всяких рассуждений, но предпочитаю предоставить тебе возможность защищаться. Я предлагаю тебе на выбор: шпагу или пистолет. Леона будет наградой победителю.

Зубы графа застучали от ужаса.

Ну, скорее! – торопил Гонтран, схватив графа за руку и вытаскивая его из кареты. – Выбирай...

– Пощадите! – пробормотал разбойник. Гонтран обернулся к Леоне и холодно сказал ей:

– Сударыня, мне жаль вас: вы любите труса!

Леона вспыхнула, как раненая пантера. Она, взглянув на мужа презрительно и гневно, сказала ему:

– Ну, убей же этого человека, презренный! Убей же его! Джузеппе побледнел и погрузился в какое-то мрачное оцепенение. Флорентинка выхватила из рук разбойника шпагу и подала ее графу. Он взял ее, но шпага выскользнула из его руки и тяжело упала на землю.

– О, трус, трус, негодяй! Возмутительный трус! – шептала она со злобой.

И, подняв шпагу, она слегка коснулась ею лица мужа, забывшего, что он разбойник. Это оскорбление отчасти вернуло энергию Джузеппе: он вырвал шпагу из рук Леоны и кинулся на Гонтрана, вскрикнув от гнева. Маркиз ловко отразил удар, и спустя несколько минут граф был обезоружен, а шпага Гонтрана коснулась его груди.

– Твоя жизнь в моих руках, – сказал он ему.

– Ну, так убейте его! – вскричала Леона.

– Я буду великодушнее тебя, – сказал Гонтран. – Ты отнял у меня богатство и ту, которую я любил, а я предлагаю тебе: выбирай!

Леона вздрогнула от гнева. Взгляд ее, полный ненависти, направился на Гонтрана, на Джузеппе же она взглянула с презрением.

– Выбирай, – продолжал маркиз, – Леону или богатство; или уступи мне первую, или же подпиши мне вексель на четыреста тысяч ливров с предъявлением твоему неаполитанскому банкиру и увози свою жену.

– Никогда! – прошептал Джузеппе.

– Значит, ты выбираешь деньги?

– Да!

– И отказываешься от Леоны? Разбойник утвердительно кивнул головой.

– Вы видите, сударыня, – сказал Гонтран. – Джузеппе ценит вас менее четырехсот тысяч ливров, тогда как я отдал за вас все, что имел.

И Гонтран продолжал, обращаясь к неаполитанцу:

– Убирайся, негодяй!

В это время Леона подбежала к одному из разбойников, вытащила у него из-за пояса пистолет и, направив его в лоб мужу, выстрелила. Джузеппе упал смертельно раненный. Тогда Леона бросила пистолет и обернулась к Гонтрану.

– Я отомщена! – сказала она. – Теперь делайте со мною, что хотите.

– Сударыня, – любезно ответил маркиз, – я провожу вас в ваш замок Пульцинеллу, где вы должны были провести лето. Будьте любезны сесть в карету.

Леона повиновалась; она уловила в глазах Гонтрана приказание: эта странная женщина, ненавидевшая слабость, преклонялась перед силой. Гонтран, преклонявший перед нею колени, любивший ее страстно, не пробудил в ней любви; но этот же самый человек, вдруг изменившийся, сделавшийся вследствие любви разбойником и обращавшийся с нею презрительно, быстро вырос в ее мнении. Он приказывал – и она с наслаждением повиновалась.

Она села в карету, между тем как Гонтран, вскочив на лошадь, поехал рядом с нею.

– Трогай! – крикнул он почтальону.

Разбойник Джакомо поехал с другой стороны кареты. Ямщики знали по опыту, что нельзя противиться разбойникам, и вскочили на лошадей; карета покатила во весь опор в сопровождении Гонтрана и его лейтенанта. Слуги остались в руках разбойников, которые собирались бросить в овраг труп своего прежнего начальника.

– Сударыня, – сказал Гонтран после нескольких минут молчания, – вы, должно быть, родились в счастливый час.

Леона вздрогнула и взглянула на него.

– Если бы граф Джузеппе был храбр и дрался похладнокровнее, он мог бы убить меня, и в таком случае...

И Гонтран в свою очередь взглянул на нее и захохотал.

– В таком случае, – спокойно закончил он, – Джакомо убил бы вас.

Она вздрогнула и прошептала:

– Что вы за человек?

В ее словах слышалось восторженное удивление.

– К счастью, – продолжал он, – этого не случилось, и в этом происшествии лицо, наиболее достойное сожаления, – это я, потому что я любил женщину недостойную, которая предпочла мне негодяя.

Глаза Леоны блеснули от гнева.

– Если вы великодушны, – сказала она, – так убейте лучше меня сейчас, чем глумиться надо мною.

– Если я убью вас сейчас, – ответил Гонтран, – то вы будете слишком счастливы: вы не успеете испытать страданий.

Леона вздрогнула.

– Жизнь бандита, – продолжал Гонтран, – имеет много прелестей, которых я, парижский лев, и не подозревал: волнение во время битвы, постоянную опасность, пассивное повиновение подчиненных, ночные нападения, бесшабашные оргии... о, графиня, все это имеет свою прелесть!

Флорентинка смотрела на Гонтрана и только теперь заметила его поразительную, мужественно красивую наружность. В Леоне происходила реакция. Гонтран постепенно занимал место Джузеппе, и авантюристка не могла объяснить себе, как она могла прожить с ним целый год и не угадать, что он за человек.

В голосе Гонтрана звучала затаенная ирония.

– Я был когда-то у ваших ног, – сказал он, – страдающий и любящий. Я поклялся отомстить вам, потому что теперь я ненавижу вас, как лев ненавидит гадюку, которая, укусив, впустила в него свой яд. Если вы полюбите меня, то любовь ваша будет моею мстью; если вы меня возненавидите, то ваша беспомощность будет радовать меня.

Леона поняла, что час возмездия настал, но, несмотря на это, она злобно расхохоталась.

– Продолжайте! – вскричала она. – Можете развить мне план вашего мщения: это меня позабавит.

– Вы не узнаете его. Неизвестность – та же пытка.

– Действительно! Вы меня пугаете... Уж не думаете ли вы уморить меня голодом?

– Нет, от голода умирают самое большее через неделю. Мсть была бы шуткою, если бы была так кратковременна. Я готовлю вам нечто худшее.

«О, – подумала Леона, – он будет неумолим!» И зубы ее застучали от страха, хотя губы ее продолжали улыбаться.

«Только бы мне не полюбить его!» – сказала она себе со злобой.

Между тем карета продолжала с грохотом катиться, то поднимаясь, то исчезая среди уступов гор. Вдруг карета поднялась на площадку, находившуюся над рядом глубоких ущелий и обрывистых утесов, поросших темным, густым лесом.

– Посмотрите, дорогая моя, – сказал Гонтран. – Вот тот замок, о котором вы мечтали.

С этими словами он указал рукою на утес, окруженный цепью Аbruцких гор и вздымавшийся к небу своей заостренной вершиной, на которой возвышался феодальный замок, видом своим возбуждавший тяжелые воспоминания Средних веков. То была Пульцинелла.

Несколько там и сям мелькавших на фасаде огоньков освещали его, точно маяк. С востока на него падал бледный свет луны. Никогда еще у бандитов не было такого удобного убежища, пригодного разве для гнезд орла или сокола. Утес, круто обрывавшийся с трех сторон, служивший подножием старинному замку, своей северной стороной примыкал к еловому лесу, поднимавшемуся амфитеатром, среди которого пролегла узкая, хотя доступная для проезда экипажа дорога, и вела по крутому подъему к воротам старинного здания.

Леона с неизъяснимым волнением смотрела на мрачное здание, где она должна была жить пленницей, и мысленно спрашивала себя о том, как мог Джузеппе, отказавшийся от разбойничества, везти ее сюда, чтобы провести здесь лето. Ее удивление еще усилилось, когда по мере приближения она заметила, что замок, который – как ей говорили – был заново отделан, носит следы пожара и башни его стоят разрушенные, а крыши не существует. Только один главный корпус замка остался невредимым, хотя пламя коснулось и его. Гонтран, угадав недоумение Леоны, сообщил ей:

– Если бы несчастный граф Джузеппе прожил тремя часами более и явился сюда, то он ужаснулся бы при виде этой картины разрушения и подумал бы, что грезит. Отдельвая замок, он хотел придать ему вид Монморанси. Вы бы умерли там с тоски, моя милая... Но я все предвидел, все сжег, все разрушил, чтобы обратить замок в развалины и тем подействовать на воображение такой женщины, как вы. Это такое внимание, которое, я надеюсь, вы оцените. Здесь нет другого жилого места, кроме ваших комнат.

В эту минуту карета остановилась у ворот Пульцинеллы.

VII

Замок Пульцинелла состоял из четырех корпусов, окруженных обширным двором с четырьмя башнями по углам, выстроенными в стиле феодальных времен. Три из них были разрушены, и лунный свет скользил по их обгорелым стенам, лишенным крыш. Огонь пощадил лишь ту часть дома, которая выходила на море. Двор был завален обломками, и карета не могла въехать в него.

– Будьте любезны опереться на мою руку, сударыня, – сказал Гонтран, открывая дверцу кареты, – и позвольте мне проводить вас в приемный зал.

Сердце Леоны сжалось; ей показалось, что эти развалины будут ее могилой, но все же ее гордость не позволила ей просить о пощаде: она скорее умерла бы, чем оперлась бы на руку Гонтрана.

– Укажите мне дорогу, я последую за вами, – сказала она. Гонтран взял фонарь из рук почтальона и повел Леону через груды обломков. Развалины были безмолвны, и если бы не мелькавшие то тут, то там огоньки, то их можно было бы принять за необитаемое жилище. Пройдя двор, Гонтран остановился перед дверью, ведущей в жилое помещение.

Он постучал; дверь открылась, скрипнув со зловещим шумом, и за нею открылся коридор, чуть освещенный красным светом.

Леона услышала вдали веселые пьяные голоса.

– Пойдемте, – сказал Гонтран, – я хочу познакомить вас с моими друзьями.

Леона, как и все глубоко порочные натуры, была храбра и отважна, хотя временами на нее нападал страх. В данный момент она дрожала и боялась Гонтрана.

Он провел ее до порога большой залы, откуда доносились хохот и голоса. Странное и величественное зрелище представилось глазам Леоны.

Зала, в которую они вошли, имела суровый и законченный вид; старые красные обои покрывали стены; в углах в железные скобы были вставлены смоляные факелы, озарявшие своим тусклым светом залу.

Здесь, сидя и лежа на полу, находились семь или восемь человек, одетые как крестьяне в Калабрии. На большом столе стояли пустые стаканы и бутылки. Все пели песни в честь вина и смеялись. При виде Гонтрана и Леоны они тотчас смолкли и почтительно встали.

– Капитан! – пробормотали они.

– Молчать! Болтуны, – сердито крикнул Гонтран, – вместо того, чтобы пить, вы лучше бы помнили то, что нам предстоит в эту ночь. Ночь приближается. Убирайтесь вон!

Разбойники повиновались.

Гонтран повернулся к Леоне. Она была страшно бледна.

– Ну-с, дорогая моя, – спросил он, – как вам нравится это зрелище?

– Восхитительно, – с язвительной улыбкой сказала флорентинка.

– Прекрасно! Но вы ничего пока не видали; впрочем, еще будет время... Когда вы немного осмотритесь, я возьму вас с собой в экспедицию. Теперь же позвольте проводить вас в ваше помещение.

Гонтран приподнял пурпурную занавеску и нажал кнопку в стене. Дверь отворилась, и луч света упал на пораженную Леону; запах духов пахнул ей прямо в лицо.

– Войдите, войдите, – пригласил Гонтран и ввел Леону в комнату.

Это была прелестная маленькая спальня, утопавшая в тумане голубого шелка, прекрасно меблированная. Несколько ламп под голубыми колпаками придавали комнате таинственный вид. Леона вскрикнула от удивления. Две прелестные этажерки были полны ценных безделушек – современная роскошь, введенная в моду женщинами. Третья полка была уставлена книгами для легкого чтения – модными романами и стихотворениями.

Посредине комнаты на круглом столе лежали альбом, ящик с акварельными красками и душистый голубой сургуч. На стенах висели картины самых лучших мастеров новой школы.

– Как видите, сударыня, – сыронизировал Гонтран, – ваша темница прелестна. Вы можете развлечься и вспомнить Париж.

– Я, значит, пленница? – спросила она с презрением.

– Да.

– Надолго?

– Навсегда, – спокойно ответил он.

Леона вздрогнула и опустила голову: она была осуждена. Гонтран крикнул:

– Джакомо! Подайте ужин графине.

Казалось, приказания маркиза исполняются как бы по мановению палочки феи.

Джакомо немедленно появился, катя перед собой столик, на котором стояли тонкий гастрономический ужин и графин лакрима-Христи. Гонтран вышел из комнаты вместе с Джакомо. Молодая женщина упала на стул; она слышала, как ключ два раза повернулся в замке. Она в самом деле была пленница.

Леона, несмотря на пылкую и энергичную натуру, долго еще предавалась отчаянию. Опустив голову на руки, она забыла об ужине, принесенном Джакомо, и размышляла, ища выхода из своего положения.

Гонтран де Ласи, человек, над которым она так жестоко посмеялась и которого несколько часов назад ненавидела, начал внушать ей чувство симпатии, смешанное с ненавистью. Человек, не так давно бывший у ее ног, разлюбил ее и сделался ее повелителем. Эта мысль зажгла страшное пламя гнева в сердце флорентинки; теперь она была унижена, растоптана, а человек, которого она безжалостно терзала, заставит ее, в свою очередь, испытать те же мучения.

– О, – прошептала она вне себя, – я не хочу любить его! Я не хочу этого. Лучше умереть!

Она вскочила. Подобно всем тем, кто лишился свободы, Леона начала шарить по стенам в надежде найти какой-нибудь выход или потайную дверь. В течение десяти минут она металась по своей раззолоченной тюрьме, ощупывая стены рукою, с пеной на губах и горящими глазами; ее можно было бы принять за дикого зверя, мечущегося по клетке, и кусающего от злобы ее прутья. Она подошла к двери и сильно потрясла ее. Тогда дверь отворилась, и появился Джакомо.

– Сударыня, – сказал он грубо, – капитан приказал мне убить вас, если вы будете стараться убежать.

И он снова закрыл дверь.

– О, – прошептала Леона, – это безжалостный человек. Она упала на стул, яростно ломая свои прекрасные руки.

Остаток ночи Леона провела без сна. Но сильное волнение истощило ее, и она лишилась чувств. Когда Леона очнулась, она услышала голоса и шаги в соседней комнате. Шаги были тяжелы, а среди многих голосов она узнала голос Гонтрана. Леона подбежала к двери и, сгорая от любопытства, приложила ухо к замочной скважине.

– Капитан, – говорил какой-то голос, – эти итальянцы страшные трусы.

– Я это знаю, – ответил Гонтран, – начиная с их бывшего капитана Джузеппе.

– Они отважно направляют из засады свои карабины в робкого почтаря, но если им оказывают сопротивление, то они обращаются в бегство. Так и теперь: не будь меня, этих трех дураков немцев и двух французов, которых мы захватили из Парижа, англичане убежали бы от нас.

– Как это? – спросил Гонтран. Леона слушала с беспокойством.

– Англичан было трое, трое храбрых джентльменов, которые со своими двумя лакеями защищались отчаянно. Они убили у нас троих людей, а Джакомо, который привел к нам под-

крепление, был ранен в плечо. Теперь он нам бесполезен, а это очень жаль, так как он был самый отважный и энергичный из итальянцев.

– В таком случае этот человек умер для нас, – холодно сказал Гонтран, – и самое лучшее – развязаться с ним: с какой стати кормить лишний рот?

Леона вздрогнула, услышав эти слова. Эта женщина, любившая убийцу, затрепетала при словах Гонтрана. «Это чудовище!» – подумала она.

– Продолжай свой рассказ, – гневно сказал маркиз, – что произошло дальше?

– Я уже сказал вам, капитан, – продолжал тот же голос, – что англичане защищались отчаянно, и не будь у нас наших карабинов, которые стреляют вернее пистолетов, и не помоги нам Джакомо, нам не одолеть бы их.

– Ну, – перебил Гонтран, – они умерли?

– Все трое.

– А оба лакея?

– Точно так же, капитан.

– Сколько денег нашли вы в карете?

– Черт возьми! Мы не успели сосчитать: мы нашли портфель, набитый банковыми билетами, и кошелек с золотом; вот они.

Леона слышала, как золотые монеты звякнули об стол. Затем кто-то спокойно начал пересчитывать их.

– Ну, – прошептала она, – благородный маркиз де Ласи сделался, действительно, грабителем на большой дороге.

Новые шаги раздались в зале; они были тяжелы, как у людей, несших что-то. Затем послышались стоны, и Леона узнала голос Джакомо.

– Ну что, старина, – спросил Гонтран, – с тобою случилось несчастье?

– Ах, капитан, – прошептал итальянец, – я погибший человек. Мне кажется, что я умираю.

– А где доктор? – спросил Гонтран.

– Я здесь, капитан, – ответил кто-то по-французски.

– Осмотри-ка этого человека.

Наступило молчание. Затем тот же голос пробормотал:

– Погиб!

– Он умрет? – спросил Гонтран.

– Нет, но лишится руки. Ее придется отнять.

– Гм! – заметил Гонтран. – Человек без руки, все равно что тело без души.

Леона вся дрожала. Она услышала, как заряжают пистолет.

Джакомо вскрикнул... раздался выстрел... затем наступило молчание... Леона без чувств упала на пол.

VIII

Когда Леона открыла глаза, в соседней комнате царило молчание.

Ни шума, ни звука голоса не долетало оттуда. Она посмотрела на свечи, стоявшие на камине ее спальни; они уже сгорели на три четверти, так что не было сомнения, что обморок ее продолжался несколько часов. Голова Леоны была тяжела, дыхание затруднено, во всем теле она чувствовала недомогание. Все происшедшее снова пришло ей на память.

От равнодушия до ненависти и от ненависти до любви один шаг. Леона поняла, что она любит своего мучителя, любит страстно, насколько способна ее натура. Позор ее поражения казался ей заслуженной карой; она чувствовала, что сердце ее трепещет от никогда не испытанного ею раньше упоения, которое внушил ей этот человек, обратившийся в тигра. Если бы Гонтран пришел в этот момент убить ее, то она приняла бы смерть, стоя на коленях и с улыбкой. Но Гонтран не приходил. В комнату вошел незнакомый ей человек, принесший завтрак пленнице.

– Где Джакомо? – спросила она, все еще надеясь, что перед нею разыграли комедию.

Это были последние усилия, которые она употребляла, чтобы освободиться от той любви, которая начинала захватывать ее.

– Он умер, – ответил разбойник. – Капитан, убедившись, что он не поправится, убил его.

Леона выразила желание увидеться с Гонтраном, но его не было в замке.

Бандит, оставленный для ее услуг, удалился. Прошел день, Гонтран не возвращался. Леона страстно хотела видеть его. Вечером тот же разбойник принес ужин и, покачав отрицательно головой на все вопросы, предложенные Леоной, ушел. Леона страдала. Она хотела видеть Гонтрана, говорить с ним, слушать его, стать на колени передним, как раба пред своим повелителем. Но надежды ее были тщетны. Гонтран не приходил.

В течение ночи она несколько раз слышала шум в соседней комнате, но ее внимательное ухо не различало голоса, который заставлял ее сердце лихорадочно биться. Тогда она, горя нетерпением, принялась писать ему.

Леона как бы разговаривала с ним в длинном письме, которое отдала своему сторожу, когда тот явился на другой день, и с беспокойством начала ждать. Наконец, рассердившись, Леона принялась кричать и звать, стуча в дубовую дверь. Вдруг она услышала голоса разбойников в зале и уловила странный разговор на итальянском языке:

– Капитан – страшный эгоист; он обращается с нами, как с лакеями. Он платит нам хорошо, но все удовольствия приходится на его долю.

– Черт возьми! – отвечал другой голос. – С него мало красивой синьоры, которую он отнял у нашего покойного капитана и держит под замком, как сокровище. Он хочет завладеть еще белокурой англичанкой, которую мы захватили ночью.

– Ах, – продолжал первый, – она так прекрасна, эта англичанка!

Леона слушала, бледная и задыхающаяся; яд ревности терзал ее сердце. Голоса удалились, и она ничего более не слыхала.

Что перечувствовала Леона, невозможно описать; когда вошел сторож, она стала перед ним на колени.

– Дай мне кинжал, – молила она, – я хочу умереть... Если ты любил, если ты страдал, то ты поймешь мои мучения. Сжался надо мною!

– Я пойду и скажу капитану, – проговорил тронутый разбойник.

Если Гонтран не зверь, то он придет, услышав эти слова, полные отчаяния, которые ему должен был передать разбойник.

И Гонтран действительно пришел. Увидев его, Леона радостно вскрикнула и, открыв объятия, бросилась ему навстречу; но Гонтран жестом остановил ее.

- Что угодно вам от меня, сударыня? – спросил он.
- Я хочу просить вас положить конец моим мучениям, – ответила она.
- Вы страдаете? – язвительно спросил Гонтран.
- Адски.
- Отчего же это, Боже мой?

Она взглянула на него тем выразительным и глубоким взглядом, который столько раз заставлял его вздрагивать от неизъяснимого блаженства. Леона упала пред ним на колени и взяла его руку:

- Смотри, – сказала она, прикладывая ее к своей груди, – достаточно ли вы отмщены?

Маркиз вздрогнул, но лицо его оставалось бесстрастным.

- Вы ошибаетесь, – сказал он, – вы любите не меня, а Джузеппе.

– Да, – вскричала она горько и гневно, – я вас люблю, я боюсь за вас и за себя. За себя, потому, что я достигла последних границ преступления и порочности, и только любовь такого человека, как вы, которого я прежде презирала и попираала ногами, могла бы исправить меня...

- Хорошо, – улыбнулся Гонтран, – чем же вы докажете, что любите меня?

Его улыбка была так зла, что у Леоны закружилась голова. Вошел Джакомо, он был невредим. Леона вскрикнула и, обвив руками шею Гонтрана, прошептала:

- Я люблю тебя!

Эта развратная и грубая натура подчинялась влиянию самых гнусных страстей; она была очарована, поработана силой характера Гонтрана: как дикий зверь смиряется под взглядом своего укротителя.

На другой день Гонтран де Ласи и Леона покинули Пульцинеллу, а два дня спустя их можно было видеть на палубе корабля, отходящего во Францию.

Гонтран в течение пяти дней плавания забыл, какую ужасною ценой он купил любовь Леоны. Но в то время, когда корабль высадил обоих путешественников на набережную Марселя, Гонтран заметил на ней человека, при виде которого его охватила дрожь. Это был полковник. Он взял маркиза за руку и спросил:

- Ну, теперь вы довольны вашей комедией? Трое сообщников хорошо услужили вам.
- Признаюсь, полковник...
- Но это еще не все, ваш дядя шевалье де Ласи снова назначил вас своим наследником. Гонтран вздрогнул.

– Он сначала завещал все свое состояние Георгу де Ласи, вашему двоюродному брату, – продолжал полковник, – и это завещание разорвало вас, но смерть Георга изменила его распоряжение.

- Георг умер! – воскликнул маркиз.

- Неделю назад.

- Он был еще так молод!

– Умирают люди всякого возраста. Он поссорился с человеком, без сомнения, знакомым вам, с капитаном Гектором Лембленом, когда выходил из маскарада, и на другой день был убит ударом шпаги. Когда Георг де Ласи умер, шевалье изменил завещание. Теперь вы единственный законный наследник. Вы богаты и молоды. Гонтран был бледен как смерть.

- О, Боже мой, – прошептал он, – чего вы теперь потребуете от меня?

- Очень немного в данный момент.

И полковник протянул руку по направлению к порту и указал на только что показавшийся корабль.

- Вот, – сказал он, – «Минос» прибыл из Алжира.

- И что же?

– На «Миносе» едет тот самый генерал, адъютантом у которого был капитан Лемблен он возвращается во Францию единственно для того, чтобы приказать расстрелять капитана.

Генерал имеет на это право. Капитан любит его жену и ради нее-то он и дезертировал, поняли вы?

– Не совсем, – прошептал взволнованный Гонтран.

– Вы лучше всех нас владеете шпагой, – хладнокровно заметил полковник.

Маркиз страшно побледнел.

– Как зовут этого генерала? – спросил он.

– Право же, он носит знатное имя, и если он умрет, то, так как он бездетен, один из наших может присоединить к своему имени имя маркиза Флар-Монгори.

– Его имя? – настаивал Гонтран, волосы которого встали дыбом.

– Он глава младшей линии Фларов, представляющий собою единственное препятствие к усыновлению адвоката Шаламбея, – генерал Флар-Рювиньи.

– Лучший друг моего отца! – вскричал Гонтран. – Никогда! Никогда!

– Хорошо! – спокойно продолжал полковник. – Вам прекрасно известно, что «Друзья шпаги» не имеют права выбирать себе дело. Вы убьете барона, так надо! К тому же вы дали клятву и подписались.

IX

Наше повествование обнимает собою множество драм. Это не история семи членов организованного общества, а вернее, история их жертв, и для того, чтобы шаг за шагом проследить все события и распутать нить огромной интриги, нам придется не раз делать отступления и переноситься к тем временам, когда наши герои не обладали еще коллективной и страшной силой ассоциации. Итак, перенесемся к отдаленным событиям и расскажем о них.

Всякий путешественник, выезжающий из Оксера и направляющийся в Кламеси, маленькую супрефектуру департамента Ньевры, может выбрать по своему усмотрению один из двух путей: первый, пролегая через Курзон, оканчивается у Куланжа, пограничного города департамента Ионны.

Второй идет вдоль верховьев реки, именем которой называется орошаемая ею страна; он соединяется с первым у моста, отделяющего Ньевру от Ионны. Ионнская долина – одна из самых красивых, живописных и плодоносных местностей. По берегам реки расположены деревни, утопающие в роскошных лугах и тенистых тополях. Долина окружена цепью холмов, по склонам которых растет прекрасный виноград, а вершины покрыты лесом, изобилующим дичью. То там, то сям возвышается полуразрушенный замок, служащий порою жилищем какому-нибудь отпрыску бургундской знати, игравшей некогда видную роль в истории.

Но наступил век искусства и промышленности, и дворянин с берегов Ионны обратился в земледельца и виноградаря, оставаясь в то же время и охотником. Итак, по правому берегу прекрасной Ионны между Шатель-де-Цензуаром и Куланжем, недалеко от деревушки Ляри, турист, осматривающий фантастичные скалы Сосуа, не мог бы удержаться от любопытства при виде красивого замка в стиле ренессанс, окруженного большим парком и построенного на опушке одного из громадных лесов, простирающихся между настоящей Бургундией и Морваном, маленькой Шотландией, приютившейся в центре Франции.

Этот замок, теперь уже проданный и разоренный разбойничьей бандой, в эпоху нашего рассказа принадлежал барону де Шастенэ, бывшему телохранителю короля Людовика XVI, дивизионному генералу, а впоследствии члену генерального совета Ионнского департамента. Шастенэ не был родом из Бургундии, семья эта была выходцами из Блэзуа, переселившимися сюда в конце царствования Людовика XV, и принадлежала к потомкам славного барона Флер де Мэ де Шастенэ. Барон Флер де Мэ был женат на канониссе де Майльи, род которой владел в Бургундии двумя поместьями: Майльи ла Билль и Майльи ле Шато.

Когда прекратилась старшая линия рода де Майльи, Шастенэ наследовали имение Майльи ле Шато и поселились в Бургундии.

Итак, маленький замок, в котором жил настоящий барон Шастенэ, представлял собою сначала охотничий домик, но благодаря своему живописному местоположению обратился, наконец, в постоянное местожительство своих владельцев.

Барон де Шастенэ женился довольно поздно; его жена, мадемуазель де Малеверт, уроженка Бретани, умерла в день рождения двух дочерей-близнецов, Марты и Камиллы. Марта была стройная брюнетка, и лоб ее увенчивался густыми черными волосами, а губы напоминали июньские вишни. Ее сестра, Камилла, белокурая, как херувим, обладала большими синими глазами, взгляд которых выражал ангельскую кротость. Она была мала, хрупка, грациозна и шаловлива, как ребенок. Г. Шастенэ проводил зиму в Париже, в собственном отеле на улице Вернейль, а остальное время года в Бельвю, маленьком бургундском замке. Он никогда не хотел расставаться со своими дочерьми.

Марта и ее сестра получили всестороннее образование. В восемнадцать лет сестры-близнецы были отличные музыкантши, художницы, прекрасно ездили верхом, были красивы, и каждая из них могла принести своему мужу приданое в тридцать тысяч ливров годового

дохода. Но, как скупец, дрожащий над своим сокровищем, старый дворянин не мог выбрать женихов, достойных своих дочерей.

Марта и Камилла обожали отца и были очень привязаны друг к другу. Крестьяне, жившие в окрестностях Бельвю, которым барон в эпоху государственных смут оказал немало услуг, с восторгом и улыбкою смотрели на милых девушек, беспечно резвившихся в тени парка. Любовь к отцу и их взаимная привязанность совершенно удовлетворяли их.

Однако в этом году, когда почтовая карета барона, приехавшего из Парижа, остановилась у ворот замка Бельвю, внимательный наблюдатель заметил бы тень грусти на лице Марты и, быть может, догадался бы о тайне ее сердечной печали.

Дни шли, а непонятная грусть Марты все росла, омрачая в то же время и лицо Камиллы, так что печаль сестры передалась наконец и ей. Миновала весна, прошло и лето, настали печальные сентябрьские вечера; грусть Марты усилилась, краска сбежала с ее лица, и черные круги легли вокруг ее глаз.

Только один человек, ослепленный своею любовью, не замечал этой перемены; это был отец, старый барон Шастенэ. Что касается слуг, то они говорили:

– Должно быть, на сердце у барышни Марты сильное горе, если она так заметно переменялась.

Однажды вечером обе молодые девушки гуляли, обнявшись, по берегу Ионны и тихо разговаривали. Вдруг к ним подошел деревенский почтальон и почтительно поклонился.

– Сударыни, – сказал он, – у меня есть новость для вас.

– А? В чем дело, Жан? – рассеянно спросила Марта.

– Сегодня к вам приедет гость. Марта вздрогнула.

– Прекрасный офицер, ей-богу! – продолжал почтальон. – Говорят, генерал. Он остановился в Куланже, куда он приехал сегодня ночью в почтовой карете; он приказал мне известить о своем приезде барона и дал мне письмо к нему.

При слове «офицер» Марта побледнела.

– Как зовут этого офицера? – поспешно спросила Камилла.

– Ну, сударыни, – сказал почтальон, – этого я не знаю, но, по-видимому, он такой же барон, как и ваш батюшка.

Марта с облегчением вздохнула, а на губах Камиллы мелькнула улыбка. Почтальон поклонился молодым девушкам и направился к замку.

– Бедная Марта! – прошептала Камилла, сжимая в своих руках руки сестры.

Марта вздохнула, и слезы блеснули на ее ресницах.

– Ты так его любишь? – с волнением спросила Камилла. Марта вздохнула и подняла глаза к небу с выражением отчаяния.

– Что же ты хочешь? Это невозможно!.. – продолжала Камилла. – Бедный лейтенант, без имени, без состояния... Ах, наш отец никогда бы не согласился. Он умер бы с горя...

– Ах, Боже мой! – сказала Марта, глаза которой были полны слез. – Разве он не храбр, не прекрасен, не честолюбив?

– Ребенок! – ответила Камилла. – Отец мечтает для нас о блестящей партии. Он хочет, чтобы ты вышла за человека с титулом. За богача...

Марта молчала и плакала.

– Барышни, – позвал их кто-то издали, – барышни, идите, господин барон желает вас видеть.

Они узнали голос старого слуги и пошли к замку; Марта сильно волновалась, и Камилла вполне сочувствовала ее горю.

Барон Шастенэ ждал дочерей в маленькой гостиной в нижнем этаже замка.

Барон был старик лет семидесяти. Он хорошо сохранился, был представительен, а его густые седые волосы еще более усиливали это впечатление. Лицо его, доброе и мужественное, с первого взгляда внушало почтение и располагало.

В ту минуту, когда дочери вошли в маленькую гостиную, де Шастенэ кончал просматривать газеты, которые ему принес почтальон, и около него лежало нераспечатанное письмо из Куланжа, полученное вместе с газетами.

– Дитя мое, – сказал он, целуя Марту в лоб, – я хочу поговорить с тобою. Сядь рядом... вот сюда, на кресло. – Говоря это, старик улыбнулся Камилле, точно хотел улыбкой вознаградить ее за то, что ничего не сказал ей.

Марта села, а старик взял ее руку.

– Тебе теперь исполнилось восемнадцать лет, – сказал он, нежно смотря на нее.

– Так что же, отец? – спросила Марта, вздохнув.

– Ни ты, ни твоя сестра не можете вечно оставаться в девушках.

Марта страшно побледнела.

– Однако, – продолжал старик, – я, как скупец, который не в силах расстаться со своими сокровищами, решил не отдавать их все сразу.

Марта слушала его, опустив глаза.

– У кого есть две такие жемчужины, как вы, мои сокровища, тот не выдаст их замуж разом. Когда ты, дитя мое, покинешь меня, то я оставлю у себя Камиллу.

– А я непременно должна покинуть вас, отец? – спросила дрожащая Марта.

– Да, – сказал барон, – твой муж придет сегодня.

– Мой муж?

– Да, генерал барон де Рювиньи; между его семьей и нашей всегда были дружеские отношения.

Марта побледнела. Барон ошибочно истолковал ее волнение.

– Теперь, дитя мое, – сказал он, – иди к себе. Я знаю: все девушки плачут, когда им говорят о замужестве; им надо дать время успокоиться. К тому же, милая моя, если тебе генерал не понравится, то я принуждать тебя не буду.

Марта выбежала из комнаты вне себя: она думала, что умрет от горя.

Все прошлое лето Марта провела в Блэзуа у сестры своего отца, и с того времени сердце ее заговорило. Виконтесса де Мароль – так звали ее тетку – жила очень открыто в своем замке, в окрестностях Блуа, а ее единственный сын, молодой виконт Мароль, страстный охотник, приглашал к себе в гости всех соседей. И вот среди них-то Марта встретила молодого офицера, лейтенанта главного штаба. Он был красив, храбр, но беден, страшно беден и даже в будущем не ждал ниоткуда наследства. Они полюбили друг друга, но скоро оба поняли, что брак их невозможен. Лейтенант притом происходил из буржуазной семьи: звали его Гектор Лемблен, а любившая его Марта должна была получить тридцать тысяч ливров годового дохода и принадлежала к аристократии. Барон де Шастенэ никогда не согласился бы на подобный союз; бедные влюбленные прекрасно понимали это. Гектор решил уехать в Африку и, быстро сделав там блестящую карьеру, заслужить таким образом руку Марты. Она же поклялась ждать его и упорно отказываться от всех партий, которые могли бы представиться ей.

Легко понять волнение девушки, когда она услышала волю отца. В течение нескольких часов она предавалась отчаянию, заперевшись у себя в комнате, и не хотела видеть даже Камиллы, от которой у нее никогда не было тайн. Но когда первый порыв горя прошел, она впала в мрачное оцепенение, и у нее наступило то странное состояние духа, когда люди ожидают смерти и в то же время не имеют мужества пойти ей навстречу. В это время вошла Камилла.

Пока старый отец с любовью гладил по волосам белокурую Камиллу, последняя взяла газету и начала бегло просматривать ее. Вдруг смертельная бледность разлилась по ее лицу. Вот что она прочла:

«В последнюю стычку нашего отряда с кабилами наша армия понесла горестную утрату. Лейтенант Гектор Лемблен найден в числе убитых. Г. Лемблен был одним из самых храбрых наших офицеров».

С этим известием в руках Камилла вошла в комнату Марты.

– Дорогая сестра, – сказала она, – тот, кого ты любишь, уже не существует: не заставляй же нашего отца страдать понапрасну.

Марта в отчаянии призывала смерть, но смерть не явилась. Она осталась жива и, месяц спустя, вышла замуж за барона де Рювины.

Х

Прошел ровно месяц, как мадемуазель Марта де Шастенэ вышла замуж за барона Флар де Рювиньи. Свадьба была отпразднована в Бельвю в кругу близких людей и без всякой пышности. Генерал, проведя в Бельвю восемь или десять дней, уехал с молодой женой в свое имение де Рювиньи, находившееся в Нормандии, на берегах Ламанша, между Диеном и Гавром. Рювиньи было старинное феодальное поместье, сохранившее строгий стиль средневековых замков, где дворяне окружали себя всеми средствами обороны, какие только могли изобрести природа и искусство. Замок этот был расположен на высокой береговой скале, два раза в день омываемой морскими приливами. С высоты башни открывался вид на море: однообразное и величественное зрелище, всегда видоизменяющееся, хотя и остающееся одним и тем же.

С противоположной стороны взорам открывалась одна из обширных нормандских равнин, плодородных, но однообразных, покрытых в виде шашечницы черной вспаханной землей и зеленью и там и сям возвышающимися яблонями и усеянных местами фермами, окруженными двойной оградой из буков и вязов.

Сердце Марты, и без того уже удрученное, сжалось еще сильнее, когда она вошла в это холодное и печальное жилище, построенное первыми нормандскими баронами, – гнездо, свитое морскими воронами на вершине скалы, – обширные залы которого были убраны мебелью прошлых веков, с мрачными и от времени полинявшими обоями и строгими и почерневшими семейными портретами, с темными звучащими страшным эхом коридорами, витыми лестницами со стершимися от ходьбы нескольких поколений ступеньками.

Печаль и глубокое безмолвие царили повсюду...

В противоположность прекрасным ландшафтам, громадным лесам и журчащим ручейкам – кругом были унылые и без всякой растительности деревни. Марта, которой еще недавно жизнь улыбалась, как весеннее утро, почувствовала сразу холод в душе, лишь только она приехала в Рювиньи.

Генералу было лет сорок пять, но он был еще так свеж и полон сил, что на вид ему едва можно было дать тридцать пять; у него была изящная фигура и элегантные манеры. Но лагерная жизнь казалась единственно возможной для г. де Рювиньи.

Выйдя в запас всего полгода назад, по своему личному желанию, чтобы иметь время жениться, генерал снова принялся усиленно хлопотать, несколько дней спустя по приезде в Рювиньи, о новом назначении в Африку, не заботясь о том, что покидает после такого короткого медового месяца свою молодую жену.

Генерал де Рювиньи женился потому, что, по его дворянским принципам, он обязан был продолжить свой род; затем ему показалось, что в его жизни чего-то не хватает и что это что-то – женщина; но, кроме этого, генерал не видел для себя ни малейшего основания оставаться во Франции. Однако он любил Марту; ослепительная красота молодой женщины, ее прелесть и грусть, причину которой он никоим образом не мог заподозрить, произвели на него глубокое впечатление, и если бы случай заставил его вести жизнь частного человека, то он счел бы себя самым счастливым человеком в мире. По приезде в Рювиньи, куда он вернулся после пятилетнего отсутствия, генерал счел своею обязанностью привести в порядок свои денежные дела, возобновить контракты с фермерами и сделать необходимые поправки в замке, некоторые корпуса которого грозили обрушиться. Покончив с этими хлопотами, он оставил Марту в Рювиньи и поехал в Париж, чтобы повидаться там с военным министром.

Оставшись одна в мрачном замке, молодая баронесса поняла, какую великую жертву она принесла ради отца, выйдя замуж за барона. – Среди этой суровой природы, под сумрачным и холодным небом, в мрачном жилище, где ее преследовала тень Гектора, павшего на поле битвы, Марта чувствовала, что ее жизнь погублена навсегда, и через несколько дней у нее

явилась страшная тоска по родине, которая овладевает изгнанниками, оторванными от всего, что им дорого. Окруженная молчаливыми слугами, не способными понять тоску ее одиночества, лишенная общества деревенских соседей, которые могли бы помочь молодой женщине перенести однообразие жизни в замке, Марта проводила целые дни после отъезда генерала на террасе замка, выходившей на море. Маленькая винтовая лестница вела с этой террасы к подножию утеса, соединявшемуся с песчаным берегом крутой тропинкой, высеченной в граните. Таможня поместила в этом уединенном месте своего стражника, все время зорко наблюдавшего и как бы висевшего между небом и землей.

Молодая баронесса, находившая удовольствие в созерцании вод океана и его движущейся панорамы, помимо своего желания заинтересовалась этим человеком, которого цивилизация обратила в пария и которого Марта весь день видела неподвижным на утесе, внимательно следившим за каждой лодкой, проходившей мимо него и желавшей причалить к берегу. Лестница, которая вела с террасы к таможенному посту, была выстроена двадцать лет назад для удобства обитателей замка, спускавшихся по ней к морю во время отлива, за водой или для ловли омаров. Иногда и Марта спускалась по ней и беседовала со стражником с наивным любопытством ребенка. Это было ее единственное развлечение.

У стражника был помощник, с которым он сменялся после двадцатичетырехчасового дежурства. Первый был отцом семейства и принужден был на свое скудное жалованье кормить жену и троих малюток. Баронесса, узнав о его положении, однажды вечером сунула ему в руку две золотые монеты, послала одежду его полураздетым детям и просила передать жене, чтобы она в случае нужды приходила в замок и обращалась к ней. Стражник чувствовал почтение к молодой женщине и был самым счастливым человеком, когда она спускалась к нему и разговаривала с ним. Он угадывал своим честным простым сердцем затаенное горе молодой женщины и часто спрашивал себя, каким бы образом он мог помочь ее тайному горю.

Однажды вечером Мартин – так звали стражника – сидел на своем посту, устремив взор на море.

Приближался конец ноября. Нормандское небо было мрачно и холодно; океан отражал в своих водах небо. Западный ветер дул порывисто, вздымая волны. Вдруг стражник вздрогнул. Вдали мелькнул свет на лодке. Это не были, да и не могли быть, рыбаки. И хотя ночь была темна, Мартин все-таки мог различить, что это и не контрабандисты. Все же, повинувшись долгу, он зарядил карабин и, быстро спустившись по тропинке, очутился у моря в тот момент, когда лодка причалила к берегу.

Из нее вышли двое. Один был хорошо знакомый Мартину рыбак, а другой – человек лет тридцати, с лицом, полузакрытым полями широкой шляпы, и закутанный в плащ с ног до головы. Его манера держать себя и закрученные усы обличали в нем военного.

– Кто идет? – спросил стражник.

– Друзья, – отвечал незнакомец и, пристально посмотрев на Мартина, прибавил. – Мы не контрабандисты; осмотрите лодку, если хотите, там ничего нет.

– Я уверен в этом, господин офицер. Незнакомец вздрогнул.

– Вы служили в военной службе? – спросил он.

– Да, господин офицер, я был артиллерийским солдатом.

– Друг мой, – сказал офицер (это был действительно офицер), – если я потребую от вас услуги, которая не идет вразрез с вашими обязанностями, окажете ли вы мне ее? Я офицер, вы угадали.

– Да, если только для этого я не должен покинуть свой пост.

– О, конечно, нет!

– В таком случае, господин офицер, я к вашим услугам. Незнакомец отвел Мартина на несколько шагов и шепотом спросил его:

– Кому принадлежит этот замок, возвышающийся на вершине утеса?

– Генералу, барону де Рювињи.
– Он дома?
– Нет, генерал в Париже.
– А... баронесса? – спросил офицер с дрожью в голосе.
– Баронесса в Рювињи.
– Вы знаете ее?
– Знаю ли я ее? – пробормотал стражник. – Ах, бедная, дорогая госпожа, она благодетельствует моим детям.
– Ну, – продолжал офицер, – так окажи услугу мне и ей.
– Ей? О, приказывайте скорее, господин офицер.
– Передайте ей письмо.
– Когда?
– Сегодня вечером.
– Сейчас?
– Да, и отдайте ей его без свидетелей.
– Будет исполнено, господин офицер. Незнакомец хотел вместе с письмом сунуть и кошелек в руку надсмотрщика, но тот гордо отказался.
– Нет, нет, – сказал он, – не надо. Я и так слишком обязан госпоже...
– Идите же скорее, я подожду вас здесь, – сказал незнакомец упавшим голосом.
Мартин быстро поднялся по тропинке, в конце которой находилась лестница, ведущая к площадке.

Наступила холодная нормандская ночь. Замок де Рювињи почти исчезал в ночном тумане; слуги барона собрались вокруг очага громадной кухни, где за стаканом сидра рассказывали страшные истории прошлых времен. Марта по обыкновению сидела на террасе, склонив голову на руки, и слушала плеск волн, который, как нельзя более, подходил к ее грустному настроению.

Она заметила в вечернем тумане на море лодку, направлявшуюся к берегу, и хотя это зрелище не было ново для нее, но какое-то странное волнение охватило ее, и, невольно подчинившись необъяснимому чувству симпатии, она пристально следила за маленьким суденышком, которое бешеная волна каждую минуту могла разбить об утесы скал.

Наконец оно причалило к берегу... Марта вздохнула свободно. Ночной туман скрыл весь берег, где воцарилась такая тьма, что бедная женщина не могла разглядеть, сколько человек находятся в лодке. Она увидела только спустившегося к ней Мартина; шум морских волн мешал ей слышать то, что происходило на берегу.

Скоро до ушей ее долетел шум шагов, и она, всмотревшись пристально, увидела человеческий силуэт на нижней ступеньке лестницы, ведущей к террасе. Марта вздрогнула; сердце ее забилося от какого-то предчувствия. Не привезла ли эта лодка какого-либо известия ей? Стражник Мартин стоял перед нею с кепи в руках. Бравому солдату его доброе сердце подсказало, что он несет молодой женщине одно из тех неожиданных известий, которые иногда заставляют умереть от счастья, и потому в продолжение пяти минут, во время которых он поднимался со скалы на террасу, он придумывал способ подготовить ее к этой неожиданности.

– Это вы, Мартин? – спросила его Марта дрожащим голосом.
– Да, баронесса.
– Вам что-нибудь нужно от меня?
– И да и нет, сударыня.
– Что это значит?

Таможенный стражник сел рядом с баронессой и с почтительной фамильярностью осмелился взять в свою огромную руку ручку Марты.

– Вы так добры, что весь свет должен любить вас. Марта ошиблась, услышав эти слова: она подумала, что Мартин хочет просить оказать ему какую-нибудь важную услугу, и вздохнула свободно.

– У меня есть отец и сестра, – сказала баронесса, не беря своей руки из рук стражника.

– Неужели только эти два существа и любят вас? – спросил он.

– Мой муж... – пробормотала она.

– А еще? Марта вздрогнула.

– Больше никто, – вздохнув, ответила она.

– Сударыня, – прошептал Мартин, все сильнее волнуясь, – я не более как бедняк, но вы были добры к моим детям, как наша святая покровительница Дева Мария, и я убью, как собаку, того, кто не окажет вам должного почтения, но зато я буду нем, как могила, если вам нужен преданный друг.

Марта пожала руку Мартина.

– Друг мой, – сказала она, – у вас благородное сердце, и если бы я нуждалась в поверенном, то, конечно, выбрала бы вас. Но, – прибавила она разбитым голосом, – у меня нет более тайн...

– Сударыня, – умолял стражник, – именем Неба молю вас, скажите мне правду! Любили ли вы когда-нибудь?

При этих словах Марта задрожала, подобно сухим листьям, гонимым осенним ветром.

– Ах, молчите, молчите! – прошептала она взволнованным голосом. – Молчите!

– Радость не убивает, сударыня.

У Марты закружилась голова.

– Радость... – сказала она, задрожав. – Для меня нет более радости.

– Может быть.

Госпожа де Рювины, вероятно, забыла, что имеет в качестве поверенного бедного стражника, или же слепо и безгранично верила ему; как бы то ни было, но только она прошептала:

– Он умер.

– Умер, говорите вы? – перебил ее Мартин, вдруг отчасти угадавший правду.

– В Африке... на войне, – сказала Марта чуть слышно.

– Сударыня, – пробормотал Мартин, – я был солдатом и, как видите, жив, не правда ли?

– Да, – сказала она с грустью, – ну, так что же?

– Ну, и меня приняли за мертвого на поле битвы и известили семью о моей смерти. Сестры и братья носили траур по мне, а сельский священник отслужил мессу за упокой моей души.

– О, Боже! – прошептала Марта. – Неужели вы хотите убить меня?

– Надейтесь, – сказал Мартин, – надейтесь, сударыня...

И затем он поспешно прибавил:

– Лодка, только что приехавшая сюда...

Марта задрожала и чуть не лишилась чувств. Кровь остановилась у нее в жилах, холодный пот выступил на лбу.

– В этой лодке, – продолжал Мартин, – приехали двое...

У Марты закружилась голова.

– Мужайтесь, сударыня, мужайтесь! – бормотал надсмотрщик, – не дрожите так... один из них офицер.

Баронесса чуть не вскрикнула.

– Он дал мне вот это письмо, – закончил солдат, поддерживая ослабевшую Марту, – читайте, сударыня...

Блуждающий взор баронессы упал на подпись на письме, и она снова вскрикнула, но на этот раз от радости... это был его почерк... он не умер.

Дрожащей рукою она распечатала письмо и поспешно прочитала:

«Марта, моя любовь, моя жизнь! Бог не захотел разлучить нас... оставленный умирающим под вражеским огнем, я ожил... плененный арабами, я бежал... Ваша любовь была моим талисманом...

Марта, нежно любимая мною, мне нужно видеть вас, это необходимо, не откажите мне!..

Ваш на всю жизнь Гектор».

XI

В сердце и уме баронессы происходило что-то странное, необъяснимое.

Радость не убила ее, а уничтожила для нее все недавнее прошлое. Настоящая минута была как бы продолжением того часа, когда она в последний раз видела Гектора Лемблена перед его отъездом в Африку. Все промежуточное время как бы исчезло. И брак, и барон, и новое имя, которое она носит теперь, все это она забыла при мысли о нем. И эта женщина, недавно слабая и которую одно слово могло убить, стояла теперь молодая и сильная, и в глазах ее светилась радость.

– Где он, где он?

– Пойдемте! – сказал Мартин, снова взяв ее за руку. – Он внизу, у подножия утеса...

Он ждет вас...

Влюбленные слились в объятии. Рыбаки стражник, отошедшие на почтительное расстояние, слышали, как они произносили бессвязные слова, слышали их вздохи и рыдания...

Вдруг наступила ужасная действительность.

– Замужем! – вскричал офицер, и страшная злость прозвучала в его голосе.

Марта опустила голову и вскрикнула.

– Замужем, замужем! – повторял он с горечью. Марта вспомнила, что она уже не мадемуазель де Шастенэ, а баронесса де Рювины.

– Ах, – проговорила она, – простите меня, Гектор, простите меня... Но я думала, что лишилась вас навеки.

И Марта с пламенной надеждой подняла глаза к небу.

Гектор Лемблен встал молча и спокойно, как человек, твердо решившийся на что-то.

Ночь была темная. Океан бурлил у подножия скал. Дикое величие местности, отдаленные раскаты грома, свирепый рев волн – все, казалось, хотело окружить мрачной и дикой поэзией последнее свидание двух некогда обрученных.

– Марта, – сказал офицер, – женщине в восемнадцать лет, прекрасной и достойной обожания, как бы ни разбила судьба ее жизнь, все же нельзя отказываться от жизни... Прощайте... забудьте меня...

– Могу ли я жить теперь! – вскричала она.

– Ну, а согласилась ли бы ты слить в одно нашу судьбу? – страстно спросил он.

Она вздрогнула и взглянула на него.

– Хочешь ли ты, – продолжал он, – обратить наше горе в вечную радость, нашу разбитую жизнь в вечное счастье, а наши прошлые страдания – в блаженство.

– Говорите, – пробормотала она.

Он протянул руку по направлению к океану. Слабый свет мелькал на поверхности воды.

– Видишь ли ты этот свет? Это – фонарь корабля, отходящего в Африку. Видишь ли ты эту лодку? Она привезла меня одного, но может увезти нас обоих на корабль. Хочешь ты бежать со мною?

– Бежать! – вскричала она с ужасом.

– Да! – продолжал он страстно. – Мы убежим на край света, и всевидящий Бог благословит нашу любовь.

Но Марте показалось, что чья-то тень встала перед нею. Это был образ старика, одетого в траурную одежду, опиравшегося на руку молодой девушки, плачущего и молящегося: печальная чета, скорбящая и оплакивающая позор честного имени.

– Отец мой! Сестра моя! – прошептала она.

Искуситель понял, что он никогда не восторжествует над такой охраной.

– В таком случае прощайте, прощайте навсегда. Отчаливай! – закричал он рыбаку, вскакивая в лодку. – Отчаливай!

Бедный стражник взял на руки баронессу де Рювиньи и отнес ее в замок.

Никто из обитателей замка не вышел еще из кухни, где какой-то красноречивый рассказчик сообщал страшную и увлекательную легенду, а потому никто и не подозревал о тяжелой сцене, разыгравшейся на утесе. Когда служанки баронессы Рювиньи вошли в ее комнату, чтобы раздеть ее, они застали ее уже в спальне, пришедшей в сознание и лежавшей в кровати. Марта была бледна, но успела овладеть собою. Воспоминание об отце и сестре восторжествовало над любовью, а ее служанкам и в голову не могло прийти, что они чуть не лишились навсегда своей госпожи.

На другой день Марта вышла из комнаты совершенно спокойная. Она хотела забыть Гектора, любить одного мужа и искупить единственное увлечение своей молодости добродетельною жизнью и самоотвержением. Всю ночь она молилась, и молитва успокоила ее наболевшую душу и помогла забыть о горе. Она отнеслась сначала совершенно безразлично к отъезду мужа, но теперь всей душою желала скорейшего его возвращения и хотела, чтобы корабль, увезший Гектора, удалился навсегда.

Весь день она провела одна на террасе, всматриваясь в морскую даль и вздрагивая каждый раз, когда белый парус появлялся на горизонте. Но показавшийся парус снова скрывался в небесной синеве, и не было никакого сомнения, что корабль был уже далеко. В двухстах шагах от террасы, внизу, она видела сторожа, неподвижного на своем посту. Но это был не Мартин, а его товарищ. Марта с беспокойством ждала, когда он наконец сменится. Ей нужно было видеть Мартина, поговорить с ним, как с другом; это была последняя жертва, которую она собиралась принести своей любви.

Наступил вечер; стражник встал и в конце маленькой тропинки, которая вела от деревни к сторожевому посту, показался другой, который и сменил своего удалившегося товарища.

Сердце Марты сильно забилося, и она легче серны спустилась к стражнику, сидевшему к ней спиной.

При звуке ее шагов он обернулся. Марта вскрикнула: это был не Мартин. Человек, сидевший перед нею в одежде стражника и с карабином за плечами, был Гектор Лемблен.

– Вы! – пробормотала она, растерявшись.

– Я хотел убить себя, – ответил он, – но почувствовал, что у меня не хватит сил исполнить это, не увидавшись с вами еще раз.

– О, Боже мой! Боже мой! – прошептала она. – Я дала обет позабыть его.

– Марта, – продолжал Гектор, – я нарушил спокойствие вашей жизни... простите меня... забудьте... постарайтесь быть счастливой...

– Гектор!

– Ах, – сказал он тоном твердой решимости, – жизнь без любви все равно, что земля без солнца. Лучше мрак и смерть... Я умру с вашим именем на устах... Марта, я убью себя там, внизу, на этих скалах... сегодня ночью... волны унесут мое тело и смоят следы моей крови... прощайте, Марта...

– Я не хочу, чтобы ты умер, и ты не умрешь... потому что я люблю тебя... – прошептала она чуть слышно.

XII

Однажды утром раздался стук въезжавшей во двор замка де Рювиньи кареты. Генерал вернулся после трехнедельного отсутствия; это была одна из тех честных, рыцарских натур, которые никогда не позволяют себе заподозрить в ком-нибудь дурное. Он, как ребенка, поднял на руки жену и, может быть, в первый раз в жизни почувствовал радость при виде ее. Никогда Марта не казалась ему такой красивой. Он сел на кушетку рядом с нею.

– Дорогое дитя, – сказал он ей, – неделю назад я усиленно хлопотал о своем назначении в Африку; теперь я сожалею, что домогался этого, так как буду принужден покинуть вас надолго.

– Боже мой! – прошептала Марта. – Вы уезжаете?

– Через три дня.

– Через три дня? – пробормотала она. – Это ужасно!

– Теперь я разделяю ваше мнение, мой ангел; человек, упускающий свое счастье в погоне за честолюбием, безумец. Но что же вы хотите? Он так создан, что радости семейного очага не удовлетворяют его; он забывает, что подобная вам женщина – это рай земной, и ему все еще нужны слава, успех, почести... Жизнь жены солдата полна самоотречения и самопожертвования. Я знал это, женись на вас, и был не прав в своем эгоизме; но сегодня я вижу, что разлука, которой я почти жаждал вследствие своей страсти к службе, будет для меня жестока и тяжела. Ваш образ будет жить в моем сердце и будет моим талисманом.

Было что-то торжественное в этих словах, полных любви, в нежном и серьезном тоне голоса благородного человека, в позе его, уже почти старика, стоявшего на коленях пред восемнадцатилетней женщиной. Марта плакала. Генерал приписал ее слезы огорчению, причиной которого был его скорый отъезд, и поспешил заговорить более веселым тоном.

– Милое мое дитя, – сказал он, – вы, вероятно, скучали в этом старом замке, но успокойтесь, ваше страдание окончится, я не хочу, чтобы вы провели эту зиму здесь. Когда я был в Париже и хлопотал у министров, я позаботился и о вас. Я приказал заново отделать наш маленький отель на Вавилонской улице. Ваши комнаты прелестны; я устроил для вас настоящее голубиное гнездышко. Вы будете жить недалеко от своего отца и можете целые дни проводить в его обществе и в обществе вашей сестры, я предоставляю вам полнейшую свободу на всю эту зиму.

Генерал поцеловал в лоб Марту и с улыбкой продолжал:

– Теперь осушите слезы на своих прекрасных глазках и успокойтесь в отъезде вашего нелюдимого мужа, которому гораздо более разумнее было бы подать в отставку, чтобы не расставаться с вами. Разве можно плакать в восемнадцать лет? Раз вы носите имя баронессы де Рювиньи, то обязаны кое-чем и свету. Вы откроете ваши салоны и будете принимать друзей обоих наших семейств. Ваше состояние позволяет вам это. Веселитесь, развлекайтесь, побеждайте... сделайте царицей избранного света. И затем, – прибавил он с волнением, – на другой день после бала, когда ножки ваши устанут от танцев, когда в ваших ушах уже перестанут звучать комплименты восхищенной толпы, как только появятся первые проблески утра, вспомните и обо мне... о добром старом служаке, которого долг и любовь к родине удерживают на поле битвы и который ежечасно будет помнить о вас: и в пороховом дыму на поле битвы, и в звездные ночи, спускающиеся над Атласом.

Марта долее не выдержала: она бросилась на шею к своему мужу и прошептала, рыдая:

– О! Как вы добры и благородны. Я буду молить Бога, чтобы он продлил мне жизнь и тем дал возможность сделать вас счастливым.

В эту минуту она любила своего мужа!

У генерала закружилась голова. Этот человек, бесстрашно стоявший под пулями и грохотом пушек, задрожал, как ребенок, и сердце забилося в его храброй груди, как у двадцатилетнего влюбленного юноши...

В этот вечер, в ту самую минуту, когда барон де Рювины уезжал со своей молодой женой в Париж, Мартин передал лейтенанту Гектору Лемблену письмо следующего содержания:

«Г-н де Рювины приехал сегодня утром. У этого человека золотое сердце, и он любит меня до обожания; я видела его стоящим предо мною на коленях, целующим мои руки и говорящим о своей любви ко мне. Забудьте меня так же, как и я вас постараюсь забыть! Бог даст мне на это силы. Прощайте навсегда... это необходимо!»

Я вас никогда не увижу.

Марта».

Три дня спустя перед маленьким отелем в Вавилонской улице стояла почтовая карета, и два лакея укладывали в нее чемоданы генерала. Де Рювины стоял рядом со своей молодой женой, держа ее руки в своих, и нежно прощался с нею.

– Ах! – сказал он. – Уже девять часов, кажется, а мой новый адъютант заставляет себя ждать. Да, кстати, я забыл сообщить вам, что капитан Леско подал военному министру прошение об отставке. Почему? Никто этого не знает, даже я. Вместо него я взял другого офицера, такого же славного, только два дня назад произведенного в капитаны. В сегодняшнем номере «Moniteur'a» напечатано о его назначении... Зовут его капитан Лемблен.

Марта вздрогнула и побледнела.

– Капитан Лемблен, – продолжал генерал, не замечая смущения жены, – уже служил в Алжире; он говорит по-арабски, и я думаю, что он мне будет очень полезен.

Вдруг раздался звонок, возвестивший о прибытии постороннего.

– Это, без сомнения, он, – сказал де Рювины. Марта почувствовала, как у нее подкашиваются ноги, и горячо молила Бога дать ей силы вынести это ужасное последнее испытание.

Немного погодя дверь отворилась, и капитан Лемблен вошел. Он был в адъютантском мундире, на плечи у него был накинут военный дождевой плащ, на ногах надеты высокие ботфорты, эполет на нем не было. Он был бледен, но на загорелом лице его не отражалось ни малейшего волнения; он вежливо, хотя холодно поклонился баронессе, как кланяются женщине, которую видят в первый раз. Бог, видимо, сжалился над Мартой. Он вернул ей силы, и теперь уже никто не мог бы заметить ее волнения и подумать, что она знакома с этим человеком.

– Баронесса, – сказал генерал, позвольте мне представить вам капитана Лемблена, моего адъютанта.

Гектор вторично поклонился.

– Ну что, капитан, вы готовы? – продолжал барон.

– Да, генерал.

– Мы наскоро закусим, потому что через час надо ехать. В это время к генералу подошел лакей за приказаниями, и это дало возможность Гектору подойти к баронессе и шепнуть ей:

– Простите меня, я навсегда удаляюсь от вас... прощайте, сударыня... я повинуюсь вам.

Час спустя барон де Рювины, нежно обняв свою молодую жену и смахнув невольной набравшую слезу, сел в карету вместе с капитаном Лембленом. Карета рысью выехала со двора отеля.

Марта выдержала до конца. Она не побледнела, не задрожала в этот ужасный час; но как только она осталась одна, вся энергия ее исчезла. Марта разразилась рыданиями, упала на колени и, подняв руки, начала молиться. Молитва ее была так горяча, что ангел-хранитель с высоты небес с состраданием взглянул на нее и заплакал.

XIII

Почти месяц спустя после описанного нами события отряд французской армии проходил через Атласские горы. Отрядом этим командовал генерал, барон де Рювиньи. После перехода, продолжавшегося трое суток, отряд сделал привал в небольшой долине, местоположение которой было удобно для лагерной стоянки. Генерал отдал приказание не удаляться на значительное расстояние и послал вперед сотню кавалеристов с поручением разведать позицию неприятеля.

Когда меры предосторожности были приняты, генерал сошел с лошади и направился в свою палатку, чтобы условиться там со своим штабом относительно выбора офицера которому можно было бы поручить начальство над отрядом. Выбор был труден, потому что нужно было найти человека, хорошо знакомого с местностью и с арабским языком и настолько храброго, чтобы пойти на все. Только один офицер соединял в себе все эти качества, а именно – капитан Гектор Лемблен, прошедший когда-то несколько месяцев в плену у арабов. Генерал потребовал его к себе и сказал ему:

– Капитан, я назначаю вас командиром отряда егерей. Вот инструкции, которых вы должны строго придерживаться. Но, когда отправляешься в такую экспедицию, как та, в которую я вас назначаю, то как бы человек храбр ни был, он может чувствовать настоятельную потребность получить в последний раз известие о своих родных.

Гектор вздрогнул.

– Вместе с депешами из Алжира я получил из Франции письма, которые привез последний пароход. Может быть, и для вас есть что-нибудь.

– Я не думаю этого, генерал.

– Почему?

– У меня не осталось никого, кроме очень дальних родственников.

– Как! Ни одного друга? Ни даже подруги сердца? Генерал открыл кожаный мешок и начал поспешно перебирать письма, читая надписи.

– Постойте, – вдруг сказал он, – вы ошиблись, капитан...

И он подал Гектору письмо, почерк которого был совершенно незнаком капитану. Гектор сначала был убежден, что никогда не видал этого почерка; но вдруг он вздрогнул, и что-то подсказало ему, что это письмо было от Марты. Он, однако, настолько владел собою, что взял письмо и, не распечатывая его, сказал генералу:

– Я знаю, от кого оно.

Капитан поклонился и пошел в соседнюю палатку. Там, бледный и дрожащий, Гектор разорвал конверт. Предчувствие не обмануло его: это письмо действительно было от Марты, которая очень искусно изменила свой почерк. С холодным потом на лбу, капитан начал читать следующие строки, написанные дрожащей рукой и, очевидно, под влиянием сильнейшего волнения.

«Гектор, – писала Марта, – если вы не спасете меня сейчас же, я погибла! Это позор... это отчаяние... смерть моего старого отца... бесчестие сестры... презрение света... Гектор! Гектор! Сжальтесь... ради Бога... ради вашей матери спасите меня! Я чуть с ума не схожу от ужаса и даже не умею рассказать всего, что случилось... двадцать четыре часа назад... Слушайте, Гектор. Вчера я стояла на коленях и молилась, как делаю это каждый день... Я молилась за него... я молилась за вас... Я просила Бога изгладить образ мой из вашего сердца. Вдруг явился какой-то человек. Он хотел переговорить со мною немедленно. Я его никогда не видала, наружность его показалась мне отталкивающей; одет он был прилично, манеры у него были светские, и он мне почтительно поклонился. Взглянув на него, я похолодела, как будто увидала змею.

– Что вам угодно, сударь? – спросила я.

– Полчаса побеседовать с вами, сударыня.

– Но я совсем вас не знаю...

– Меня – нет, сударыня, но вы знаете, без сомнения, этот почерк.

И он показал мне письмо, единственное, которое я когда-то написала вам, все облитое моими слезами, где я вас на коленях молила забыть меня. И пока я с удивлением смотрела на него, спрашивая себя, не сделалась ли я игрушкой ужасного кошмара, он сказал мне:

– Это письмо, сударыня, капитан Лемблен не мог увезти с собою, потому что боялся, что его убьют: он тщательно запер его в шкатулку, в улице Виктуар; но тройной замок шкатулки был взломан и письмо украдено.

Я слушала этого человека, как приговоренный выслушивает свой смертный приговор; я не могла произнести ни слова, ни сделать движения... Я стояла неподвижно, как статуя.

– Сударыня, – продолжал он, – в Париже сотни тысяч различных ремесел, я же занимаюсь собиранием компрометирующих писем. Эта профессия довольно доходная.

Я поняла, что хочет сказать мне этот человек, и подумала, что он намерен продать это письмо за незначительную сумму. Я взяла кошелек, полный золота, и бросила его ему.

Он расхохотался, и его смех заставил меня содрогнуться.

– Госпожа баронесса шутит конечно, – спокойно сказал он, – подобное письмо неоценимо.

– Неоценимо! – вскричала я пораженная.

– Разумеется, – продолжал он с убийственным хладнокровием, – эту сумму заплатил бы мне генерал барон де Рювиньи, но баронессе оно обойдется дешевле.

И этот человек шепнул мне на ухо цифру... поражающую цифру, Гектор... Цифру, которую я не решаюсь написать... где взять денег? Я думала, что он с ума сошел.

– Я знаю, – сказал он мне, – что эта сумма крупная и что она найдется не тотчас... но я подожду... в распоряжении госпожи баронессы две недели. Сегодня десятое число, я буду иметь честь явиться к госпоже баронессе двадцать пятого, ровно в полдень. Если в течение этого срока госпожа баронесса не успеет приготовить следуемую сумму, то один из моих агентов поедет в Алжир, где и обделает это дело с самим генералом, бароном де Рювиньи. И этот человек оставил меня обезумевшей от отчаяния, Гектор, и долго еще после его ухода я не могла прийти в себя от этого ужасного и безвыходного положения.

Где достать эту сумму? У кого просить ее? У меня есть на двадцать пять тысяч франков бриллиантов и двадцать тысяч франков, оставшихся от трехмесячного содержания, назначенного мне генералом... Под каким предлогом взять их? Мне нужно поручительство моего мужа... а его-то и нет у меня. Отец уехал в Бельвю. Да и как сказать ему: «Мне нужно сто тысяч франков!». Только один вы, Гектор, можете спасти меня. Приезжайте скорее, не медлите ни минуты... Этот человек сдержит свое слово. Голова моя идет кругом... Гектор, Гектор, если вы не спасете меня, я погибла! Отец проклянет меня!...»

На этом кончалось письмо госпожи де Рювиньи; оно еще носило следы горячих слез, которые Марта пролила на него.

Капитан растерялся и спрашивал себя, не жертва ли он ужасного бреда... Но вот письмо... он держал его в своих судорожно сжатых руках и перечел еще раз.

– О, – вскричал он наконец, – я спасу ее!

Гектор посмотрел на число, которым было помечено письмо. Оно было послано восемь дней назад. В распоряжении капитана было ровно семь дней. Семь дней, чтобы явиться в Париж, семь дней, чтобы найти сто тысяч франков!

Он находился в двадцати пяти тысячах лье оттуда; ему нужно было три дня, чтобы добраться до Марселя и еще два дня – до Парижа.

– Я приеду! – прошептал он. – Я должен приехать вовремя.

Но тут Гектор вспомнил, что он не имеет права отлучиться без разрешения и что генерал не разрешит ему уехать перед самой экспедицией и накануне сражения.

Можно было сойти с ума. В эту минуту раздался топот лошади у входа в его палатку. Это была та самая лошадь, на которой он должен был отправиться в экспедицию в качестве начальника отряда... Настало время отправляться, надо было повиноваться долгу.

– Ну что ж! – прошептал он. – Я дезертирую! Произнеся это ужасное слово, капитан невольно содрогнулся. Дезертировать! То есть, бежать со своего поста, как трус, бежать от врага, обесчестить свои эполеты, покрыть себя несмываемым позором, наложить вечное пятно на честную и храбрую жизнь, которая уже не раз получила крещение огнем, умереть смертью изменников, перенести позор разжалования...

Капитану приходилось выбирать: или позор, или допустить, чтобы до генерала дошло роковое письмо, которое будет смертельным приговором для Марты де Шатенэ.

– Что значит для меня бесчестие! – вскричал он страстно, – что значит для меня позорная смерть, если она будет спасена!..

XIV

Десять минут спустя Гектор Лемблен был уже на лошади и ехал во главе эскадрона, которым он командовал. Была темная ночь, одна из тех дивных темных африканских ночей, блестящих звездами, но безлунных, когда только на незначительном расстоянии можно различить землю, несмотря на ярко освещенное небо. Маленький отряд въехал в долину, после нескольких изгибов переходящую в громадную равнину. Чтобы бежать, капитан должен был исполнить свой замысел раньше, чем колонна достигнет этой равнины.

Эскадрон ехал по два человека в ряд, а во главе их находился лейтенант. Гектор ехал в последнем ряду, рядом с унтер-офицером, давно уже служившим под его командой, который год назад видел, как он упал, тяжело раненный, на поле битвы. Вдруг в ту минуту, когда весь эскадрон исчез за крутым поворотом, внезапная мысль осенила Гектора.

«Солдат, который едет рядом со мною, уже спит на своем седле; я соскочу на землю, моя лошадь, как и все кавалерийские лошади, пойдет рядом с его, не обращая внимания, что идет без всадника. Когда солдат проснется, он подымет тревогу и признается, что спал. Тогда предположат, что я продрог и упал без чувств на краю дороги, и начнут искать меня. Но меня не найдут, а потому решат, что арабы убили меня и бросили мое тело в кустарник».

Гектор соскользнул на землю, и все случилось так, как он предполагал: его лошадь продолжала идти рядом с лошадью солдата. Капитан был хорошо знаком, как уже известно, с местностью.

Он знал, что в трех лье оттуда, в горах, он встретит одно из кочующих племен арабов, расположившееся у ручья, и направился к дуару¹ пешком, прячась за кустарниками и останавливаясь при малейшем шуме. Он боялся уже встречи не с арабами, а с каким-нибудь французским солдатом.

На рассвете он достиг дуара. Часовой-араб прицелился в него.

– Стой! – закричал он по-арабски. – Я друг и притом один.

Араб опустил ружье, а капитан бросил саблю. Этого было вполне достаточно, чтобы пройти в дуар, не получив пулю в грудь. Гектор знал, что человек священен для араба с той минуты, как вступит в его палатку. Он прошел в палатку начальника племени, которого застал за чисткой оружия, и сказал ему:

– Я хочу доверить тебе свою тайну и полагаюсь на тебя.

– Говори, – отвечал начальник, – если ты голоден, то вон еда; если ты чувствуешь жажду, вон козье молоко.

Араб всегда великодушен, когда взывают к его сердцу и его воображению.

– Я прошу оказать мне большую услугу, – сказал Гектор, – мне нужна твоя помощь, чтобы закрыть глаза моему умирающему отцу, призывающему своего сына.

– Где твой отец?

– Во Франции.

– Так почему же ты не поехал обычной дорогой и не обратился к своим соотечественникам?

– Потому, что мой начальник, – сказал Гектор, – не разрешил бы мне уехать из армии. Мне нужна лошадь и бурнус, какие носят арабы. Я за все вам заплачу.

У Гектора было с собою двести луидоров, зашитых в кожаный пояс. Из них он заплатил десять луидоров начальнику арабов за лошадь и платье туземцев. Два дня спустя капитан Гектор Лемблен, переодетый арабом, прибыл в маленький порт Бужи и сел на мальтийское судно, отходившее в Марсель. Но ветер был противный, судно было плохое, буря задержала его на

¹ Деревня кочующих арабов.

ходу, и только 23-го вечером оно вошло в Марсельский порт. Один день был потерян. Не было никакой возможности проехать двести лье, отделявших его от Парижа, в одни сутки. Но Гектор надеялся, что владелец рокового письма подождет день, и он придет вовремя. Капитан отправился, и через двое суток входил в Вавилонскую улицу, где жила баронесса.

Было десять часов вечера 25-го числа. Марта была одна и лежала на кушетке.

Она казалась разбитой горем и едва узнала Гектора, когда он вошел.

– Вот и я! – вскричал капитан. – Марта, вы спасены! Марта покачала головой со спокойствием, которое ужаснуло капитана.

– Нет, – отвечала она. – Слишком поздно! Я погибла!

– Слишком поздно!

Слова эти вырвались из горла Гектора наподобие хрипа.

– Да, – продолжала Марта, – слишком поздно... он уже был... сегодня утром... я все еще ждала вас... я умоляла его... стояла на коленях перед ним... я держала его руки... понимаете, Гектор, я держала руки этого негодяя... он был неумолим... неумолим... «Прощайте, сударыня, – сказал он мне, – прощайте, я отправлюсь сейчас же в Алжир». После этого, – добавила Марта, – я сделалась, как помешанная.

Глаза капитана гневно сверкнули.

– Ну, хорошо! – вскричал он. – Я настигну его на дороге... Бог даст мне крылья... Но если он придет раньше меня, то я успею убить его прежде, чем он отдаст роковое письмо. Ничего не значит, что я никогда не видал этого негодяя, я все равно узнаю его!

Капитан, вне себя от гнева, ушел от баронессы, не подумав даже пожать ей руку. Он отпустил свою карету и пришел в отель, как простой посетитель, а потому должен был дойти пешком до набережной.

В десять часов вечера Вавилонская улица пуста и темна. Гектор шел очень быстро и размышлял со спокойствием, внезапно наступающим после крайнего нервного напряжения. Приходилось немедленно возвращаться в Африку, присоединиться к генералу, который теперь, конечно, уже считал его дезертиром, и всеми силами помешать незнакомцу явиться ранее его, иначе Марте грозила смерть. Вдруг Гектор натолкнулся на человека, шедшего ему навстречу.

– Болван! – грубо выбранился прохожий.

– Сами вы болван, – ответил Гектор сердито.

Прохожий схватил его за руку и сказал:

– Вы оскорбляете меня, сударь!

– Очень возможно! Но оставьте меня, мне некогда, я спешу.

– Сударь, – холодно возразил незнакомец, – вы толкнули меня, и у вас должно найтись время дать мне удовлетворение.

– Удовлетворение!

– В противном случае я сочту вас за труса.

– Сударь, – ответил капитан, – оставьте меня; если бы у меня было свободное время, я наказал бы вас за вашу дерзость.

– А! Если так, то я буду считать вас за труса до тех пор, пока вы не дадите мне удовлетворения. Я тоже военный.

Гектор вздрогнул. Драться значило потерять время, которое ему уже не принадлежит, и рисковать быть убитым... А кто же тогда спасет Марту? Он взял за руку прохожего, подвел его к фонарю и сказал:

– Сударь, взгляните мне в лицо. Похож ли я на труса?

– Нет.

– Однако я не могу драться с вами.

– А! Отчего это?

– Жизнь моя не принадлежит мне.

- Так кому же?
- Женщине, которую я люблю.
- Вы женаты! – усмехнулся прохожий.

Гектор, в свою очередь, посмотрел на прохожего и вздрогнул. Перед ним стоял пожилой человек с холодной насмешливой улыбкой и сверкающими глазами. Этот человек был одет во все черное, а в петлице у него был знак Почетного Легиона.

– Сударь, – продолжал Гектор, – дайте мне слово молчать о том, что я вам скажу. Только под этим условием я могу объяснить вам причину, отчего я не могу драться с вами.

- Даю вам честное слово, говорите.
- Ваше имя, сударь?
- Полковник Леон, офицер в отставке.
- Ну, слушайте, – сказал Гектор. – Я еду от женщины, которая любила меня. Письмо этой

женщины, адресованное ко мне, попало в руки негодяя, желающего продать его ей за баснословную сумму. Она просила отсрочки и написала мне. Это письмо застало меня в Африке в разгар экспедиции, накануне сражения. Я дезертировал, обесчестил свои эполеты, проскакал безостановочно пятьсот лье, но все-таки опоздал. Я решил вернуться на театр военных действий, чтобы нагнать негодяя, который повез мужу письмо жены.

Полковник весьма спокойно выслушал рассказ Гектора.

– Сударь, сказал он, – вам не поспеть вовремя, да кроме того, вы уже объявлены дезертиром, и, если бы даже предположить, что вас не арестуют во Франции, вы все же будете арестованы, как только вступите на африканскую территорию.

Гектор вздрогнул.

– Письмо дойдет по назначению. Но вы хорошо сделали, что толкнули меня, а затем доверили мне свою тайну.

- Почему?
 - Потому, что я могу спасти и вас, и ее.
- Голос полковника звучал спокойно и убедительно.
- Вы! – вскричал Гектор. – Но кто же вы такой?
 - Я уже сказал вам: меня зовут полковник Леон, вот и все.
 - Но то, что вы обещаете мне, невозможно!
 - Бели вы желаете убедиться в противном, я к вашим услугам.
 - В таком случае говорите! Полковник вынул часы.
 - Теперь одиннадцать часов, – сказал он, – вернитесь к особе, от которой вы идете, и скажите ей, что она спасена. Затем в полночь будьте на балу в Опере, в домино, с зеленым бантом на плече. Там вы узнаете, как я могу сдержать свое обещание.

– Сударь, – спросил Гектор, – знаете ли вы, что, посмеявшись надо мною, вы сделаете страшную подлость?

Минута была торжественна, а лицо полковника серьезно и благородно.

Гектор был побежден.

XV

Благодаря этой встрече капитан Гектор Лемблен и очутился на балу в Опере в домино, с зеленым бантом на плече, и затем присутствовал на заседании «Друзей шпаги», где он дал полковнику Леону клятву, обязавшую его навеки сохранить верность ужасным статутам этого общества.

* * *

Прежде чем следовать за событиями этой истории, необходимо перенестись в Африку на целый месяц вперед.

Ночь спускалась с высоты Атласа на ту часть африканской территории, где уже было пролито так много благородной крови; часовые и конные караульные стояли на своих постах; солдаты в полной амуниции спали в палатках, а в лагере царила мертвая тишина.

Генерал был один. Он сидел грустный, задумчиво склонив голову на грудь; на столе перед ним лежал начерченный им план кампании. Глаза его, однако, давно уже не видели его: мысли его были далеко от Африки, они перенеслись за море, туда, где находился туманный берег его родины, и он мысленно переживал последние три месяца своей жизни.

Сначала старый воин увидел себя в Бургундии, в Бельвю, в хорошеньком маленьком замке, построенном на берегу Ионны; он сидел там между стариком и молодой девушкой; эта девушка улыбалась ему той грустной улыбкой, которая привлекает к себе сердца, и его сердце, зачерствевшее в треволнениях битвы, затрепетало от неведомого дотоле волнения.

Затем мысли генерала, перелетев пространство, остановились на Нормандии, на мрачном, печальном замке, затерянном среди скал безграничного моря и однообразных огромных равнин, кое-где усеянных яблонями, растущими под туманным серым небом.

Там он снова увидел молодую девушку, все еще печальную и погруженную в думы, и приписал эту грусть и эту задумчивость первому горю женщины, для которой мух один должен заменить так долго любимых ею лиц ее семьи.

Генерал вспомнил вдруг, как она побледнела, когда он объявил ей о своем отъезде, и при этом воспоминании сердце его забилося от радости.

Потом от туманной Нормандии мысли генерала де Рювины перенеслись в Париж – в Париж, где царят суета и вихрь веселья, в современный Вавилон, где все самое святое может встретить оскорбителя, в Париж, гигант из грязи и кирпича, где беспрестанно сталкиваются порок и добродетель и искушение является под всевозможными видами.

Генерал увидел маленький отель, который он отделал, обмобилировал, украсил исключительно для своей молодой жены, подобно зимородку, иногда выщипывающему свои перья, чтобы устроить из них гнездо для возлюбленной.

Отель был освещен как бы для праздника, во дворе было множество экипажей с гербами и целая толпа слуг; в первом этаже танцевала элегантная толпа гостей – все избранное общество, разодетое в бархат и шелк, царицей которых была Марта. И подобно тому, как у всякой королевы бывает двор, так и вокруг Марты крутился рой молодых людей с медовыми речами, говоривших ей тысячи льстивых слов – голодные волки, шныряющие вокруг дома, который охраняла честь солдата. И он почувствовал, как кровь приливает у него к сердцу, и этот человек, прошедший в битве весь день на коне и жаждавший отдохновения, захотел перенестись через пространство и очутиться возле жены.

Генерал ревновал не потому, что не верил Марте, а потому, что ему было сорок пять лет, а ей едва минуло девятнадцать.

Барон Флар Рювиньи полюбил свою молодую жену так, как любят люди, продолжительное время прожившие под тропиками, девственное дотоле сердце которых любило прежде одну только славу и которые, несмотря на свою силу, хотят покорно и ласково склониться перед маленькой и хрупкой молодой девушкой, белокурой и подобной видению.

Легкий шум послышался у входа в палатку. Рювиньи поднял голову.

– Генерал... – сказал молодой офицер, поклонившись.

– Ну, что случилось? – спросил Рювиньи.

– Взвод егерей напал на дуар и привел нескольких пленников.

– Отлично! Где же они?

– В лагере, генерал, но это неважно. Один из пленных арабов разговорился дорогою с лейтенантом, командующим отрядом, и рассказал нечто очень странное, имеющее отношение к исчезновению капитана Лемблена.

Услышав это имя, Рювиньи вздрогнул.

– Как! – сказал он. – Араб знает, что случилось с несчастным капитаном?

– Да, генерал, по-видимому, это так.

Капитан был прекрасный офицер, – сказал генерал, люди, которыми он командовал, видели его замыкавшим отряд при входе в ущелье. Солдат, который ехал рядом с ним, задремал, а когда проснулся, то капитана уже не было, седло его было пусто, а лошадь шла одна. Что случилось с ним? Быть может, он упал сонный в кустарник, где арабы убили его?

Адъютант взглянул на генерала.

– Ну, посмотрим, что теперь вы мне скажете?

– Если только араб не ошибается в числах, то какой-то французский офицер явился в дуар, где этот араб был начальником. Офицер пришел один и, по-видимому, изнемогал от усталости. Он просил у арабов оказать ему гостеприимство и отдал себя под покровительство их начальника; потом он попросил у него одежду, за которую заплатил, и, переодевшись таким образом, уехал к морю. Араб предполагает, что он поехал во Францию.

– Это невозможно! – вскричал генерал. Адъютант промолчал.

– Пошлите ко мне этого араба, – приказал Рювиньи. Офицер поклонился и хотел уже исполнить приказание, когда новое лицо появилось на пороге палатки.

Это был человек лет тридцати пяти, с окладистой бородой; он был одет в фантастический мундир, какие носят в Африке туристы, сопровождающие армию с научной целью.

– Извините, генерал, – сказал вошедший, здороваясь по-военному.

Де Рювиньи ответил на поклон и знаком попросил войти, с любопытством взглянув на вошедшего. Он раньше никогда не видал его.

– Что вам угодно, сударь? – спросил он.

– Генерал, – сказал незнакомец, – я могу дать вам сведения о капитане Лемблене.

Генерал вздрогнул.

– Еще один! – вскричал он. – Вы явились, значит, опровергнуть клевету, не правда ли? Скажите мне, что он умер, что арабы убили его... скажите мне, наконец, сударь, что капитан не мог дезертировать.

– Генерал, – сказал незнакомец, – позвольте мне переговорить с вами с глазу на глаз.

Де Рювиньи сделал знак. Адъютант вышел и приказал часовому, стоявшему у входа в палатку, никого не впускать в нее.

Незнакомец сел с фамильярностью, которая оскорбила генерала, и на губах его мелькнула улыбка, как у человека, уверенного в важности своего сообщения.

– Генерал, сведения, которые я хочу сообщить, так важны, что я должен просить вас дать мне честное слово.

– В чем? – спросил его генерал.

– Что я выйду отсюда, несмотря ни на что, здоров и невредим.

– Даю вам слово, – сказал генерал, помимо желания нахмутив брови и спрашивая себя, о какой подлости этот человек намерен еще сообщить ему.

– Хорошо, – сказал незнакомец и, приняв удобную позу рассказчика, продолжал. – Капитан не умер, генерал.

– Что вы сказали?

– Капитан дезертировал.

– Это невозможно!

– Однако это правда, генерал.

– Сударь, мне нужны доказательства.

– Вы получите их, если выслушаете меня.

– Говорите, сударь.

– Капитан бежал, потому что веские причины призывали его во Францию и время не терпело.

При этих словах лицо генерала выразило страшное удивление.

– Гектор Лемблен, – продолжал незнакомец, – оставил во Франции одну из тех привязанностей, ради которых приносят в жертву все: честь, обязанности, семью, отечество.

– Дальше, сударь! – сказал генерал, сердце которого сжалось от какого-то неясного предчувствия.

– Эта женщина была в опасности, и она написала капитану.

– Ах! – вскричал Рювињи, вдруг вспомнив. – Он получил письмо за час до экспедиции.

– Совершенно верно.

– Теперь я понимаю это бегство, сударь. Но откуда вы узнали об этом? Быть может, вы друг капитана и обращаетесь к моему великодушию, чтобы спасти его от участи, которая его ожидает.

Незнакомец покачал головой; генерал вздрогнул, заметив ироническую улыбку на его губах.

– Сударь! Капитан Лемблен нанес мне одно из тех оскорблений, которые не могут быть смыты целыми потоками крови, и я поклялся сделать с его честью то же, что он сделал с моею. Теперь вы видите, что я не могу желать его спасения.

– Чего же вы в таком случае хотите? – спросил генерал, лоб которого нахмурился.

– Какое мне дело до того, какого мнения вы будете обо мне: я мщу за себя.

– Дальше? – сухо спросил де Рювињи.

– Я рассчитал, – холодно продолжал незнакомец, – что если любимая женщина призовет его на помощь, то он бросит все. Мне удалось украсть у моего врага единственное письмо, которое ему написала эта неосторожная женщина.

– Какая подлость! – прошептал генерал.

– Я мщу, – спокойно заметил рассказчик.

Генерал бросил взгляд, полный презрения, на своего собеседника.

– Сударь, – сказал он ему, – вы поступили умно, взяв с меня слово отпустить вас целым и невредимым.

Незнакомец пожал плечами.

– В противном случае я приказал бы расстрелять вас. Незнакомец улыбнулся, как человек, который безразлично относится к угрозам и даже предвидел их.

– Однако, – продолжал генерал, – мне непонятно, для чего вы рассказываете всю эту историю мне?

– Быть может, она заинтересует вас?

– Нисколько, уверяю вас.

Между тем де Рювињи почувствовал, как дрожь пробежала у него по телу, у него, храброго воина, когда незнакомец пристально посмотрел на него.

– Неужели вы думаете, что история капитана Лемблена вас не касается?

– Сударь!

– Генерал, вы знаете мужа этой женщины.

– Я?

В этом единственном слове, вырвавшемся под влиянием удивления, звучала угроза.

– Как я уже сказал вам, – холодно продолжал незнакомец, – вы знаете мужа, даже очень близко, а так как я должен передать ему письмо...

– Ну так и обращайтесь к нему! – вскричал с лихорадочным нетерпением де Рювины.

– Я это и делаю, – отчеканил свои слова незнакомец.

Ни раскаты грома, раздирающие тучи, ни землетрясение, конвульсивно колеблющее землю, ни Везувий, поглотивший города в потоке своей лавы, не произвели бы на генерала такого впечатления, как четыре слова незнакомца: «Я это и делаю».

Итак, он был этим мужем.

Сначала он бессмысленно взглянул на человека, стоявшего перед ним, затем подумал, что он попросту сделался игрушкой кошмара. Из груди его вырвался крик, глаза засверкали от гнева и, схватив пистолет, он зарядил его и направил на незнакомца.

– Сударь, я изменю своему честному слову: я убью вас. Незнакомец и бровью не повел: он спокойно вынул из кармана бумажник, отыскал там письмо и положил его перед генералом.

Де Рювины взглянул на почерк, и пистолет выпал из его рук. Затем, взяв письмо, он внимательно прочитал его с начала до конца, прочитал и подпись, которую поставила неблаго-разумная женщина. Марта написала свое имя полностью, равно как и адрес капитана Гектора Лемблена, что служило доказательством, что письмо назначалось именно ему.

У генерала закружилась голова. Он вскочил и, как тигр, заметался по палатке, судорожно запуская ногти в грудь, с лицом, покрытым холодным потом, конвульсивно искривленными губами и дыбом вставшими волосами. Потом, повернувшись к незнакомцу, как гром, обрушившемуся на него, смерил его взглядом, полным презрения и ненависти, и рукою указал ему на дверь палатки.

– Пошел вон! – приказал он. – Вон, негодяй!

И этот человек с железной волей, которого солдаты прозвали львом, как приговоренный к смерти, упал на колени; слезы ручьями бежали у него из глаз, он глухо прошептал:

– О, Марта!.. Марта... вы, которую я так любил!..

XVI

О, каких три ужасных дня пережил генерал на палубе парохода, где, неподвижный, с лицом, обращенным к той части горизонта, за которым скрывалась Франция, он мрачным и грустным взором смотрел на безбрежное море... Какие страшные муки он вытерпел в течение этих трех дней невольного бездействия, погруженный в свои мысли, стараясь улыбаться окружающим, с почтением относившимся к нему, и не в силах будучи ни на минуту забыть того, что сжигало его мозг, – передать все это невозможно.

Отныне жизнь казалась ему безотрадной и мрачной, как то безбрежное море, по которому плыл его корабль.

Одно время барон де Рювиньи пожалел, зачем он уехал из Африки, где его могли бы убить в первом же сражении. Но скоро мысль о мщении овладела им. «Мне нужна жизнь этого человека!» – решил он. И под влиянием этого страстного желания генерал де Рювиньи считал часы, минуты, секунды своего пути и надеялся, что «Нестор», так назывался пароход, войдет в марсельский порт настолько рано, что он будет иметь возможность немедленно получить свой паспорт, так как капитан, по закону, должен, бросив якорь, отправить все паспорта в городское управление, и он тотчас может отправиться в дальнейший путь. Но генерал ошибся в своих расчетах. «Нестор» прибыл в Марсель в воскресенье – день, когда все присутственные места закрыты, и генералу пришлось отложить свой отъезд в Париж до понедельника. Он приказал перенести багаж в «Императорский отель», лучшую гостиницу в Марселе, и был очень удивлен, встретив у входа в отель знакомого, человека лет тридцати пяти, одетого по-дорожному, который протянул руку генералу.

– Как, это вы, дорогой барон? – проговорил он.

– Шевалье д'Асти? – в свою очередь удивился генерал.

– Он самый, – поклонился шевалье.

Шевалье, как уже известно читателю, присутствовал на первом свидании «Друзей шпаги» и вступил в это таинственное и ужасное общество. Д'Асти и генерал близко сошлись в Париже и в Ниверне в то время, когда первый приезжал к своему родственнику маркизу де Флар Монгори, соседу по имению дяди шевалье, у которого последний провел свое детство.

Вследствие ужасного нравственного состояния, в котором находился генерал, он чрезвычайно обрадовался встрече с шевалье, надеясь хоть немного забыть свое горе в дружеской беседе.

– Куда вы едете? – спросил он его.

– В Париж, генерал.

– А откуда?

– Из Италии.

Генерал почувствовал облегчение при мысли, что шевалье, может быть, еще неизвестно, что он женился, потому что ему казалось, что каждый может прочесть позор, написанный прозрачными буквами на его лбу. Действительно, шевалье имел скромность воздержаться от расспросов о причине возвращения де Рювиньи в Париж.

– Когда вы отправляетесь? – спросил его генерал.

– Завтра утром, в почтовой карете. Рювиньи обрадовался.

– Отлично! – сказал он. – Быть может, вы уделите в вашей карете и мне местечко до Парижа.

Генерал боялся одиночества и был очень рад, что случайно встретил попутчика.

Шевалье д'Асти и генерал пообедали вместе. Вопреки своим аристократическим привычкам, де Рювиньи искал забвенья в стакане шампанского, и это удалось ему отчасти. К тому же шевалье был весел, остроумен и насмешлив.

Как провести долгий вечер в провинции? Д'Асти разрешил этот вопрос, предложив генералу пойти в театр. В этот вечер давали «Семирамиду»; играла итальянская труппа. Генерал согласился.

– Я приказал уже оставить два места в оркестре, – сказал шевалье, – рассчитывая, что вы пойдете со мною.

Говоря это, он фамильярно взял под руку генерала и потащил его в театр.

На тротуаре, у отеля, слуга многозначительно поклонился д'Асти, который быстро шепнул ему на ухо.

– В Большом театре.

Не успели генерал и его спутник пройти длинную улицу, составляющую гордость марсельцев, как лакей дошел до противоположного конца ее и исчез за углом улицы св. Людовика.

Генерал де Рювины шел под бременем своего горя; он вошел в зрительный зал и дошел до своего места неровной и резкой походкой человека, который под влиянием овладевшей им мысли безразлично относится к окружающему, и обвел переполненный публикой зал и сцену, где в ту минуту находилась вся труппа, мрачным взглядом человека, всецело ушедшего в самого себя. Но скоро таинственное влияние чудной музыки подействовало и на его страшно натянутые нервы и затуманенный мозг, и генерал де Рювины почувствовал, как у него наступает приятная, хотя и печальная реакция, которая часто овладевает наиболее удрученными душами. Помимо воли глаза его наполнились слезами, сердце застучало, и он вспомнил Марту... Он увидел ее, прекрасною и чистою... и ему показалось, что ему приснился сон...

Вдруг имя, произнесенное позади него, названное небрежным тоном, долетело до его ушей, и генерал, быстро обернувшись, увидел двух человек, сидевших за ним. Одному из них было лет пятьдесят; он был одет во все черное, в петлице у него была ленточка Почетного Легиона. Он рассеянно смотрел на сцену. Другому было лет двадцать девять или тридцать; он был страшно бледен, и генералу показалось, что он когда-то видел этого человека, еще в ту пору, когда тот был юношей.

– Итак, – сказал человек с орденом, продолжая лорнировать примадонну, – вы видели беднягу Лемблена?

Услышав это имя, генерал быстро повернулся в то время, как дрожь негодования пробежала по его телу.

– Я оставил его в Париже; теперь он счастливейший человек в мире, – ответил молодой человек, опустив глаза.

Сердце генерала страшно забилося, и он начал прислушиваться с холодным потом на лбу. В это время д'Асти спокойно рассматривал в бинокль красивых женщин, находившихся в зале.

– Бедный Гектор Лемблен, – продолжал человек с орденом, – судя по вашим словам, он сделал страшную глупость.

Сердце генерала замерло.

– Да, действительно, – согласился молодой человек.

Он говорил скорее тоном школьника, отвечающего заученный урок, нежели рассказчика. Но генерал был слишком взволнован, чтобы обратить на это внимание.

– Значит, он дезертировал.

– Да.

– И вернулся в Париж?

– Да, полковник; там его ждала женщина.

– Хороша она?

– Я видел ее только раз.

Если бы в эту минуту оркестр сделал паузу, то можно было бы расслышать, как бьется сердце у генерала Рювины.

– Ну, и что же, как вы ее находите?

– Я нахожу ее очаровательной.

– Известно вам, как ее зовут?

При этом вопросе генерал почувствовал, как у него закружилась голова.

Если бы он был в мундире, то он вонзил бы шпагу в грудь молодого человека раньше, чем имя этой женщины слетело с его губ.

– Баронесса де Рювиньи.

Едва молодой человек произнес это имя, как занавес опустился, и генерал, обернувшись, схватил его за руку и сказал:

– Сударь, не угодно ли вам последовать за мною?

Де Рювиньи был страшно бледен от негодования. Казалось, он растерзает молодого человека, если тот осмелится не последовать за ним.

Молодой человек утвердительно кивнул головой и пошел вслед за генералом. За ними шли на некотором расстоянии двое: человек с орденом и шевалье д'Асти.

Генерал увлек своего противника в угол залы.

– Сударь, – сказал он ему, – вы владеете тайной, которая, дойдя до меня, становится вашим смертным приговором.

Сказав это, генерал ударил его по щеке перчаткой.

– Я барон де Рювиньи, – прибавил он.

– В таком случае, милостивый сударь, – отвечал незнакомец, бледный, как мертвец, – до завтра, ровно в семь часов, за Ботаническим садом. Я оскорблен и выбираю шпагу.

Затем, бросив визитную карточку к ногам генерала, он взял под руку человека с орденом и вышел из фойе.

Генерал поднял карточку, даже не взглянув на нее, и побежал к д'Асти.

– Шевалье, – сказал он, – я дерусь завтра утром, в семь часов, на шпагах; бой будет насмерть. Вы мой секундант. Не спрашивайте меня и ни о чем не старайтесь узнать. Пусть эта страшная тайна останется между мной и моим противником.

Генерал де Рювиньи взглянул на карточку своего противника и прочитал: «Маркиз Гонтран де Ласи».

– Гонтран де Ласи! – вскричал он. – Сын лучшего моего друга, сын человека, спасшего меня три раза от смерти. Ах!..

Генерал зашатался, как человек, которого поразил удар грома, и оперся на д'Асти, чтобы не упасть.

– Пойдемте, – прошептал он хрипло, – пойдемте... Я боюсь сойти с ума!

XVII

В то время, как генерал уходил из театра под руку с шевалье д'Асти, Гонтран де Ласи – это действительно был он – тоже вышел из театра в сопровождении полковника Леона, которого читатель, без сомнения, уже узнал. Они направились по улицам Сент и Парадиз к отелю, находившемуся на углу площади Бонапарт.

Гонтран вошел в комфортабельное помещение в нижнем этаже, где он с утра поселился вместе с Леоной, и прошел в залу, примыкавшую к спальне. Гонтран был бледен, глаза его лихорадочно блестели. Полковник, наоборот, был холоден и спокоен, как человек, вполне довольный собою. Он даже насвистывал сквозь зубы финал из последнего акта «Семирамиды».

– Полковник, – сказал де Ласи, бросаясь на оттоманку, – понимаете ли вы, что мы сделали подлость!

– Это несчастное совпадение!..

И полковник спокойно пожал плечами.

– Убить его, – продолжал Гонтран, – разве это не значит оскорбить память моего отца?

– Согласен! Но разве вы не замечали, – холодно продолжал полковник, – что когда возвышенные чувства вмешиваются в прозу нашей жизни, то мы делаем глупости?

– Как это? – спросил Гонтран.

– Дорогой мой, если вы начнете говорить фразы о дружбе, уважении к памяти предков и прочее, то кончится тем, что слезы выступят у вас на глазах; вы расстроите себе нервы, лишитесь сна, завтра рука ваша будет дрожать, в глазах появятся красные круги, и вас убьют. Вот до чего доводит поэзия.

Полковник рассмеялся.

– Итак, я должен драться?

– Конечно, если вы не захотите носить на щеке прикосновение генеральской перчатки, да притом вам, наверное, не улыбается драться с шестью членами общества «Друзей шпаги»?

– О, какая низость! – прошептал Гонтран вне себя.

– Мой бедный друг, – сказал полковник сочувственно, – вы еще недостаточно закалены и придаете слишком много значения предрассудкам. Но это пройдет со временем, будьте уверены.

Гонтран не отвечал; он опустил глаза, как преступник, выслушивающий свой смертный приговор.

– Теперь, мой дорогой друг, – продолжал полковник, – если вы захотите выслушать меня, то ляжете в постель и заснете, предоставив мне разбудить вас. Я выберу шпаги и закажу карету. Доброй ночи, прощайте.

И полковник вышел, продолжая напевать арию. Гонтран долго не мог прийти в себя. Наконец, он понял весь ужас ассоциации, в которую он вступил из-за желания обладать Леоной; теперь он понял, что вместо свободного человека он сделался навеки рабом и орудием в руках своих сообщников.

Когда маркиз вошел в свою комнату, то застал в ней Леону, взволнованную и грустно улыбающуюся ему.

– О, Боже мой! – сказала она. – Что с вами? Отчего вы так бледны?

– Сегодня, – сказал он сухо, – настал день расплаты.

– Расплаты? – спросила она с удивлением.

– Да, сегодня я расплачиваюсь за вашу любовь, – сказал он с судорожной улыбкой. – До сих пор я только наслаждался.

И, повернувшись спиной к пораженной Леоне, он повалился на кушетку, решившись заснуть одетым. Он спал долгим беспокойным сном; его все преследовали какие-то видения, и он бормотал бессвязные слова. Леона слушала и дрожала.

Гонтран просыпался несколько раз и снова засыпал; наконец на рассвете полковник постучал в дверь. Гонтран вскочил, сразу все вспомнил и пришел в ужас и от самого себя, и от той роли, которую он играл. Он решил:

– Я дам себя убить... это справедливее... Затем Гонтран открыл дверь полковнику.

– Как! – удивился тот. – Вы не ложились? Да вы с ума сошли!

Гонтран пожал плечами.

– Я забыл раздеться, – сказал он.

– Глупо, друг мой. Смотрите, вы бледны, ваши нервы напряжены. Это может дорого обойтись вам.

– Э! Не все ли равно?

– Ну, – флегматично заметил полковник, – это не в наших интересах.

Затем он прибавил мягче, почти дружески:

– Друг мой, когда джентльмен идет на дуэль, то он собирается на нее, как на бал, и надевает праздничное платье. Займитесь немного своим туалетом, смените белье, переоденьтесь в сюртук, широкие брюки и наденьте ботинки. Ах да, кстати, я взял у Зуэ отличные шпаги; они чрезвычайно легки. Попробуйте, – и полковник подал шпагу маркизу, который невольно описал ею круг в воздухе.

Гонтран переоделся и, когда был совершенно готов, вошел к Леоне: она спала и показалась ему теперь прекраснее, чем когда-либо. У Гонтрана закружилась голова, и он почувствовал, что жажда жизни снова овладела им. Он захотел жить для любви.

Полковник взял его под руку, и они тихо вышли из комнаты, не разбудив Леону.

Карета ждала их на улице. Гонтран и полковник сели, спрятали шпаги под одну из подушек и приказали кучеру: – В Ботанический сад!

Карета покатила рысью по пустым еще улицам. Густой туман спустился на землю; было свежо. День был самый неподходящий для дуэли. Драться хорошо только при солнце.

Когда карета остановилась у Ботанического сада и полковник с Гонтраном вышли, чтобы отправиться на берег Жарре, маленькой речки, единственной в Марселе, Гонтран почувствовал, что он озяб, и закутался в плащ.

– Ну! – сказал ему полковник. – Что же будет с вами, когда вы снимете сюртук?

И он улыбнулся.

– Вы прекрасно знаете, что такие шутки неуместны; я легко зябну, вот и все! – ответил Гонтран, пожимая плечами. – К тому же мне никогда еще не приходилось драться на дуэли во время тумана, – прибавил он с грустной улыбкой.

– Всегда поэт, – презрительно сказал полковник. Они спустились на берег речки и выбрали подходящее место на песчаной площадке. Скоро появился и генерал в сопровождении шевалье д'Асти.

– Шевалье восхитителен в своей роли, – тихо прошептал полковник. – Можно подумать, что он совершенно не знаком с нами.

Генерал был в сюртуке, застегнутом по-военному до подбородка, и в узких серых рейтузах. Его уверенная и гордая походка свидетельствовала о том, что в минуту опасности к нему вернулось его обычное хладнокровие, хотя он был бледен и печален. Он поклонился полковнику и Гонтрану, затем, вместо того, чтобы по обычаю отойти в сторону, когда секунданты условливаются насчет ведения дуэли, он прямо направился к маркизу и спросил его:

– Милостивый государь, вы маркиз Гонтран де Ласи, сын полковника де Ласи, который командовал полком во время войны в Испании?

Гонтран вздрогнул и побледнел еще более.

– Да, – ответил он.

– Сударь, – продолжал генерал, – ваш отец был мой близкий друг и три раза спас мне жизнь на поле битвы.

Де Ласи страдал невыразимо, слушая генерала.

– Взгляните на меня, – продолжал де Рювиньи, – мне сорок пять лет, я состою тридцать лет на службе; участвовал в двадцати кампаниях, получил восемнадцать ран, убил на дуэли трех человек. Похож ли я на труса?

– Нет, – сказал Гонтран, сердце которого билось так сильно, что чуть не разрывалось в то время, как генерал пристально смотрел на него.

– Ну, – продолжал де Рювиньи, – дайте мне слово, что вы никогда не произнесете известное вам имя вместе с именем негодяя Лемблена, и я сейчас же извинюсь перед вами... потому что, – продолжал генерал с волнением, – я не могу убить сына моего друга.

О, если бы маркиз де Ласи был свободен, как охотно он бросился бы на колени перед этим благородным, несчастным и добрым человеком и стал бы молить его о прощении! Но Гонтран не располагал собою, он был членом общества «Друзей шпаги», а потому не мог избавить генерала от тяготевшей над ним судьбы.

Взволнованный до последней степени, Гонтран повернул голову и с мольбою посмотрел на полковника, который был спокоен, хладнокровен, и глаза его красноречиво говорили: «Вы должны драться! Вы дали клятву!»

И Гонтран ответил, не решаясь взглянуть на генерала:

– Сударь, вы ударили меня, поэтому я никак не могу принять ваши извинения. Потрудитесь взять шпагу.

Тяжелый вздох вылетел из груди генерала и, обернувшись к шевалье д'Асти, который был его секундантом, он сказал:

– Так хочет судьба!

Он отошел от Гонтрана, который подошел к полковнику и сказал ему:

– Этот человек, которого вы хотите убить, в тысячу раз лучше вашего капитана Лемблена.

– Согласен, – ответил полковник, – но капитан наш. Если бы генерал очутился на его месте, то вы могли бы убить Гектора Лемблена без сожаления. Господа, снимите верхнее платье! – прибавил полковник громко.

В то время, как противники раздевались, шевалье д'Асти и полковник отмерили шпаги и бросили жребий. Судьба покровительствовала Гонтрану. Жребий пал на шпаги, купленные у Зуэ, а не на те, которые привез генерал.

– По местам, господа! – скомандовал полковник и, подавая шпагу Гонтрану, шепнул ему:

– Если вы дадите убить себя, то не стоило труда приобретать сердце Леоны.

Слова эти произвели магическое действие на Гонтрана; между ним и его противником, который был хорошим другом его отца, встал обольстительный образ Леоны, и он уже видел перед собою только человека, угрожавшего его жизни, стоявшего с обнаженной шпагой в руке, направленной на его грудь, которого он должен убить, если все еще хочет жить вместе с Леондой.

Генерал в ранней юности, в возрасте, который смело можно назвать возрастом дуэлей, был искусный фехтовальщик, которого мулат Сен-Жорж не отказался бы признать за своего ученика.

Но он давно перестал посещать фехтовальный зал, ища геройских подвигов на поле битвы, и его мускулы потеряли эластичность, рука отяжелела, лениво наносила удары и медленно отражала их. И притом, если был когда-либо человек, принявший дуэль против воли и огорченный иметь противником юношу, которого он любил, – то это был именно генерал.

Все это давало преимущество Гонтрану, вся жизнь которого прошла в фехтовальных залах. Однако оба противника долго не решались сделать нападение, руки их дрожали, до того их действия были нерешительны.

– Леона, – шепнул еще раз полковник Гонтрану. Это имя наэлектризовало Гонтрана и было как бы смертельным приговором для генерала. Гонтраном овладело бешенство и желание нападать и защищаться до последней крайности. С ним произошла перемена, которая обыкновенно случается с людьми резкого темперамента: кровь прилила у него к сердцу. Чувствуя в своих руках шпагу, это ужасное оружие, он пришел в ярость и забыл, может быть, даже имя своего противника.

Тогда обоим секундантам представилось торжественное и ужасное зрелище: отчаянная борьба двух людей, из которых один неизбежно должен умереть. Это был один из тех ужасных поединков, которые способны взволновать даже самых хладнокровных зрителей.

Генерал также забыл, кто такой Гонтран, и видел пред собою лишь человека, осмелившегося произнести имя его жены и знавшего о его позоре.

Десять минут казались вечностью, в течение которой шпаги скрещивались, дыхание сдерживалось и оба противника, то атакуя, то отступая, топтали ногами песок.

Вдруг генерал вскрикнул, и при этом крике Гонтран выронил шпагу. Он увидел де Рювиньи, еще стоящего, но неподвижного, побледневшего и схватившегося левой рукою за грудь, в то время, когда шевалье подбежал к нему и поддержал его.

– Мне холодно, – пробормотал генерал и упал на руки шевалье.

Шпага Гонтрана ранила барона де Рювиньи насмерть. Заметив это, полковник подошел к генералу; лицо его было грустно, глаза полны сочувствия; умирающий генерал еще мог это заметить.

– Шевалье, – прошептал де Рювиньи, обращаясь к д'Асти. – Поезжайте в Монгори... постарайтесь увидеть Флара, моего кузена.

– Хорошо, – кивнул головою шевалье, стараясь выразить свою грусть.

– Скажите ему... Рювиньи умер... у Монгори нет детей... неужели род Фларов должен угаснуть?

Из горла генерала хлынула кровь; он сделал знак рукою, как бы прощаясь, и закрыл глаза в последней смертельной агонии.

Генерал умер. Полковник и шевалье переглянулись.

– Хорошо, шевалье, – сказал полковник, – вы такой человек, на которого можно положиться.

– Я это знаю, – проговорил шевалье с циничной скромностью.

– Что же касается последней просьбы генерала, то я не вижу препятствий к исполнению ее, но не забудьте, однако, что его убил не Гонтран де Ласи.

– А кто же в таком случае?

– Незвестный офицер, капитан Ламбер... Вы поняли меня?..

– Да, – коротко ответил д'Асти. Полковник отвернулся и взглянул на Гонтрана. Гонтран все еще стоял на том самом месте, куда до его ушей долетел предсмертный крик генерала, и в оцепенении смотрел на шпагу, отброшенную им. Он походил на убийцу, который, мучимый угрызениями совести за свое преступление, бросает кинжал, отворачивается от умирающей жертвы и уже не имеет ни сил, ни желаний бежать.

– Сердце, как у зайца! – сказал полковник, пожимая плечами.

XVIII

Прошло две недели после смерти барона Флара де Рювиньи, дивизионного генерала, убитого на дуэли маркизом Гонтраном де Ласи.

Гонтран вернулся в Париж и снова поселился с Леоной в той самой маленькой квартирке, на улице Порт-Магон, где он был так счастлив в то время, когда верил в нее. Непостижимы странности и тайники человеческого сердца!

Гонтран покрыл себя позором, лишился свободы, убил лучшего друга своего отца, чтобы приобрести сердце этой женщины... Теперь же, когда он видел ее у своих ног, с распростертыми объятиями, смотрящую на него с мольбою, ловящую каждый его взгляд и улыбку, он с ужасом и отвращением отворачивался от нее.

Гонтран де Ласи, снова поселив Леону на улице Порт-Магон, хотел этим излечиться от своей позорной и роковой любви... и он не ошибся... Здесь все воскресало в памяти маркиза: и измена Леоны, и рассказ полковника, и те ужасные восемь дней, которые он провел по отъезде разбойника Джузеппе с авантюристкой.

И он глядел на нее теперь с таким отвращением и любопытством, какое испытывают, измеряя глубину пропасти, которую уже давно окутывает туман. Он изучал разврат, скрывавшийся под обольстительной внешностью, и хотя недостаточно еще нагляделся на эту могущественную красоту и все еще находился под влиянием любовного чада, когда говорит лишь страсть, а не сердце, все же нетрудно было угадать, что Леона скоро станет для него ничтожной игрушкой, которую презрительно отбрасывают ногой, как только она наскучит. К тому же Леона, любя маркиза, сделалась рабой и утратила тот повелительный взгляд, который когда-то склонял Гонтрана к ее ногам. Блеск злого гения, недавно озарявший ее чело, исчез. Язвительная скептическая улыбка сменилась пошлой усмешкой обожающей женщины. Обаятельная прелесть, приковывавшая Гонтрана к ногам его идола, пропала.

Мало-помалу угрызения совести овладели сердцем маркиза, угрызения, упрекающие нас в том, что мы слишком дорого заплатили за счастье, которое оказывается ничтожным, когда очарование исчезает. Чтобы овладеть этой женщиной, становившейся теперь ему ненавистной, он променял свою честную и незапятнанную жизнь на позор, на общество порочных людей, погрязших во всевозможных кровавых преступлениях. Он согласился разыграть гнусную комедию, роль бандита, сделался сообщником и другом людей с темным прошлым, он, в чьей жизни не было ни единого пятна, наконец, он обагрил свои руки в крови генерала.

И с этих пор днем и ночью его преследовал призрак, он видел презрительную улыбку и слышал имя: «убийца». Иногда маркизом овладевало какое-то бешенство, он искал кинжал и хотел убить Леону.

Леона, не покидавшая его ни на минуту, угадывала его намерение и, падая перед ним на колени, говорила: «Убей меня».

Гонтран, обезоруженный ее словами, отбрасывал кинжал, закрывал лицо руками, как бы в страхе, что весь свет смотрит на него и видит краску стыда, заливающую его лицо. Жизнь этих двух существ, связанных судьбою, становилась невыносимой для Гонтрана и наводила грусть и отчаяние на Леону. Любовь, смешанная с презрением, – пытка!

Подобно тому, как Леона почувствовала отвращение к разбойнику Джузеппе, собиравшемуся стать честным человеком, так же и Гонтран пожимал плечами, смотря с состраданием на страстную любовь Леоны, утратившей свою септическую улыбку, еще недавно блуждавшую на ее губах, сбросившей свою порочную оболочку и лишившейся того обаяния гения зла, которое так обольщало его в то время, когда он узнал о бегстве этого чудовища и об ужасной истории ее жизни.

Маркиз теперь редко выходил из дому; обыкновенно он, сумрачный и задумчивый, сидел против Леоны, как каторжник, скованный с нею одной цепью.

После их возвращения Леона также никуда не выезжала: ни в Оперу, где у нее была ложа, ни в Лон-Шан, где в начале апреля всегда можно встретить самое избранное общество. Ее счастьем, ее мечтой было выйти вечером на час прогуляться под руку с Гонтраном, пройти с ним по бульвару, мимо той толпы, в которой трудно отличить счастливых от несчастных.

Но она не решалась выразить Гонтрану своего желания, а маркиз едва ли согласился бы на это. Если он и любил еще Леону, то стыдился этой связи и не хотел выставлять ее на глаза света.

В тот день, когда Гонтран познакомился с Леоной, он скрылся от большинства своих друзей, родственников и знакомых. В первый свой приезд из Италии он никого не видел и заперся у себя, на улице Порт-Магон. Мы уже знаем, каким образом он попал в общество полковника и снова уехал из Парижа. В то время, когда мы опять увидели его на улице Порт-Магон, никто не знал о его приезде в Париж. В высшем обществе, в улицах Варенн, Гренель и Лилль, ходили тысячи слухов о причине его исчезновения. Где он? Никто этого не знал наверное; одни говорили, что он в Италии, другие – в Испании, но никто нигде его не встречал: он исчез бесследно для членов Жокей-клуба, постоянным посетителем которого он был когда-то. Маркиз де Ласи упал в своем собственном мнении, и ему казалось, что весь свет может прочитать у него на лице его позор. И кто знает, сколько времени продолжилось бы такое нравственное состояние, если бы новое обстоятельство не явилось в его мучительном положении.

Однажды утром маркизу принесли письмо следующего содержания.

«Дорогой маркиз!

Главный принцип в жизни – движение. Покой убивает человека. Вот уже две недели, как вы наслаждаетесь fanniente любви и окончательно забыли о нас, так что наше общество как будто вовсе для вас не существует.

Однако, дорогой маркиз, общество продолжает существовать и нуждается в вас, одном из самых храбрых и умных, и – надеюсь – я вскоре буду иметь право сказать – самом преданном его члене.

Итак, приходите сегодня вечером, в шесть часов, отобедать со старым холостяком, который даст вам свои инструкции, а пока жмет вам руки.

Полковник Леон».

Письмо выпало из рук Гонтрана.

– Опять! – прошептал он. – Опять убийство, опять преступление, опять хотят заставить меня убить какого-нибудь друга моего отца. Нет, лучше умереть!..

* * *

Когда маркиз де Ласи пришел немного в себя, он уже не думал о смерти. Он склонил голову, как человек побежденный и пожертвовавший своею честью.

Отныне он принадлежал к обществу «Друзей шпаги» и телом и душою и в шесть часов вечера отправился к полковнику. С тех пор как общество «Друзей шпаги» было организовано, полковник выехал из своего прежнего жилища, где мы его видели в первый раз. Он захотел жить на виду, а потому нанял большую, роскошную квартиру на улице Гельдер, в первом этаже.

Он встретил Гонтрана в прекрасной курительной комнате, убранной по-восточному и устланной индийским ковром. Полковник совершенно преобразился; это уже был не прежний мрачный и строгий с виду человек, одетый во все черное, основатель общества «Друзей шпаги», но бравый весельчак, наслаждавшийся жизнью, видевший все в розовом свете и добродушно улыбавшийся. Эта улыбка несколько успокоила маркиза де Ласи.

– Маркиз, – встретил его полковник, – теперь весна, дует теплый майский ветерок, наступили чудные солнечные утра; в такие дни пребывание в Париже становится неприятным. Что касается меня, то я не могу равнодушно слышать свиста хлыста, стука удаляющейся почтовой кареты и очень бы хотел очутиться на вашем месте.

– Почему?

– Потому что вечером вы покинете противный Париж, уже наполненный пылью, и покатитесь по прекрасному шоссе. Путешествие ночью очаровательно и полно поэзии.

– Полковник, – перебил его Гонтран, – я не люблю намеков и буду очень вам благодарен, если вы будете выражаться яснее.

– Что это значит? Зачем я должен уехать? И куда я поеду?

– Вы поедете в Нивернэ, потом в Кламеси, а из Кламеси в маленькую деревушку Сен-Пьер, где вы встретите одного из наших членов, шевалье д'Асти.

– Какое преступление должно быть еще совершено? – Ах, дорогой друг, – сказал полковник, – ваши мысли направлены не туда, куда следует; ваша миссия не включает в себе ничего преступного. Шевалье д'Асти живет в деревне и очень скучает в одиночестве; он очень бы желал иметь товарища и рассчитывает на вас. Вот и все.

– Вы, кажется, принимаете меня за ребенка? – спросил Гонтран.

– Быть может, он и даст вам одно очень щекотливое поручение; но успокойтесь, в нем не будет ровно ничего неприятного.

– Ах, – произнес Гонтран, вздохнув с облегчением, – вы мне ручаетесь за это?

– Черт возьми! Неужели вы думаете, что наше общество не может обойтись без шпаги? Такие сильные люди, как мы, могут бороться и другим оружием.

– Так в чем же дело? – спросил Гонтран.

– Ну это уж секрет д'Асти, – ответил полковник.

– Кушать подано, господин полковник! – раздался голос в дверях курильной.

– Пойдемте обедать, – весело сказал полковник, – почтовая карета заедет за вами в половине восьмого.

– Как! Вы даже не позволяете мне вернуться домой?

– Это бесполезно.

– А Леона?..

– Вы напишете ей, что уехали на неделю. Приказание полковника было так определено, что де Ласи принужден был повиноваться. Он написал Леоне о своем отъезде и в половине восьмого сел в карету, крикнув почтальону:

– Поезжай по дороге в Нивернэ.

XIX

Спустя два дня по отъезде маркиза Гонтрана де Ласи из Парижа он достиг опушки громадных лесов той части Нивернэ, которую называют Морваном. Таинственная цель его поездки, которой он еще не знал, но которую должен был ему сообщить шевалье д'Асти, наводила маркиза на печальные размышления, часто являющиеся у путешественников, когда какая-то неведомая сила толкает их к неизвестной цели. Гонтран заплатил свободой и честью за безумную любовь, которая могла бы излечиться одним только временем; безумие его прошло, а он все еще должен был оставаться рабом. Эта убийственная мысль беспрестанно напоминала ему, что он сделался слепым орудием в руках гнусного общества, в члены которого он так необдуманно вступил.

«Шевалье д'Асти даст вам инструкции», – сказал ему полковник. И Гонтран отправился в путь, проехал в почтовой карете шестьдесят лье наедине с самим собою, погруженный в мрачные думы, глядя грустными глазами из окна кареты на быстро сменяющиеся картины местности, которую он проезжал во весь опор.

Карета остановилась в маленькой супрефектуре департамента Ниевры, по имени Кламеси, примыкавшей к Морвану. Там маркиз должен был сесть верхом и отправиться в Сен-Пьер, небольшую деревушку, где его ожидал шевалье д'Асти. Гонтран справился, какое расстояние отделяет его от Сен-Пьера.

– Сударь, – отвечали ему, – вы теперь в шести лье оттуда. Днем на хорошей лошади можно доехать туда в три часа, а ночью дело иное, приходится брать проводника – иначе вы рискуете заблудиться и проплутать в лесу всю ночь.

– Найдите мне проводника, – приказал Гонтран.

– Сударь, – возразил ему начальник почтовой конторы, – вы лучше бы сделали, если бы остались здесь до утра. Все эти дни шел дождь: река разлилась, дороги всюду попорчены и ехать ночью очень опасно.

Но Гонтран торопился, точно ехал на любовное свидание; он хотел узнать как можно скорее, какую новую услугу потребует от него ужасное общество, а потому сухо ответил начальнику почтовой конторы:

– Я должен сегодня же вечером быть в Сен-Пьере. Оседлайте мне самую лучшую лошадь из вашей конюшни, найдите проводника, и я отправлюсь немедленно.

Гонтран говорил тоном, не допускавшим возражений. Начальник почтовой конторы поклонился. Де Ласи вошел в комнату и наскоро пообедал в то время, как слуга привязывал к седлу его чемоданы. Несколько минут спустя вернулся начальник почтовой конторы.

– Сударь, – сказал он, – я всюду искал проводника, но никто не соглашается ехать в такую погоду и в такой поздний час. Собирается гроза, и, как кажется, Ионна вышла из берегов в том месте, где ее придется переезжать вброд у Сен-Пьера.

– Я поеду один, – ответил Гонтран, не обращая внимания на смущенный вид начальника конторы.

– У меня, впрочем, есть человек, который может вас проводить, если вы только не будете разборчивы.

– Что вы хотите этим сказать? – спросил Гонтран, заинтересованный этими загадочными словами.

– В нашей стране, – сказал начальник почты, – народ очень суеверен и думает, что ехать в дорогу с «невинным» приносит несчастье.

– Что вы называете «невинным»?

– Это нечто вроде идиота. Тот, о котором я говорю, рослый парень, и зовут его Нику; родился он в Шатель-Сенсуар, маленьком городке соседнего департамента. Этот парень странный человек; говорят даже, что он колдун.

Гонтран пожал плечами.

– Нику содержит свою слепую мать милостыней. То он отправляется в Оксер, собирая по дорогам, и, обойдя весь город, возвращается на ночь в Шатель; то идет в Кламеси и побирается здесь так же, как и в Оксере, и так весь год, зимой и летом, несмотря ни на какую погоду, он ежедневно ходит то в Оксер, то в Кламеси. Он вечно в дороге.

– Значит, нужда заставляет его поступать таким образом?

– О, – сказал начальник почты, – он зарабатывает не меньше хорошего рабочего. Все подают ему. Притом он превосходно исполняет поручения.

– Он идиот от рождения?

– Нет, сударь. Он был солдатом. Два года назад он выслужил свой срок и, когда вернулся, то был настолько здоров, что его даже назначили на должность смотрителя охоты. Но несколько месяцев спустя, неизвестно по какой причине, он сошел с ума и теперь говорит самые странные вещи. Он никому не делает зла, а помешался на том, что воображает себя возлюбленным какой-то княжны.

Гонтран улыбнулся.

– Итак, – сказал он, – этот человек может проводить меня?

– Да, если господин пожелает следовать за ним, то не заблудится, потому что, для того чтобы попасть в Шатель-Сенсуар, Нику должен непременно пройти мимо Сен-Пьера.

– Где же он?

– На кухне; там ему дали поесть, чтобы немного задержать его.

– Посмотрим, – сказал де Ласи, направляясь в кухню.

У очага Гонтран заметил странное существо, которое, конечно, заслуживает того, чтобы его описали. Присев на корточки, облокотившись локтями на колена и положив подбородок на левую руку, идиот устремил неподвижные и в то же время горящие глаза на уголья. Густые рыжеватые волосы длинными прядями спускались ему на плечи, прикрытые блузой из грубой ткани, какие обыкновенно носят крестьяне в Бургундии и Нивернэ. Странное дело! Несмотря на то, что волосы у него были рыжие, борода его была темная и очень длинная, что придавало его лицу злое и вместе с тем загадочное, страшное выражение, поразившее маркиза.

– Эй, Нику! – крикнул ему начальник почты. – Вставай, молодчина.

Идиот медленно повернул голову и взглянул на Гонтрана тупым и пристальным взглядом безумца.

– Вот этот господин желает идти с тобою, – сказал начальник почтовой конторы.

Идиот продолжал смотреть на Гонтрана и не ответил ни слова. Затем он вдруг встал, и маркиз заметил, что он был огромного роста, хотя страшно худ; идиот отыскал свою палку, стоявшую в углу, потом, не сказав ни слова и даже не взглянув на маркиза, повернулся и вышел из трактира.

– Поезжайте за ним, – сказал начальник почты Гонтрану. – Может быть, он разговорится с вами дорогой. Теперь он в бреду.

У крыльца слуга держал в поводу оседланную лошадь. Гонтран сел и поехал за своим странным спутником. Было еще светло, хотя ночь уже наступала.

Сумасшедший шагал впереди, с палкою в руке, так быстро, что Гонтран едва поспевал за ним, несмотря на то, что ехал рысцой. Время от времени идиот отбрасывал волосы на плечи, когда они спускались ему на лицо от быстрой ходьбы, и шел, казалось, не замечая, что за ним едет всадник.

Скоро путешественники миновали равнину и въехали под тень одного из густых лесов Нивернэ, которые тянутся от окрестностей Кламеси до передовых отрогов Морванских гор.

Наступила ночь, и де Ласи принужден был довериться инстинкту своей лошади, следовавшей шаг за шагом за идиотом. Последний точно дожидался лесной тьмы для того, чтобы порвать совершенно с действительной жизнью и снова перенестись к странному сновидению, которое так резко нарушил начальник почтовой конторы. Внезапно обернувшись к маркизу, он спросил его смеясь:

– А мы не встретим княжну сегодня ночью.

Смех идиота был резкий и заставил вздрогнуть Гонтрана.

– О какой княжне ты говоришь? – спросил он его.

– О той, которая влюблена в меня, ваша светлость.

– А! – расхохотался, в свою очередь, Гонтран. – Тебя любит княжна.

Гигант пошел по правой стороне рядом с лошадыю Гонтрана, фамиллярно облокотившись на седло, и сказал:

– Тс! Это тайна, но я хочу рассказать ее вам. Вы будете скромны, не правда ли?

– Даю тебе слово.

– Отлично! – сказал сумасшедший и продолжал. – Представьте себе: там, внизу, совсем внизу, – и он указал рукою на чашу леса, – есть прекрасный замок, где живет моя княжна, прекрасная и богатая княжна, богаче самого короля Франции.

– И она любит тебя?

– До безумия, ваша светлость.

– Она сама тебе это сказала?

– Черт возьми, – с фатовским видом сказал идиот, – она мне сказала это, когда я переносил ее на своей спине через реку, и даже хотела выйти за меня замуж.

– Вот как! – пробормотал Гонтран, с состраданием посмотрев на сумасшедшего.

– Но князь, отец ее, не хочет этого.

– Дуралей! – заметил Гонтран.

– А все потому, – грустно продолжал нищий, – что князь скуп... очень скуп...

– Он, должно быть, ищет богатого зятя?

– Совершенно верно, ваша светлость. Но я скоро буду.

– Ты?

– Я самый, ваша светлость. В продолжение двух лет я коплю деньги, и когда у меня соберется необходимая сумма, князь не откажет отдать за меня свою дочь.

Идиот говорил так уверенно, что Гонтран не мог удержаться от улыбки.

– Каким образом ты копишь деньги?

– Я хожу к важным господам, моим соседям, и они дают мне каждый день по несколько монет.

Несчастный безумец назвал по именам крестьян и трактирщиков, у которых просил милостыню.

– Сколько же тебе надо, чтобы жениться на дочери князя?

– Сто экю, ваша светлость.

Гонтран едва удержался от смеха и решил про себя:

«Княжна, про которую он говорит, должно быть, какая-нибудь деревенская коровница».

И маркиз снова погрузился в мечты и опустил поводья лошади, продолжавшей следовать за бродягой через валежник, среди которого пролегала тропинка, выбранная Нику для сокращения пути. Ночное путешествие в лесу, безмолвная тишь ночи, предвещавшая близкую бурю, – все это придавало еще большую фантастичность рассказу безумца, сопровождавшего маркиза.

Нику замолчал, а Гонтран перестал его расспрашивать и насвистывал сквозь зубы народную песенку. Гонтран мечтал.

Таким образом прошло около двух часов; иногда они выходили из-под деревьев, чтобы пересечь прогалину, где де Ласи мог видеть клочок неба. Небо было сумрачно и темно и предвещало близкий сильный дождь. Гонтран посмотрел на часы.

«Восемь часов, – подумал он. – Вот уже два часа, как мы едем, а трактирщик сказал, что через три часа я буду в Сен-Пьере. Значит, уже скоро».

Молния рассекла свинцовое небо, и раскат грома прозвучал в лесу. Безумный расхохотался.

– Ах, – сказал он, – княжна хорошо сделала, что переехала реку днем.

– Она переезжала реку? – спросил Гонтран, довольный тем, что идиот снова начинает болтать.

– Сегодня утром, – ответил последний.

– А куда... она поехала?

Безумный пожал плечами, как бы говоря: «Не знаю».

– Она проехала одна?

– Да, на черной лошади и с двумя борзыми собаками. Гонтрану пришло на память одно из самых красивых произведений Альфреда де Дре и, отказываясь от мысли, что княжна – коровница, он подумал: «Не влюбился ли уж бедняк в какую-нибудь молодую и красивую даму из окрестного замка». Любопытство маркиза было задето, и он начал расспрашивать идиота.

– Конечно, она с тобою разговаривала?

– Да, ваша светлость, и Нику был счастлив на весь день.

– Значит, она была очень нежна и любезна?

– Она дала мне золотую монету и сказала: «Возьми, собирай их поскорее, чтобы жениться на мне». Затем она стегнула лошадь и, повернувшись, улыбнулась мне.

Безумный прижал обе руки к сердцу и прошептал:

– Там... ее улыбка...

«Бедняга», – подумал Гонтран.

Снова блеснула молния и осветила небо; несколько крупных капель дождя упали на окружавшие Гонтрана деревья.

– Нам далеко еще? – спросил он идиота. Нику вдруг схватил его за руку и сказал:

– Слушайте!

Гонтран прислушался и услышал вдали глухой шум, похожий на журчанье воды в реке, покинувшей свое ложе.

– Это вода, это вода! – вскричал с хохотом безумный и удвоил шаги, снова запел песенку. Он побежал, и Гонтрану пришлось пустить лошадь галопом.

Шум сделался резче; наконец тропинка, по которой ехали путешественники, образовала крутой поворот – признак, что река близко. Де Ласи заметил вскоре слабый свет неба сквозь последние деревья леса; немного спустя Нику внезапно остановился.

При свете молнии Гонтран окинул взглядом место, где они находились. Они были на маленькой площадке, образуемой скалами, которую пересекала тропинка при выходе из лесу, спускаясь далее к реке, которую в обыкновенное время в этом месте переходили вброд, так как Нивернэ́йский канал в то время еще не существовал. На обоих берегах реки росли высокие деревья, и взор тщетно искал бы вверх и вниз по течению дом или деревню, наконец, какую-нибудь светлую точку, свидетельствующую о близости людей; местность была дикая и пустынная.

Река внезапно вздулась от дождя, шедшего накануне, как обыкновенно бывает с горными речками, которые утром являются в виде ручейка, а вечером представляют собою бушующие потоки.

Она заливала своими волнами, из прозрачных сделавшимися теперь мутными, вырванные с корнями деревья и с силой ударяла об утес, где остановился безумный, смущенный этим неожиданным препятствием.

– Вода слишком высока, – пробормотал он, – невозможно ее перейти.

И, точно он не впервые встречал это препятствие, он сделал знак маркизу – следовать за ним.

Уезжая из Кламеси, Гонтран спешил приехать в Сен-Пьер. Ему хотелось поскорее увидеться с д'Асти и узнать от него о таинственной причине его путешествия, но по дороге он увлекся дикой поэзией бури и радовался встретившемуся препятствию в виде необычайной прибыли воды, которая заставила его проблуждать лишний час в неведении, какое мрачное преступление придется ему совершить еще. Де Ласи походил в эту минуту на осужденного на смерть, которого случай отдаляет от часа казни и который в течение нескольких часов может еще распоряжаться своей жизнью.

Безумный шел вниз по течению реки, и Гонтран догадался, что он ищет и наверное найдет убежище от дождя, потому что скалы постепенно становились выше; действительно, Нику скоро остановился у нависшей скалы, образовавшей хотя неглубокую, но довольно высокую пещеру, где де Ласи мог укрыться вместе со своею лошадью. Куча вереска и сухих листьев, которыми была усеяна земля, дали понять Гонтрану, что здесь обыкновенно находили себе приют охотники и пастухи. Маркиз увидел, как идиот преспокойно уселся в той же самой позе, как в трактире в Кламеси, не обращая на него внимания, и так же пристально уставился на реку, как раньше смотрел на уголья. Он снова погрузился в любовные грезы.

XX

Гонтран соскочил с лошади, привязал ее к кусту и, решив переждать бурю, сел рядом с безумцем. Буря бушевала во всем своем диком величии, молния сверкала ежеминутно, а раскаты грома, повторяемые эхом скал, окружавших Ионну, вызывали радостную улыбку на губах идиота, пробуждая в нем приятные воспоминания. Так, по крайней мере, казалось Гонтрану; ему захотелось снова поговорить с Нику, и он коснулся его плеча.

– Эй, дружище, что ты мне ничего больше не расскажешь о своей княжне?

– Ха! ха! ха! – снова разразился смехом идиот. – Она переправилась через реку утром... она хорошо сделала... потому что...

Идиот замолчал на минуту, по-видимому, припоминая что-то.

– В тот день, когда я нес ее на плечах... также шел дождь, – продолжал он, – и река разлилась, а она обнимала меня с такой любовью... Ах! Нику очень силен, и он плыл, как будто нес перышко... Дождь шел... шел... а гром гремел... о, какой гром-Безумный захохотал, забормотал что-то непонятное, но все-таки можно было разобрать, что настоящая ночь походила на ту, когда безумный переносил на плечах свою княжну через реку и что в эту-то ночь, быть может, он и сошел с ума.

– Видите ли, ваша светлость, – снова заговорил безумный, после нескольких минут тягостного молчания, – если бы теперь я нес ее на плечах, о, тогда!..

– Что бы ты сделал?

– Я бы похитил ее.

Сумасшедший улыбнулся так, что Гонтран вздрогнул, поняв, что гигант способен пустить в ход силу, когда им овладеет страсть.

– Я бы похитил ее, – продолжал он, – и когда я принес бы ее к себе, то князь, ее отец... Брови безумного нахмурились с угрозой.

– Однако, – сказал Гонтран, – так как ты копишь деньги, то не разумнее ли было бы подождать?

Безумный грустно покачал головой. – Ждать слишком долго, – прошептал он.

– Сколько же ты собрал?

– Сто сорок франков.

– Тебе не хватает, значит, шестидесяти?

– Да, – грустно сказал Нику.

Он вытащил из кармана кожаный кошелек, открыл его и показал Гонтрану. Кошелек был битком набит разными монетами. Там были пятифранковики, маленькие серебряные монетки, большие су, и среди шах блестел луидор, который дала ему княжна. Де Ласи взглянул на бедного помешанного от любви, и ему стало жаль его.

– Слушай, – сказал он, – я хочу, чтобы ты был счастлив и чтобы княжна вышла за тебя замуж.

Гонтран бросил восемь луидоров в засаленный кошелек Нику. Нику вскрикнул, вскочил, перевернулся и сказал, посмотрев на Гонтрана:

– Значит, вы король?

– Да, – ответил маркиз, улыбаясь.

– Сто экю, у меня есть сто экю! – кричал безумный, прыгая по скале, как дикий зверь, который видит открытую дверь своей клетки и, получив свободу, расправляет мускулы. Он плясал и пел, потряхивая кошельком. Какое-то странное зрелище, напоминавшее создания фантазии живописцев и поэтов туманной Германии, представляла и эта пляска, и раскаты дикого смеха и безумной радости рыжеволосого гиганта с всклокоченной бородой, скачущего в пещере при резком шуме реки, разбивающейся об утесы, и непрерывном блеске молнии, освещавшей

щающей зловещим светом это пустынное место. У Гонтрана закружилась голова: ему показалось, что он присутствует при представлении какой-нибудь мрачной немецкой баллады.

Вдруг среди деревьев, росших в верховье реки, в ту минуту, когда прекратился раскат грома, раздался шум... Безумный остановился и начал прислушиваться, вытянув шею, как что-то почуявшая охотничья собака. Раздался продолжительный лай у деревьев, росших у самой воды, а вслед за тем стук копыт. Ночь была темная, но быстро следовавшие одна за другой вспышки молнии позволили де Ласи различить амазонку, выехавшую из-за деревьев в том месте, где он сам выехал к реке, и остановившуюся у берега, заметив, что река внезапно вздулась. Две большие собаки бежали за ней и снова залаяли.

– Это она, это она! – закричал сумасшедший.

Амазонка уже продолжала путь, пустив лошадь вброд... Гонтран и Нику вскрикнули от ужаса. Этот крик не долетел, однако, до княжны; лошадь ее погрузилась в воду и отважно поплыла, но течение было так быстро, что посредине Ионны лошадь заржала от боли и начала тонуть.

Тогда и амазонка пронзительно вскрикнула, и этот крик донесся до маркиза де Ласи и Нику, ответившего на него диким восклицанием, и, прежде чем Гонтран мог подумать, как подать помощь амазонке, Нику уже бросился с вершины скалы в реку и через несколько мгновений был на середине Ионны, где ухватился за ствол ивы, к которому обыкновенно причаливали рыболовы и пловцы. Нику ждал с минуту... он ждал, когда лошадь, увлекаемая течением, снова покажется на поверхности воды... Гонтран при свете молнии, немой, неподвижный, затаив дыхание, слушал отчаянные крики молодой женщины, смешивавшиеся с ревом бури и шумом бушующих волн. Он с ужасом смотрел, как идиот подстерегает лошадь и амазонку, подобно хищной птице, поджидающей свою добычу. Затем молния осветила еще раз эту картину, и все исчезло, потонув во мраке. Сердце у де Ласи стучало, и он с беспокойством ждал новой вспышки молнии.

Вдруг среди мрака он услышал крик, пронзительный, полный дикого торжества, и молния снова блеснула...

Тогда Гонтран увидел безумного, ухватившегося одной рукой за ствол ивы, а другой обхватившего амазонку и вытащившего ее из седла; лошадь продолжала плыть по течению; мрак снова все окутал. Де Ласи более ничего не слышал и не видел в продолжение десяти секунд, которые показались ему целую вечностью, и только когда молния снова озарила все, он увидел безумного, взвалившего амазонку себе на плечи; поддерживая ее одной рукой, он быстро и сильно греб другою, плывя наперерез течению, увлекшему лошадь.

Де Ласи затаил дыхание. Нику плыл, испуская радостные крики, и скоро очутился у берега; он с ловкостью кошки взобрался на скалы, где положил полумертвую амазонку на кучу вереска, которым был покрыт весь грот.

Она заметила Гонтрана, а Гонтран при блеске зловещего огня, сверкавшего с неба и беспрестанно нарушавшего тьму, рассмотрел ее с одного взгляда. Женщина, спасенная идиотом от верной смерти, была молодая девушка, одно из тех белокурых созданий, которыми грезят германские поэты. Высокая, стройная, ослепительно прекрасная, она заставила вздрогнуть Гонтрана, который никогда не видел существа более совершенного и идеального. Ей можно было дать лет девятнадцать, пожалуй, двадцать, и, что случается очень редко, у нее были большие черные глаза при белокуро-пепельных волосах, а губы красные, как у смуглых дочерей юга.

Де Ласи показалось, что он грезит, и он спросил себя, уж не речная ли богиня лежит у его ног. Но, к счастью, земная одежда женщины вывела его из заблуждения; на ней была надета элегантная темно-зеленая амазонка с небольшим вырезом на груди, из-под которого виднелась шемизетка из дорогих кружев.

Сумасшедший наклонился над ней и пожирал ее глазами. Гонтран заметил, как амазонка вздрогнула, но не при мысли об избегнутой ею опасности, а как будто ей грозила еще большая

опасность, и с мольбою взглянула на Гонтрана, точно просила его о помощи, потому что ужас леденил ее и парализовал ее тело.

Все это случилось так быстро, что маркиз де Ласи, ослепленный этой дивной красотой, не успел произнести ни слова, ни сделать движения, чтобы успокоить амазонку. Идиот, не обращавший уже внимания на Гонтрана, как будто он более не существовал, обхватил руками дрожавшую и растерявшуюся женщину и одним прыжком выскочил из грота, крича:

– Теперь она моя... моя! У меня есть сто экю! Княжна моя... я хочу жениться на ней!

Глухой крик вылетел из судорожно сжатого горла молодой девушки. Безумец пустился бежать, унося ее на своих сильных руках и радостно крича. Де Ласи бросился за ним.

– Стой, негодяй! – кричал он, – стой! стой!

Но сумасшедший бежал со страшной быстротой вдоль берега по самому краю утесов. Однако опасность, угрожавшая амазонке, удвоила силы Гонтрана, и в несколько минут он нагнал похитителя и схватил его за руку.

– Она моя! – бормотал Нику, – у меня есть сто экю! Молодая девушка билась в руках гиганта и кричала Гонтрану:

– Спасите меня, спасите от негодного безумца!

В то время, когда маркиз де Ласи служил в военной службе, он считался одним из самых сильных офицеров, несмотря на средний рост и хрупкое сложение. Хотя идиот был головою выше его и с первого взгляда казалось, что его противник не в силах будет отнять у него добычу, Нику, получив сильный удар по голове, выпустил из рук молодую девушку, которая, к счастью, не растерялась и отбежала на несколько шагов в сторону. Тогда оба противника взглядом сместили друг друга. Гнев и страсть увеличивали и без того гигантскую силу идиота, и он бросился на Гонтрана с яростью дикого зверя.

– Она моя! – рычал он. – Она моя!

Гонтран избежал удара, прыгнув в сторону, как тигр; гигант, бросившись на него и обвив его, как змея, старался повалить. Завязалась страшная борьба, где хладнокровие и ловкость берут верх над животной силой, – борьба на вершине утеса, над клокочущей рекой, при шуме урагана, свете молнии и под проливным дождем, от которого земля, где бились борцы, сделалась скользкой.

Амазонка, похолодевшая от ужаса, не могла ни крикнуть, ни убежать; она присутствовала при поединке, забывая об опасности, которая грозила ей, если бы идиот победил; она думала только о своем спасителе, которого обхватили сильные руки противника. Амазонка упала на колени и горячо молилась за него... Сколько времени длилась борьба? Целую вечность для молодой девушки, единственной свидетельницы поединка; но на самом деле всего несколько минут. Ловкость и хладнокровие победили: Гонтран увлек своего противника на край утеса и толкнул его вниз в реку, протекавшую в этом месте на глубине тридцати футов. Нику вскрикнул и исчез в волнах, потом снова появился среди реки, яростно борясь с течением, уносящим его. – Он вернется... он вернется, – в ужасе шептала молодая девушка. – О, не бойтесь ничего, – успокаивал ее Гонтран.

И взяв ее на руки, он побежал в грот, где усадил ее на сухой вереск, закутав в свой плащ. Затем Гонтран подошел к лошади, все еще стоявшей в гроте, вытащил из седла пистолеты, зарядил их и, сев рядом с молодой девушкой, сказал:

– Теперь у меня есть, чем встретить его.

– О, не убивайте его! – вскричала она с испугом и состраданием.

– Это будет зависеть не от меня, – ответил де Ласи. Сумасшедший, переплыв реку, взобрался на скалы и очутился в двадцати шагах от грота. Холодная вода успокоила его страсть; он заметил, что во время борьбы платье его разорвалось, и он потерял кошелек. У него быстро наступила реакция. Обладая сотней экю, которые в своем безумии он считал необходимой и достаточной суммой для того, чтобы жениться на мнимой княжне, он снова почувствовал себя

недостойным ее, заметив, что потерял кошелек. Еще за минуту перед этим Нику, чувствовавший в себе такую силу, которой ничто не могло противиться, вследствие резкой перемены, какие нередко бывают у безумных, внезапно счел себя бессильным и беззащитным и заплакал, как ребенок, бормоча:

– Я потерял свое сокровище, я потерял его...

Он на коленях дополз до входа в пещеру, плача и рыдая. Гонтран, приготовившийся уже защищать себя и молодую девушку, понял, что бедный сумасшедший не опасен.

Между тем тот шептал, рыдая:

– Придется снова начать собирать милостыню... и собирать долго-долго для того, чтобы жениться на княжне... о, Боже мой, Боже мой!

– Бедняга! – с состраданием сказала молодая девушка.

– Прощайте... – крикнул идиот. – Прощайте, любите меня вечно...

И он с грустью поплелся, то плача, то заливаясь безумным хохотом, вверх по течению реки. Потом он бросился в реку и переплыл на другой берег, где скоро Гонтран увидел, как он исчез в лесной чаще.

Тогда маркиз и молодая девушка молча переглянулись и, свободно вздохнув, почувствовали, как сердца их забились под наплывом нового, незнакомого им чувства.

XXI

Человек лет двадцати семи-девяти, будь у него сердце свободно или нет, не может остаться равнодушным к молодой красивой девушке, какова была амазонка, спасенная от неминуемой опасности Гонтраном, сидя с ней ночью, в грозу, в уединенном месте.

Гонтран, уезжая из Парижа, все еще любил Леону, но на пепле потухающей любви легко могла вспыхнуть новая, хотя, спасая амазонку от дикой ярости идиота и оказывая ей помощь, он, может быть, только повиновался благородному порыву рыцарской натуры; но, вероятно, удивительная красота молодой девушки, которую он заметил при мгновенной встрече, удвоила его силы и помогла ему победить безумца. Впрочем, в неизвестности так много очарования. А разве не была этой неизвестностью для него молодая девушка, о существовании которой он узнал лишь из бессвязных речей сумасшедшего и которую он увидел переезжавшей реку на лошади в сопровождении двух собак, как героиню Вальтера Скотта, а затем спас от бесчестия, точно так же, как безумный спас ее от смерти, и имени которой он совершенно не знал, да и видел ее в первый и, быть может, в последний раз.

Что касается молодой девушки, то она, подобно всем женщинам, была поражена и увлечена силой и храбростью Гонтрана, прелестью бури, тайной поэзии, набросившей непроницаемое покрывало на все события этой ночи.

К тому же маркиз де Ласи обладал энергичной и гордой красотой, обнаруживавшей его аристократическое происхождение.

Молодые люди молча прислушивались к последним раскатам грома, начинавшего затихать, к плеску реки и к монотонному шуму дождя, крупными каплями падавшего на утес. Гонтран первый прервал молчание.

– Сударыня, – сказал он слегка дрожащим голосом, – я благодарю Провидение за то, что оно дало мне возможность оказать вам помощь.

– Ах! Я никогда не могла вообразить, что он может быть таким дерзким, – вздрогнув, сказала амазонка.

– Но как вы решились поехать в такой час и в такую погоду?..

– Вы не можете объяснить себе, – перебила его молодая девушка, улыбнувшись, – моего присутствия в лесу среди ночи?

И как бы боясь, чтобы Гонтран не усомнился в ее общественном положении, молодая девушка, покраснев, прибавила:

– Я живу с отцом в замке, в двух лье отсюда, в верховье Ионны, на другом берегу; на этой стороне, к югу, на опушке леса, откуда вы видели, как я выехала, находится замок тетки, к которой я ездила сегодня утром. В нашей стороне, по всей вероятности, вы, милостивый государь, не бывали...

– Совершенно верно.

– В нашей стороне, – продолжала она, – дороги безопасны во всякую пору дня, и барон, мой отец, не видит препятствий отпускать меня одну верхом в сопровождении моих борзых собак из Порты в Бегю – имение моей тетки. Бедное животное, погибшее сегодня в Ионне, было хорошей лошастью, лимузинской породы, пробежавшей в два часа семь лье, отделявших наш замок от жилища тетки. Утром отец поехал с соседями на охоту и разрешил мне провести весь день в Бепо. Вчера ночью шел сильный дождь, однако реку можно было перейти вброд; перебравшись через нее, я встретила идиота, которому подавала милостыню.

– Я уже знаю это, он рассказал мне дорогой, – сказал, улыбаясь, Гонтран.

– Да? – с удивлением спросила амазонка и продолжала свой рассказ. – Сегодня я обещала отцу, несмотря на дождь, вернуться домой вечером и на просьбы тетки остаться ответила, что уеду, хотя и собирается гроза. Я не трусиха, – прибавила девушка с оттенком храбрости,

которая как нельзя более шла к ней и привела в восторг Гонтрана, – и не неженка: я не боюсь ни грозы, ни привидений. Остальное вам известно.

– Сударыня, – сказал маркиз, очарованный свежим, молодым голосом девушки, – не считите меня нескромным, если я предложу вам еще один вопрос.

– Спрашивайте...

– Этот сумасшедший, этот идиот...

– А! Понимаю, – вздрогнув, сказала она, – вы хотите знать, отчего он сошел с ума?

– Признаюсь, это меня чрезвычайно интересует.

– Нику, – продолжала молодая девушка, – сошел с ума от любви ко мне. О, – прибавила она с грустью, я очень несчастна, и если бы могла исцелить его...

Гонтран услышал вздох молодой девушки, которая, быть может, в темноте отерла скатившуюся слезу.

– Он был бедный крестьянин и вернулся домой, выслужив срок службы. Отец его долго был фермером у моего отца. В молодости Нику был браконьером и считался хорошим охотником. Мой отец взял его в замок, и мы никак не могли догадаться о странной любви, которую он питал ко мне. Эта любовь, которую из уважения он глубоко затаил в своем сердце, росла незаметно. Однажды мой отец охотился в лесу, который вы видите на той стороне реки. Дикий кабан бросился в воду. Я тоже была на охоте. Моя лошадь, вслед за собаками, бросилась за кабаном, и я первая настигла его. Кабан, защищаясь отчаянно, ударил клыком мою лошадь и опрокинул ее. Я непременно бы погибла, если бы на помощь мне не подоспел Нику. Он убил кабана наповал и этим спас меня. Взяв меня к себе на плечи, он снова перешел реку, причем вода доходила ему до пояса. Испуг за меня уложил его в постель, с ним сделалась сильная горячка, и все думали, что он умрет. Но благодаря тщательному уходу он выздоровел, зато лишился рассудка. После этого он вообразил себя дворянином, в отца моего князем. Однажды утром, во время завтрака, он вошел в столовую, подошел к отцу и сказал ему: «Монсиньор, я явился к вам в качестве простого пса, и вы приняли меня за человека низкого происхождения, но на самом деле я принц».

Мы расхохотались, а он продолжал спокойно.

«Я принц, которого лишили наследства, но я надеюсь со временем вернуть его. Я люблю вашу дочь, и если вы хотите отдать ее за меня...»

«Отлично, принц, – ответил отец, прекрасно понимая, что бедный малый сошел с ума, – когда вы разбогатеете... тогда мы посмотрим...»

С тех пор бедный сумасшедший ходит в Кламеси и в Оксер собирать милостыню, вообразив, что сто экю – огромная сумма и что, собрав их, он может жениться на мне.

Пока молодая девушка рассказывала эту странную историю, ночь миновала и гроза утихла.

– Сударыня, – сказал Гонтран, – дождь перестал; лошадь моя к вашим услугам, и вы можете вернуться к вашей тетке или переправиться через реку; вы позволите мне быть вашим кавалером до конца?

– Хорошо, – ответила, слегка колеблясь, молодая девушка, – но с условием...

– Приказывайте.

– Вы проводите меня до моего замка Порта, где отец лично поблагодарит вас. Но вы, может быть, спешите?

– Я еду в Сен-Пьер, – ответил Гонтран. – В Кламеси, куда я приехал в почтовой карете, я просил указать мне проводника, но мне могли дать только этого идиота.

– А! Теперь я понимаю, каким образом вы очутились здесь, – заметила с улыбкой молодая девушка.

– Но мне все равно, приеду я туда немного раньше или позже, – ответил Гонтран.

– Если бы река не вздулась, так ее можно было бы перейти вброд в обычном месте, – сказала амазонка, – то мы проехали бы мимо Сен-Пьера, который лежит по дороге в Порт; но теперь нам придется проехать целую милю вдоль берега до моста. Наконец, – с улыбкою прибавила она, – от Порта до Сен-Пьера только полмили, и вы можете отправиться туда после завтрака в замке, который вы будете столь любезны разделить с нами.

– Согласен, – ответил Гонтран, очарованный болтовней молодой девушки.

Сильный северный ветер, поднявшийся после дождя, разогнал тучи, и вскоре молодые люди увидели уголок голубого неба и луну, осветившую оба берега реки своим фосфорическим блеском.

Глаза Гонтрана снова искали прелестное лицо его спутницы, и он взглянул на нее. Она была хороша, как ангел, а мечтательная улыбка, скользнувшая по ее губам, сменила выражение страха, которое омрачало ее лицо в ту минуту, когда Гонтран увидел ее в первый раз.

Подобно древнему рыцарю, он подставил ей колено, которого она слегка коснулась, проворно вскочив на седло.

– Диана и Юпитер, – сказала она про своих борзых, – счастливее бедного Вулкана: они переплыли реку и теперь уже в замке; конечно, – прибавила она с беспокойством, – они произведут тревогу. Бедный отец вообразит, что я утонула.

– В таком случае поспешим успокоить его, – сказал Гонтран.

Он взял лошадь под уздцы и пошел рядом с молодой наездницей, указывавшей ему дорогу.

Маркиз де Ласи совершил приятное двухчасовое путешествие в обществе прелестного создания, щебетавшего, как птичка, и блиставшего таким остроумием, что невозможно было не догадаться, что она получила воспитание в Париже и проводила в деревне только осень.

Менее чем через час небо совершенно прояснилось; разносивший благоухание вереска ветерок слегка колебал верхушки деревьев, сбивая с них капли дождя; ночь была теплая, точно летом, хотя был только конец апреля. Де Ласи забыл весь мир: никогда он не был так счастлив.

Амазонка выказала замечательную тактичность, не задав де Ласи ни одного нескромного вопроса, которые характеризуют любопытство и мелочность провинциалок. Хотя Сен-Пьер, куда он ехал, находился всего в пол-лье от замка и там жили одни только крестьяне, она не сочла удобным спросить его о цели его путешествия, – вопрос, который не замедлила бы задать провинциалка. Она даже намеренно умолчала об имени своего отца. Таким образом, в течение двух часов Гонтран и молодая девушка разговаривали только о Париже, о последних балах, концертах, словом, предались обыкновенной парижской болтовне. Начало светать, когда они переезжали ионнский мост. – Вот и Порт, – сказала молодая девушка, указывая рукою на север.

Маркиз, пораженный восторгом, остановился при входе в равнину, среди которой возвышался прекрасный феодальный замок, недавно реставрированный.

Хотя в Ниверне перестали заниматься виноделием, однако долина, о которой мы говорим, была окружена двумя цепями холмов; на их вершинах раскинут был громадный лес и росли виноградные лозы, ветви которых склонялись под тяжестью гроздей желтого и зеленого винограда. Две прекрасные деревни возвышались одна против другой по обоим берегам Ионны, голубой лентой извивавшейся по равнине. Парк в тридцать десятин окружал замок, черепичные крыши которого виднелись из-за листвы вязов и столетних дубов.

– Вот и Сен-Пьер, – сказала амазонка, указывая на маленькую красивую деревеньку, раскинувшуюся на самом берегу реки.

– А-а! – рассеянно протянул Гонтран.

– Смотрите, кто-то выехал верхом из ворот замка и едет нам навстречу, – сказала молодая девушка улыбаясь, в то время как маркиз де Ласи с восторгом любовался ею. – Это шевалье. Мой отец, наверное, послал его в Бегю узнать, что случилось со мною.

Гонтран вздрогнул при слове «шевалье» и с любопытством начал всматриваться в приближавшегося всадника, галопом направившегося к ним. Де Ласи почувствовал, как застучало его сердце, готовое разорваться, и кровь застыла в его жилах; он узнал шевалье д'Асти, главного помощника главы общества «Друзей шпаги». Шевалье вскрикнул от удивления, увидав Гонтрана, сопровождавшего амазонку.

– Это более чем странно! – пробормотал он.

– Шевалье!..

– Маркиз!

– Как, вы знакомы? – спросила, улыбаясь, амазонка.

– Мы даже друзья, – ответил шевалье, на лице которого мелькнула дьявольская радость.

– Отлично! – воскликнула молодая девушка. – В таком случае поблагодарите маркиза за услугу, которую он оказал мне. Без его помощи я бы погибла.

– Кузина, – сказал шевалье, не обращая внимания на слова молодой девушки, – позвольте мне представить вам моего друга маркиза Гонтрана де Ласи.

– Как! – вскричала амазонка. – Так это его мы ждали все время?

Заметив, что удивление Гонтрана достигло крайних пределов, шевалье пояснил:

– Дорогой друг, зная твою застенчивость и то, что в продолжение двух или трех лет ты совершенно удалился от света, Бог весть почему, я был уверен, что если бы я тебе прямо написал, что жду тебя в доме дяди, барона де Пон, чтобы поохотиться вместе в течение двух недель, то ты наверняка отказал бы мне. Поэтому я предпочел, дорогой друг, написать тебе, что живу совершенно один в Сен-Пьере, надеясь, что ты примешь мое приглашение и мне удастся победить твое упрямство.

– Оно побеждено, – любезно ответил маркиз, кланяясь молодой девушке.

Амазонка сошла с лошади, взяла под руку кузена и принялась рассказывать ему свое трагическое ночное приключение. Гонтран следовал за ними в нескольких шагах, сумрачный и задумчивый, так как вспомнил, что шевалье д'Асти любил свою кузину, мадемуазель де Пон, и догадывался, что общество назначило ему самую гнусную роль в огромной драме, которую оно намеревалось разыграть.

XXII

Барон де Пон, с которым мы вскоре познакомимся ближе, лег спать, уверенный, что его дочь осталась в Бегю у виконтессы д'Оази, его сестры; он попросил шевалье д'Асти поехать на рассвете навстречу кузине. Когда шевалье, мадемуазель де Пон и Гонтран пришли в замок, барон еще спал, утомленный после продолжительной охоты. Дочь его, не желая будить отца, прошла в свою комнату, оставив шевалье с Гонтраном де Ласи. Д'Асти взял маркиза под руку и увел его в парк.

– Прошу извинить меня, дорогой мой, – сказал он ему, – что я говорил с вами так в присутствии кузины; но мне было необходимо, чтобы она поверила в наши дружеские отношения и этим объяснила ваш приезд сюда.

– Положим, – пробормотал маркиз, – этот приезд очень странен; но вы объясните мне его цель?..

– Будьте покойны.

– Полковник приказал мне, – при этих словах де Ласи иронически улыбнулся, – ехать сюда.

– Тс! – остановил его шевалье. – Вы увидите, что то, чего наше общество требует от вас, легко исполнить.

Д'Асти предложил Гонтрану сигару и сел на скамейку. В этом месте никто не мог подслушать их.

– Друг мой, – сказал шевалье, – прежде всего позвольте мне сделать вам... как бы лучше выразиться?.. маленькое нравоучение, чисто практическое... если позволите.

Гонтран с удивлением взглянул на шевалье. Последний уселся поудобнее и улыбнулся.

– Сколько вам лет? – спросил д'Асти.

– Двадцать восемь, шевалье.

– Это самый лучший возраст.

– Что вы хотите этим сказать?

Шевалье смахнул пепел с сигары и продолжал.

– Слушайте: мы живем в том веке, когда все совершается быстро. Наши отцы были еще юны в пятьдесят лет, а мы изнашиваемся уже к сорока. Чтобы «жить», то есть, чтобы наслаждаться жизнью, нужно быть богатым в тридцать лет, пресыщенным в тридцать пять, эгоистом к сорока. Жизнь состоит из факта и нескольких громких слов. Громкие слова выступают вперед и маскируют факт, подобно тому, как во время осады инженерные работы маскируют артиллерийскую батарею, которая несет с собою смерть. Громкие слова, друг мой, это: чело-веколюбие, семья, общество, дружба, рыцарство, самоотвержение, долг, патриотизм; факт – это эгоизм. Эгоизм, друг мой, – это философский камень искателей золота, гений искателей славы, славы людей, гоняющихся за гением, благородство мещанина и мещанство дворянина.

Гонтран с удивлением посмотрел на шевалье.

– Часто, – продолжал последний, – расчет лежит в основании великодушного поступка, и этот расчет можно сравнить со слитком золота, толщина которого видоизменяется сообразно аппетиту выкладчика. Итак, эгоист – повелитель, владыка, издавший тиран нашего мира; его душа, жизнь, цель и импульс – деньги! Человек не эгоист – это большое дитя, кандидат дома сумасшедших или лунатик; эгоист, не составивший себе состояния, – дурак, которого я уподобляю нечетному числу в гигантском правиле сложения человечества; эгоист, ставший богачом, – это сильный человек; сильный человек имеет право быть великодушным и, когда нужно, преданным, даже добрым, если захочет, добродетельным и незлобивым, подобно тому, как разбогатевший жокей может ездить верхом уже ради собственного удовольствия.

Гонтран слушал шевалье с любопытством человека, в первый раз слушающего речь на незнакомом ему языке.

– Сердце, мой милый друг, фальшивая монета из низкопробного серебра. Сначала подумаем о себе, а там увидим. Итак, дорогой маркиз, вам не по вкусу та работа, которую поручает вам наше общество.

Гонтран жестом остановил своего собеседника и сказал ему голосом, в котором звучала грусть:

– Значит, вы не сожалеете, что дали клятву, связавшую нас друг с другом?

– Нисколько. Вы забываете, друг мой, что я разорен, что я хочу жениться на богатой наследнице и вновь позолотить герб шевалье д'Асти.

– Что касается меня, то я принял ужасное предложение полковника только потому, что безумно любил Леону, – сказал Гонтран. – Теперь я ее ненавижу.

– Вы забыли, мой дорогой, что ваш дядя вздумал лишить вас наследства, и только благодаря нам...

– Положим; но это дорого обошлось мне. И подчас у меня не хватает сил.

Шевалье пожал плечами.

– Маркиз, – сказал он, – при вашем имени и общественном положении, в ваш возраст иметь двадцать тысяч ливров годового дохода – ничто! Когда наше общество даст вам сто тысяч, дело будет иное.

Гонтран задумался и ничего не ответил.

– Я снова вернусь к моей теории, – продолжал д'Асти. – Когда идешь по дороге, то не имеешь права останавливаться там и сям, поворачивать голову направо и налево. Нужно идти прямо к цели. Первые шаги, может быть, и трудны, но приходится терпеть. После третьего данного вам поручения вы будете веселы и поднимете голову высоко.

– Сколько вам лет? – спросил в свою очередь Гонтран.

– Тридцать пять, я старик в сравнении с вами. Гонтран вздрогнул, заметив улыбку на лице этого бессердечного человека.

– Скажете ли вы мне, наконец, что я должен исполнить здесь? – спросил он. – Полковник дал мне слово, что не будет и речи о дуэли.

– Он прав.

Гонтран вздрогнул, заметив на губах шевалье злую улыбку, какая бывает у людей, не останавливающихся ни перед чем.

– Как вы находите мою кузину, дорогой маркиз?

– Она очаровательна! – прошептал Гонтран.

– Отлично, в таком случае ваша работа будет легка.

– Что вы хотите сказать?

– Слышали вы что-нибудь о маркизе де Флар-Монгори?

– Приемном отце Эммануэля Шаламбеля?

– Так точно.

– Родственник несчастного генерала де Рювины? При этом имени лицо Гонтрана сделалось печально.

– Да.

– К чему вы задали мне этот вопрос?

– Потому что маркиз Монгори просил руки моей кузины Маргариты де Пон.

Гонтран вздрогнул, и вся кровь прилила у него к сердцу.

– Мой дядя, барон де Пон, согласился. Гонтран побледнел.

– Если этот брак состоится, – холодно заметил шевалье, – Эммануэль лишится наследства и никогда не будет носить благородного имени де Флар-Монгори.

– Что же дальше? – спросил с беспокойством Гонтран.

– Общество рассчитывает на вас. Вы должны увлечь Маргариту, очаровать ее, похитить, если понадобится...

Гонтран вздрогнул, сильно взволнованный.

– Что прикажете, друг мой? – продолжал шевалье д'Асти печально. – Я уже давно люблю кузину, но она не любит меня, да и дядя и слышать не хочет, чтобы я был его зятем.

– Значит, я должен сделаться им? – спросил де Ласи.

– Ах, друг мой, вы слишком спешите. Сначала постарайтесь, чтобы вас полюбили...

Адская улыбка мелькнула на губах шевалье. Де Ласи вздрогнул, заметив эту улыбку, как будто холодное острие неаполитанского стилета пронзило его сердце.

XXIII

Читатель разрешит нам, без сомнения, прежде, чем продолжать наш рассказ, сделать небольшое отступление, чтобы объяснить, каким образом шевалье д'Асти очутился в замке Порт.

С самой высокой из башен этого замка наблюдатель мог разглядеть в противоположном конце равнины мрачное здание, прислонившееся к утесу, нависшему над рекой, сжатой в этом месте скалистыми гранитными берегами; вся местность носила мрачный и строгий характер в противоположность кокетливому, веселому Порту.

Это здание было замок Монгори, старинное жилище феодалов, построенное еще во времена Крестовых походов; подобно орлиному гнезду, оно повисло одним крылом в воздухе, с своими массивными зубчатыми башнями и стрельчатыми, в готическом стиле окнами с разноцветными стеклами. Монгори с презрением отказался от переделки на новый стиль, чему охотно подвергся Порт, и остался прежним мрачным обиталищем первых баронов.

Однако внутренность замка изменялась много раз: меняли мебель и обивку стен. Гордый род Фларов, разделившийся на две ветви – Монгори и Рювиньи, – не любил современной роскоши и всегда отставал на два века от новой монархической эры. Флары являлись ко двору Генриха IV в полукафтанах и шляпах с перьями времен Франциска I, а в царствование Людовика XIV их видели в Версале в бриджах и узких кафтанах, какие носили при Генрихе IV. Флары – поколение воинов, привыкших жить в палатках, – являлись в свой замок единственно для того, чтобы выдержать там осаду, а не для того, чтобы заменить выцветшую и потертую обивку новой.

Последний маркиз Флар-Монгори, подобно своим предкам, отстал на два века не только в costume, хотя он все еще носил узкие панталоны и пудрил волосы, но и во взглядах. Монгори, бывший конюшим при его королевском высочестве принце Конде в то время, когда тот эмигрировал, и адъютантом при командующем войсками в царствование Людовика XVIII и Карла X, вернувшись в свой замок в Нивернэ после двадцатипятилетнего отсутствия, удовольствовался тем, что подновил герб над воротами и башни и вступил во владение своими землями в полном феодальном значении этого слова; затем он вскоре вернулся в Париж, куда его призывала служба при короле.

ОТЕЛЬ Фларов в Париже находился на улице Мадемуазель и представлял собою здание столь же мрачное, как и Монгори. Архитектура, стиль мебели, даже обои напоминали эпоху Людовика XIV. В отеле все оставалось нетронутым, как и в замке.

Де Монгори был холост; несчастная любовь в ранней юности поселила в нем отвращение к браку, и обязанность продолжить свой род он возложил на ветвь Рювиньи. Во время июльской революции де Монгори удалился в Нивернэ и с тех пор проводил там весь год, в чем ему подражал его сосед барон де Пон, соглашавшийся уезжать в Париж в половине декабря с тем только, чтобы возвратиться в Порт в половине апреля.

Де Пон был вдов, и все свои привязанности сосредоточил на своих двух детях: на сыне, юнкере флота, и на дочери Маргарите-Арман де Пон, прелестной девятнадцатилетней девушке ослепительной красоты, которой увлекся кузен ее, шевалье д'Асти.

Маркиз Флар-Монгори находился в Нивернэ, когда к нему приехал полковник Леон. Маркиз с нетерпением ждал вестей о своем приемном сыне Эммануэле Шаламбеле.

Откуда проистекала эта привязанность, почти отеческая, к молодому адвокату и каким образом маркиз де Флар-Монгори при своих аристократических взглядах мог сделать завешание в его пользу, лишив таким образом наследства младшую линию их дома? На это никто не мог бы ответить ни в Поне, ни в Нивернэ.

Эммануэль был незнатного рода, но рассказывали, что его отец оказал какую-то важную услугу маркизу во времена Революции.

Злые языки утверждали, что маркиз был близко знаком с госпожой Шаламбель, матерью молодого человека, слывшей в молодости красавицей, и потому любовь маркиза к его приемному сыну казалась естественной. Но мало-помалу эти слухи заглохли и наверное было известно только то, что за исключением замка Монгори, колыбели рода Фларов, который должен был вернуться во владение младшей линии, все состояние маркиза должно было перейти к Эммануэлю.

Обязанности по отношению к свету и адвокатская деятельность удерживали молодого человека в Париже, и он редко приезжал к своему приемному отцу, да и то оставался лишь всего несколько дней в старом замке. В его отсутствие Монгори с нетерпением ждал от него писем.

Однажды утром, часов в восемь или девять, маркиз Флар-Монгори в охотничьих ботфортах и с рогом в руке спустился на двор замка, где его ждала его свора.

Монгори был хорошо сохранившийся старик лет шестидесяти пяти; по его красивой и гордой осанке нетрудно было угадать, что в его жилах течет кровь благородного рода, последним отпрыском которого был маркиз.

Маркиз был высокого роста, плотный, широкоплечий старик, хотя несколько тучный, каковыми историки изображали большинство средневековых дворян, проводивших жизнь в усиленных телесных упражнениях.

Де Монгори, несмотря на преклонный возраст, обладал исполинской силой, и немногие из молодых людей могли бы, подобно ему, проводить целые дни верхом на лошади и охотиться с утра до вечера.

Маркиз де Монгори стриг под гребенку свои густые седые волосы; его совершенно белая и довольно длинная борода обрамляла одно из самых благородных, благодушных и величественных лиц, какое только можно себе вообразить.

Орлиный нос, широкий лоб, гордый и кроткий взгляд – все обличало в нем франкское происхождение, прямого потомка победителей Галлии, без примеси крови побежденных. Де Монгори, в середине девятнадцатого века представлял собою вполне сохранившийся тип франка времен Фарамона и Хлодвиги.

Маркиз приветливо ответил на почтительный поклон слуг, подошел к лошади и, прежде чем вскочить в седло, потрепал по шее благородное животное.

– Здравствуй, Аттила, здравствуй... – сказал он с улыбкой в то время, как лошадь смотрела на него своими Умными и гордыми глазами.

В это время послышался шум, и Монгори, повернув голову к воротам, увидел всадника, покрытого пылью; лошадь его, забрызганная грязью по самое брюхо, была вся в пене и, по видимому, совершила длинный путь.

– Д'Асти! – вскричал маркиз, подходя к шевалье, так как это был он, тотчас же узнав племянника своего старого друга де Пона.

– Я самый, маркиз, – ответил всадник, соскакивая с лошади.

Шевалье д'Асти, которого маркиз знал еще ребенком и которому говорил «ты», был так грустен, что маркизу это тотчас бросилось в глаза.

– Боже мой, шевалье, – сказал он ему, – что с тобою и откуда ты приехал? Можно подумать, что ты проскакал двадцать пять лье.

– Тридцать со вчерашнего вечера, – ответил д'Асти.

– Откуда ты?

– Из Марселя; я приехал нарочно, чтобы увидеться с вами.

Де Монгори вздрогнул; он вообразил, что шевалье приехал сообщить ему какую-нибудь неприятную весть о его приемном сыне.

– Что с Эммануэлем? – спросил он.

– Я оставил его в Париже две недели назад, он был совершенно здоров.

Маркиз вздохнул с облегчением.

– Мне нужно, – продолжал шевалье, – поговорить с вами наедине.

Лицо шевалье было грустно и торжественно. Де Монгори был поражен этим и, взяв под руку шевалье, направился с ним к большой мраморной лестнице с железными перилами, которая вела в замок; потом он поднялся в первый этаж и, открыв дверь, прошел целую анфиладу огромных зал, старинных и печальных, сохранивших на себе следы прошлых веков.

Наконец он ввел его в кабинет, большую комнату, отделанную гобеленами, стены которой были увешаны оружием и охотничьими принадлежностями, а мебель из черного дуба была сделана еще во времена Реставрации; посреди комнаты, на возвышении, стояла кровать с точеными колонками и саржевыми занавесями и украшенными гербами спинками – последние остатки того века, когда все принимало гомерические размеры.

Налой, ступеньки которого были покрыты брокаром, стоял между двух окон под венецианским зеркалом, а Часослов с раскрашенными гравюрами, лежавший открытым на пюпитре, свидетельствовал, что Монгори, как ревностный и усердный христианин, молился утром и вечером.

Маркиз сел в широкое кресло с золочеными гвоздиками и, указав шевалье на стул, ждал молча, чтобы последний объяснил ему причину своего приезда.

– Маркиз, – начал шевалье, – я уехал из Парижа две недели назад, чтобы отправиться в Италию. Я приехал в Марсель, и судьбе угодно было, чтобы я остановился как раз в том же отеле, где остановился и генерал барон Флар де Рювиньи, ваш двоюродный брат.

При этом имени маркиз вздрогнул, лицо его приняло недовольное выражение, и он презрительно улыбнулся.

– Я не думаю, шевалье, – возразил он, – чтобы мой уважаемый кузен де Рювиньи дал тебе какое-нибудь поручение ко мне. Июльская революция разъединила нас навсегда; между нами легла пропасть.

– Извините, – перебил его грустно шевалье, – быть может, это и так, но неужели ли, маркиз, выслушать меня до конца...

– Говори, – сказал маркиз, насвистывая какой-то мотив.

– Генерал вернулся из Африки, – продолжал шевалье, – мы пожали друг другу руки и вместе пообедали; я был разбит от усталости и намерен был лечь рано. Генерал, который был чем-то озабочен, наоборот, захотел пройтись. После часовой прогулки он отправился в Большой театр. Три часа спустя он вернулся, вошел в мою комнату и разбудил меня.

Шевалье остановился и посмотрел на маркиза де Монгори. Тот слушал его внимательно и с любопытством и жестом просил его продолжать рассказ.

– Генерал был бледен, лицо его судорожно подергивалось, глаза горели негодованием; вид его испугал меня.

– Боже мой, – спросил я его, – что с вами?

– Меня, – сказал он, – оскорбили в том, что у меня есть самого дорогого, и оскорбили так грубо, что я должен убить этого человека. «Как его зовут?» – спросил я. Он показал мне визитную карточку, и я прочел: «Капитан Ламбер». Это имя было мне совершенно незнакомо. Я хотел спросить генерала, но он остановил меня. – Одному Богу пусть будут известны те гнусные слова, которыми этот человек оскорбил мою честь. Я дерусь с ним завтра, на рассвете, и вы будете моим секундантом.

Шевалье опять остановился. Де Монгори слушал, и сердце его тревожно забилося. Однако у этого человека так велика была гордость своим родом, что он никак не мог допустить, чтобы один из Фларов погиб на дуэли.

– На другой день, – продолжал шевалье, – мы вышли из отеля на рассвете и отправились на место поединка; наши противники были уже там. Капитан Ламбер, еще очень молодой человек, явился в сопровождении господина лет сорока с лишком. Обменявшись приветствиями, мы бросили жребий, чтобы выбрать шпаги, смерили их, и противники стали по местам.

Шевалье остановился еще раз; де Монгори вскочил бледный, как мертвец.

– Дальше, что же дальше?..

– Генерал, превосходный фехтовальщик, встретил противника, достойного себе; он потерял хладнокровие и яростно напал на Ламбера. Капитан отразил первый удар, затем второй, потом раздался крик... Генерал выронил шпагу и схватился левой рукою за грудь. Я поддержал его. «Мне холодно, – сказал он. – Я умираю... Поезжайте в Монгори, к Флару, и скажите ему: „Рювины умер, у Монгори нет детей; неужели род Фларов угаснет?“

Шевалье остановился и взглянул на маркиза. Подобно тому, как гигантский дуб, вырванный потоком, подмывшим его корни, некоторое время еще стоит и качается, прежде чем упасть на землю, так и маркиз де Флар-Монгори зашатался, и шевалье сделался свидетелем невыразимого горя, мрачного, ужасного, но не вырвавшего ни одной слезы. Если бы у генерала был сын, то Монгори пролил бы по своему кузену, упавшему в его мнению, слезу, соблюдая приличие, – и этим бы все и кончилось. Но генерал умер, не оставив потомства.

Маркиз зашатался, потом шевалье увидел, как он упал на колени, громко вскрикнув, и в этом внезапно сгорбившемся старике, точно дереве, сломленном бурей, с руками, воздетыми к небу, ему показалось, что он видит олицетворение, воплощение всего геройского рода, возмущающегося тем, что час его пробил безвозвратно. Он долго стоял на коленях, со стиснутыми руками, не спуская глаз с потемневших рамок фамильных портретов великого поколения Фларов, украшавших стены кабинета, забыв, под тяжестью одной ужасной мысли, что род его угаснет, не только о присутствии шевалье, но обо всем мире.

Долго старый франк, неподвижный и коленопреклоненный, казалось, беседовал с безмолвными предками, один за другим сошедшими в могилу, с молитвой на устах, как подобает солдату-христианину, и глазами, обращенными вдаль, где им казалось, что они видят свой продолжающийся и возвеличивающийся род.

Вдруг маркиз вскочил, выпрямился во весь рост и воскликнул:

– Господи, Ты, которому служили мои предки, ради которого умер во время Крестового похода первый барон из нашего рода, неужели Ты не совершишь чуда и не даруешь последнему из маркизов Фларов, шестидесятипятилетнему старику, готовившемуся умереть без отпрыска своего рода, если он женится на краю могилы, кровного наследника, который, как и он... будет носить имя Фларов и продолжать его поколение!

Потом, как бы услышав тайный голос, сходящий с неба или вышедший из полуотверзшей могилы предков, пророческий и торжественный, ответивший ему утвердительно, Флар гордо взглянул, откинув свою благородную голову, и воскликнул:

– Не бойтесь: род Фларов не угаснет!

XXIV

Почти в то самое время, когда шевалье д'Асти, весь в пыли, въехал во двор замка Монгори и прошел вслед за маркизом в его кабинет, чтобы сообщить ему о дуэли в желаемом освещении, – читатель, вероятно, уже заметил, как он искажил факты трагической смерти барона де Рювиньи, – карета, запряженная двумя крепкими нормандскими лошадками, мчалась во весь опор по дороге, пролегающей вдоль берега реки и ведущей к Порту, старинному замку Фларов.

Каретой управлял человек лет около пятидесяти, судя по одежде – дворянин, постоянно живущий в деревне; несмотря на седеющие волосы, он был силен и цветущ вследствие частого пребывания на воздухе.

Дюжина собак помещалась в карете; охотник, ехавший верхом, сбоку кареты держал в поводу прекрасную лошадь лимузинской породы, серую, с небольшой заостренной мордой, огненными глазами и худощавыми мускулистыми ногами.

Старый дворянин стегал сильной рукой упряжных лошадей, бежавших доброй рысью, и менее чем в час доехал до опушки леса, простиравшегося между Портом и Монгори и тянувшегося на запад на протяжении нескольких миль и покрывающего цепь холмов, образующих правый берег Ионны.

В этом месте лес перерезан просекой, какие прокладываются местами в лесах, предназначенных для псовой охоты; просека находилась как раз на полпути между Портом и Монгори.

– Ого! – сказал дворянин, передавая вожжи слуге, сидевшему рядом с ним. – Я первый приехал на место свидания, и это чрезвычайно странно, потому что назначенный час давно миновал.

Он посмотрел на часы.

– Одиннадцать часов! – сказал он. – А назначили съехаться в десять. Неужели Монгори уехал в лес, не дождавшись меня? Сегодня его псаря делали облаву.

Барон Пон – это был он – охотился каждый день с Фларом-Монгори, и он был прав, удивившись такой неаккуратности, потому что маркиз был чрезвычайно точен во всем, что касалось охоты, в особенности, когда облаву делали его люди.

Барон громко затрубил в рог, призывая начать охоту. Но никто не ответил ему, тогда он увидел между деревьями двоих из людей маркиза, одетых в охотничьи ливреи: это были псаря, державшие ищеек.

– Сейчас узнаем, – сказал барон, вскакивая на прекрасную лимузинскую лошадь, – что случилось с Монгори.

Он снова затрубил; ответа опять не последовало.

– Гей! Броккардо, – крикнул барон псарю маркиза, – не переменили ли вы час охоты?

– Нет, господин барон. Вот уже час, как мы ждем маркиза.

«Это странно! – подумал де Пон. – Монгори всегда аккуратен».

Протрубив в третий раз и не получив ответа, барон подумал, что Монгори заболел. Он направился к замку своего соседа.

Мисс Арабелла, так звали кобылу, шла галопом и через четверть часа была уже у замка; барон увидел на дворе старинного феодального здания свору собак и оседланную лошадь маркиза, которая нетерпеливо била о землю копытом; в углу двора стояла другая лошадь, совершенно незнакомая барону, вся в мыле, с ногами, забрызганными грязью до самого живота – первый признак, что она сделала длинный путь.

Эта лошадь произвела странное впечатление на барона.

– Где же твой барин? – спросил он поспешно у одного из слуг.

– Господин маркиз уже садился на лошадь, – отвечал слуга, – и мы готовились ехать, как вдруг прискакал какой-то незнакомый господин.

Лакей указал на лошадь.

– Как его зовут?

– Я его не знаю, – ответил слуга, недавно служивший у маркиза, а потому никогда и не выдавший д'Асти. – Господин маркиз повел его в свой кабинет, где они заперлись и пока еще не выходили. Мы ждем господина маркиза.

Предчувствуя что-то недоброе, де Пон бросил повод слуге, быстро взбежал по лестнице и вошел в кабинет маркиза как раз в ту минуту, когда де Флар-Монгори молил Бога продлить его род.

Барон страшно удивился, увидев своего племянника, неподвижного и безмолвного, в запыленном платье от долгого пути.

– Ты здесь! – вскричал он.

Де Пон был в довольно натянутых отношениях с племянником, который, разорившись, вздумал просить руки его дочери, на что получил отказ от барона. Увидав его, он был неприятно поражен.

– Дорогой дядя, – сказал шевалье с достоинством, – я приехал исполнить печальный долг. Я привез прощальный привет маркизу Монгори от генерала барона де Рювиньи, скончавшегося у меня на руках.

– Он умер! – вскричал де Пон, пораженный этим известием.

– Убит на дуэли.

Барон взглянул на своего друга, старого маркиза де Монгори. Маркиз успел уже овладеть собою и хотя был грустен, но спокоен; взяв руку де Пона, он сказал ему:

– Рювиньи был во многом неправ, и я никогда не простил бы ему его ошибки, но он такой же Флар, как и я, и должен был продолжить наш род. Рювиньи умер, а если теперь умру я, то род наш прекратится.

Де Пон молчал: он понял отчаяние маркиза.

– Но этого не должно быть и не будет, – продолжал де Монгори.

Удивленный барон смотрел на маркиза и, по-видимому, ожидал объяснения. Де Монгори продолжал:

– Я стар, но мое состояние равняется шести миллионам; я найду девушку из благородного рода, которая согласится выйти за меня замуж.

Барон нахмурился; вдруг страшная мысль мелькнула у него в голове: старый барон совершенно забыл, что безжалостно молодость приносить в жертву, давая ей в товарищи старость; он помнил только о тридцатилетней дружбе, связывавшей его с Монгори, и сказал ему:

– Маркиз, позвольте сказать вам одно слово!

– Говорите, барон.

– Де Поны хотя не такого знатного рода, как Флары, но и их предки участвовали в Крестовых походах, и они никогда не вступали в неравные браки. Маргарите Арман де Пон, моей дочери, девятнадцать лет, она прекрасна и принесет в приданое пятьдесят тысяч ливров годового дохода. Хотите вы, друг мой, оказать мне честь, приняв ее руку?

Флару-Монгори показалось, что он грезит. Еще накануне маркиз любовался Маргаритой, почти как отец, и сказал ей, улыбаясь:

– Знаешь, моя крошка, что ты прекрасна, как Венера, и если бы мне было тридцать лет, вместо шестидесяти пяти, то я покорила бы весь мир, чтобы положить его к твоим ногам и сделать тебя царицей.

Но время любви прошло для маркиза; он перестал уже думать о женитьбе и засмеялся бы в лицо два дня назад тому, кто посоветовал бы ему вступить в брак с Маргаритой де Пон. Но теперь, когда де Монгори услышал предложение барона, пред ним предстал образ прекрасной

молодой девушки, чистой и непорочной, как ангел, и из старика он преобразился в двадцатипятилетнего юношу; вся кровь прилила к его сердцу, дрожь пробежала у него по телу, точно от электрической искры, глаза его лихорадочно заблестели, и он воскликнул:

– Я согласен, дорогой мой друг, согласен!

Шевалье д'Асти, стоя неподвижно в углу кабинета, был поражен тем, что слышал, и ему показалось, что он сделался жертвой ужасного кошмара.

Но д'Асти был человек сильной воли, привыкший к борьбе, и удар судьбы не мог окончательно сразить его.

Шевалье подумал.

«Общество, право, недурно ведет свои дела. Чтобы спасти Гектора Лемблена, оно решило убить генерала, а убив генерала, оно лишает наследства Эммануэля, а меня – той, на которую я смотрел как на свою будущую жену».

Но он тотчас же ответил себе:

«Хотя общество смешало карты, но оно обязано и разобрать их. Маргарита будет моею женою, а не этого старика, который, кажется, серьезно воображает в девятнадцатом веке продлить свой род до бесконечности. Большое несчастье, подумаешь, что род Фларов прекратится».

Сообразив все это в две секунды, он успокоился; бледность исчезла с его лица, и он смотрел на дядю с самым добродушным и довольным видом.

– В самом деле, – сказал он ему, – я счастлив, дядя, что вы отказали мне в руке вашей дочери, потому что я не мог бы оказать вашей фамилии той чести, какую оказывает маркиз Флар-Монгори, предлагая вступить в союз с мадемуазель де Пон.

Сомнение барона исчезло при словах племянника.

– Хорошо сказано! – воскликнул он. – Чтобы вознаградить тебя, мы найдем тебе богатую наследницу.

– Ах, – вздохнул шевалье, желая показать себя искренним в своей самоотверженности, – заплатите лучше мои долги, дорогой дядя, пустяки – какие-нибудь двадцать пять или тридцать тысяч франков.

– Хорошо! – согласился маркиз, предупреждая ответ барона, утвердительно кивнувшего головой.

– Затем... – продолжал шевалье.

– Что еще? – перебил его де Пон с беспокойством, потому что он не особенно доверял своему племяннику.

– Пригласите меня на свадьбу кузины, – сказал д'Асти, улыбаясь.

Улыбка мелькнула на губах барона.

– Мой милый друг, – обратился он к нему, – ты прекрасно знаешь, что дом мой всегда к твоим услугам, когда бы ты ни приехал.

Барон обернулся к своему старому другу:

– Маркиз, – сказал он ему, – после пережитого вами волнения воздух вам необходим; поедемте поохотимся.

– Хорошо, – согласился маркиз.

– Завтра, – продолжал барон, – вы приедете в мой замок просить официально руки мадемуазель Маргариты Арман де Пон, моей дочери. Тогда я объявлю о своем согласии.

Де Пон, по-видимому, нисколько не заботился получить согласие своей дочери.

– Что касается тебя, милый друг, – прибавил барон, обращаясь к шевалье, – то ты можешь сесть на лошадь и ехать в замок поздороваться с кузиной, переменить платье и устроиться по своему желанию.

– Вы очень добры, дядя, – поблагодарил шевалье. Час спустя шевалье приехал в замок Пон. Мадемуазель де Пон уехала верхом в сопровождении двух борзых собак. Д'Асти прошел в комнату, которую он раньше занимал в замке, и написал следующее письмо:

«Полковнику Леону, в Париж.

Дорогой полковник, Вы имели основание называть меня своим помощником. После вас я самый деятельный член нашего уважаемого общества, и способ, к которому я прибегнул, чтобы погубить бедного генерала, должен убедить вас в этом.

Вам известно, что генерал, умирая, дал мне очень щекотливое поручение; я исполнил его немедленно, надеясь таким образом помириться с дядей и снова водвориться около моей дорогой кузины, которая, по всей вероятности, будет относиться ко мне по-прежнему с презрением.

Внезапно, однако, полковник, наши расчеты порушились: старый маркиз потерял голову; он, ненавидевший своего родственника, плачет теперь кровавыми слезами, выражаясь романтическим слогом, о прекращении своего рода и вздумал жениться. И знаете ли на ком? На моей кузине!

Итак, наследство ускользает из рук Эммануэля, надежды вашего покорного слуги разлетаются в прах, и все это ради маленькой услуги, оказанной Гектору Лемблену, который через десять месяцев женится на баронессе де Рювиньи!

Тем не менее, дорогой полковник, только дураки опускают руки после первой неудачи; я обдумал дело серьезно, и вот плоды моих размышлений: при помощи общества Шаламбель будет носить имя Монгори, а шевалье д'Асти женится рано или поздно на своей кузине мадемуазель де Пон. Можете вполне положиться на меня, если пришлете мне помощника.

Наш друг Гонтран де Ласи красив, как древний Антиной. Когда я вспомнил о нем, то у меня сложился целый план кампании. Пришлите его сюда. Я знаю, что маркиз еще не вполне успокоился, но он вылечится окончательно, если мы дадим ему это поручение. Прикажете ему сесть в почтовую карету, ехать в Нивернэ и остановиться в деревушке Сен-Пьер; пусть он ждет меня там. Если он запрямится, то уверьте его, что убивать ему никого не придется и что поручение ему будет дано одно из самых приятных. Жму вашу руку. Письмо мое сожгите.

Шевалье д'Асти».

Вечером, куря сигару и прогуливаясь под руку с дядей по парку, шевалье сказал ему:

– Вы мне говорили, что я могу располагать вашим домом, как своим, не правда ли?

– Да, дитя мое.

– Следовательно, я могу пригласить сюда своего товарища, страстного охотника, которого я люблю, как брата.

– Как его зовут? – перебил барон.

– Маркиз Гонтран де Ласи.

– О, Бог мой! – вскричал барон. – Я знал его отца. Он носит одно из лучших имен.

– Он страстный охотник.

– Тем лучше!

– Значит, я могу его пригласить?

– Еще бы!

– Спасибо, милый дядя, – сказал шевалье. – Я пойду напишу ему. Мы найдем в нем превосходного собеседника.

И шевалье улыбнулся.

XXV

На другой день после того, как барон де Пон обещал руку своей дочери маркизу Флар-Монгори, мадемуазель де Пон сидела в своей комнате, кокетливо обставленной с аристократической роскошью Парижа. Попробуем в нескольких словах набросать биографию молодой девушки, которую отец прочил в замужество шестидесятипятилетнему старцу, смотревшему на брак лишь как на цель продолжить свой род.

Маргарита лишилась матери чуть не с колыбели и первые годы воспитывалась под надзором тетки, сестры барона де Пон, виконтессы д'Оазис.

Виконтесса, овдовевшая рано, была самой эксцентричной женщиной своего века. Рожденная во время революции и будучи старше барона, своего брата, виконтесса провела всю юность в старинном замке в Пуату, зачитываясь рыцарскими романами, которые еще более воспламенили ее и без того пылкое воображение.

Госпожа д'Оазис любила все старинное, оригинальное, мечтала о рыцарях, паланкинах, турнирах, каруселях и романтических приключениях.

Воспитание, которое она дала племяннице, было почти в том же духе. Маргарита скакала верхом, любила собак, лошадей, охоту и всякий спорт. С ранних лет молодая девушка выработала в себе независимый и гордый характер, а к браку чувствовала отчасти даже отвращение.

Однако жизнь в Париже в вихре светских удовольствий, где она блистала между красавицами, среди которых каждый день появляются все новые, скоро изменила взгляды мадемуазель де Пон.

Маргарита любила искусства, роскошь, любила все прекрасное и скоро поняла, что единственное назначение и счастье женщины в замужестве. Но как все умные женщины, сердце которых еще свободно, она была честолюбива и мечтала о блестящей партии.

Большое состояние, знатное имя, высокое положение на военном или дипломатическом поприще, вот что требовала мадемуазель де Пон от своего мужа; если бы отец ее вздумал принять предложение шеваляе д'Асти, то Маргарита сама отказала бы ему.

Одни молодые девушки мечтают о муже красивом, молодом, с закрученными усиками, шпагой на боку, но бедном, как многие молодые люди хорошего происхождения.

Другие, и Маргарита в их числе, думают иначе. Старый или молодой, красивый или некрасивый, безразлично, но муж должен носить громкое имя, иметь старинный отель с массивной позолотой, карету с гербами и пользоваться уважением в свете.

Маргарита никогда не встречала человека, который заставил бы забиться ее сердце, она даже чувствовала презрение к молодым светским фатам, увивавшимся вокруг нее в салонах, тип которых олицетворял собою шеваляе д'Асти.

Быть может, в честолюбии молодой девушки было отчасти стремление, свойственное женщинам, обладающим более утонченной натурой, властвовать безраздельно. Маргарита мечтала встретить одного из тех сильных людей, перед волей которых склоняется все, чтобы, в свою очередь, покорить его и, противопоставив его железной воле волю ребенка, согнуть эту силу и могущество улыбкой и взглядом своих чудных глаз.

Мадемуазель де Пон еще не встречала такого человека, но ждала терпеливо и в описываемый нами день, в десять часов утра, стояла перед зеркалом в своем будуаре, любуясь собою и примеряя полученную из Парижа новую амазонку. Будуар Маргариты был верхом вкуса и изящества; никогда еще белая голубка не обладала подобным гнездышком, и ни один возлюбленный поэт не мог бы мечтать для своей возлюбленной о лучшем уголке. Стены будуара были обиты бледно-голубой материей, с нежным золотистым отливом, на складках которой играли первые лучи солнца. Белый мраморный камин был украшен прекрасным зеркалом, отражавшим деревья парка, колеблемые ветром. Утро было очаровательное и светлое, какие обычно

венно бывают весной в центре Франции. Голубоватый прозрачный туман, предвестник жарких дней, поднимался уже по склонам отдаленных холмов. Деревья уже опушились, а солнечные лучи освещали и листву и пока еще желтую траву парка. Капли росы, сверкая, как бриллианты, висели на полураспустившихся листочках деревьев. Птички распевали веселые песенки. Маргарита была так счастлива в это утро, точно у нее явилось смутное предчувствие, что муж, о котором она мечтала, явится наконец богатый и сильный, который, как ребенок, будет исполнять малейшие ее капризы. Два удара в дверь будуара заставили ее вздрогнуть.

– Войдите, – сказала она.

Дверь отворилась, и удивленная Маргарита увидела улыбающегося и разодетого маркиза де Монгори.

Де Монгори подрезал свою длинную бороду и помолодел благодаря этому, по крайней мере, лет на пятнадцать, до того стан его был прям, а лицо цветуще и молодо; костюм его был изящен и как нельзя более шел к его зрелому возрасту. На нем были светло-серые панталоны, запрятанные в высокие сапоги с шелковой кисточкой, в петлицах голубого камзола были розетки от множества полученных им орденов. Де Монгори был генералом от кавалерии и когда-то послом.

Маркиз взял Маргариту за руку, подвел ее к кушетке и сел рядом с нею.

– Дорогая моя, – сказал маркиз, решив не называть ее на ты, – я хочу посоветоваться с вами.

– Со мною! – удивилась Маргарита, пристально посмотрев на старика.

– Да, с вами, моя дорогая.

Маргарита не удивилась, услышав «вы» в устах маркиза. Положив подбородок на свою прекрасную ручку, она приготовилась внимательно слушать де Монгори.

– Вы находите меня очень старым? – спросил маркиз, любезно улыбаясь молодой девушке.

– Конечно нет, – с наивным видом ответила Маргарита.

– Я хочу жениться...

– Вот как!

Это восклицание было так искренне, что Монгори поверил.

«Она ничего не подозревает», – подумал он.

– Вы хотите жениться, – продолжала она, – отчего бы и нет?

Маркиз вздрогнул от удовольствия и нашел мадемуазель де Пон прекраснее, чем когда-либо.

– Вы должны сильно скучать, – продолжала Маргарита, – один в своем старом замке.

– Страшно! – сказал старик. – Но мне пошел шестьдесят пятый год, дорогая моя, и, несмотря на то, что у меня триста тысяч ливров годового дохода, что мое имя одно из самых знатных в предместье Сен-Жермен и я занимал почетные места... согласится ли молодая женщина...

Старик остановился, мадемуазель де Пон молчала.

Маргарита сразу угадала, что если де Монгори серьезно задумал жениться, то он женится только на ней. А потому, быстро взвесив все, белокурая и наивная девятнадцатилетняя девушка спросила себя: согласится она выйти за маркиза или нет? – и сразу решила.

– Кого искала я? Мужа богатого, с громким именем, сильным характером, с высоким общественным положением, которое дало бы мне высокое положение в обществе. У Монгори триста тысяч ливров годового дохода; он – маркиз, был посланником, а если будет политический переворот, то сделается министром. О таком муже я мечтала всегда... зрелый возраст, большое состояние, это не то, что молодые люди, которые будут играть в клубах и развлекаться за спиной своей жены.

– Ну что же, моя милая? – спросил маркиз, видя, что Маргарита молчит.

Она взглянула на него с самым невинным видом.

– Я думаю, – сказала она, – что избираемая вами женщина будет требовательна.

– Вы думаете?

Маргарита продолжала делать вид, что она думает, будто Монгори спрашивает только ее совета.

– Значит, вы не находите меня старым? Вы думаете, что молодая женщина не соскучится в Монгори?

– Летом – нет, – решительно ответила Маргарита. Таким образом, мадемуазель де Пон ставила первое условие своего вступления в брак.

– Я не буду держать свою молодую жену всю зиму в Монгори, – сказал маркиз.

– Позвольте, – спросила его с самым невинным видом Маргарита, – может маркиза де Монгори рассчитывать открыть зимою свой салон, иметь ложу в Опере и в Comedie Francaise, быть патронессой в нескольких филантропических обществах и показываться иногда на Лоншане?

Маргарита де Пон сказала это с такою обольстительной улыбкой, что у Монгори потемнело в глазах. Он понял, что ему придется отдать скипетр повелителя на первых же порах в эти прекрасные ручки.

– Значит, вы мне советуете жениться? – спросил он.

– Почему бы и нет?

– Ваш отец разделяет ваше мнение.

– Мой отец?..

– Я только что от него.

– Разве вы не охотились вместе с ним сегодня утром?

– Нет.

Лицо мадемуазель де Пон все еще сохраняло выражение искреннего удивления.

– А! Вы только что видели моего отца.

– Да, моя дорогая, и он сообщил мне кое-что.

– В самом деле? – спросила она, притворяясь удивленной.

– Он думает выдать вас замуж.

– Меня? Вот странная мысль!

– А что, разве время уже прошло? – спросил де Монгори, улыбаясь.

– О! – вздохнула она, – я уже старуха... Мне скоро минет двадцать лет!

Улыбка и взгляд, сопровождавшие эти слова, были бы достойны Селимены. Де Монгори галантно склонился на колени перед Маргаритой, взял ее руку и поднес ее к губам. Маргарита не отняла руки.

– Согласны ли вы, – спросил он ее, – сделаться маркизой де Монгори?

– Может быть, – ответила она, скромно опустив глаза.

У мадемуазель де Пон два месяца тому назад умерла дальняя родственница, по которой она носила траур, а потому решено было сыграть свадьбу, когда окончится срок траура, то есть через три месяца.

Это решение было принято по совету шевалье д'Асти, большого поборника приличий.

Накануне приезда Гонтрана де Ласи, вызванного в качестве помощника, шевалье д'Асти сказал кузине:

– Маркиз Флар прекрасно сохранился.

– Вы находите? – спросила она.

– Ему шестьдесят пять лет, но с виду ему с трудом можно дать пятьдесят.

– Да, это правда.

Говоря это, мадемуазель де Пон взглянула на кузена, стараясь угадать его мысли.

– Человек его комплекции или умирает сразу от удара, или живет до ста лет.

Маргарита вздрогнула.

– Если вы выйдете за него замуж...

– Это решено уже окончательно, – заметила она.

– Ну, положим, брак может считаться заключенным только после брачной церемонии.

– Так, если я выйду за него?..

– Вы рискуете состариться вместе с ним, и он умрет, убаюкивая своих внуков.

Мадемуазель де Пон закусила губу и украдкой бросила на кузена взгляд, полный ненависти. Шевалье намекнул ей, что она рассчитывала на преклонный возраст маркиза.

– Однако, – поспешил он прибавить, – почему знаем? Никому неизвестно будущее... человеческая мудрость заключается в этих словах, дорогая кузина.

Шевалье улыбнулся так насмешливо, что Маргарита де Пон внутренне содрогнулась.

Вернемся теперь к тому времени, когда мадемуазель де Пон возвратилась в замок в сопровождении де Ласи, которого мы оставили в парке беседующим с шевалье д'Асти, чтобы получить инструкции относительно услуг, которых ожидало от него общество «Друзей шпаги».

XXVI

Шевалье д'Асти полковнику Леону.

В Париж.

«Дорогой полковник!

Вот уже неделя, как Гонтран здесь; благодарю вас, что прислали его сюда, а особенно за то, что хотя вы и могли отчасти угадать мой план из моего первого письма, вы все-таки ничего не сообщили ему. Гонтран, дорогой полковник, обманет наши надежды: из него никогда не выработается хорошего товарища в нашем деле; он всегда будет колебаться и отступать, а в конце концов встанет под фериулу долга.

Когда-то он был блестящим офицером, львом, не отступавшим ни перед чем, готов был подраться на дуэли при всяком случае, – безумцем, готовым задушить весь мир, чтобы понравиться женищине.

Такое прошлое давало нам право возлагать большие надежды на маркиза. Однако, друг мой, мы ошиблись: Гонтран, убивавший людей из-за одного слова, изменявший женищинам, будет призывать на помощь и рассыпаться в громких словах, когда дело будет идти о том, чтобы погубить кого-нибудь.

У Гонтрана нет чувства товарищества – вот и все. Но как бы то ни было, я должен пользоваться его услугами. Он узнает первый акт драмы только тогда, когда она будет уже сыграна. Таким образом, я обеспечу себя от его слабых характеристик и способности отступить при первом же случае.

Как я предполагал, так и случилось: Гонтран влюбился в мою кузину, мадемуазель де Пон. Он встретился с ней ночью, спас ее, хотя не знаю, от какой опасности, но сердце молодой девушки забило от признательности.

Однако до сих пор беда еще не велика. Маргарита женищина умная, и разум у нее всегда берет верх над сердцем. Она честолюбива и решила быть маркизой де Флар-Монгори. Если бы у меня было триста тысяч ливров годового дохода, и я был бы посланником, то она так же, не любя меня, как маркиза, вышла бы за меня замуж, не обращая внимания на любовь Гонтрана.

Маргарита – умная девушка, и эта зарождающаяся любовь еще не вполне разделяется ею. Гонтран же в любви, как и во всем остальном, человек нерешительный. Маргарита нравится ему, и он сразу же не на шутку влюбился в нее, но я сказал ему, что она выходит замуж за маркиза, и вот наш маркиз Гонтран начал играть роль холодного и самоотверженного человека.

Но это не беспокоит меня. Маргарита слишком хороша, чтобы Гонтран долго мог устоять против нее и напрасно будет искать опоры в воспоминании о Леоне.

Кстати о Леоне, дорогой полковник: очень возможно, что она понадобится мне; в таком случае я напишу вам об этом.

Жму вашу руку. До свидания!

Шевалье д'Асти».

Маргарита де Пон госпоже де Лерм.

«Дорогая Октавия! Ты теперь замужем за бароном и во многих вещах опытнее меня, а потому я и хочу посоветоваться с тобою.

Помнишь ли ты наш пансион, помещавшийся в улице Клиши, окруженный большим садом, с огромными деревьями, под которыми мы летними вечерами мечтали о будущем?

Для женщин, оказывается, все будущее в замужестве. Рано или поздно, против воли или по собственному желанию, но девушка должна выйти замуж, то есть сама выбрать или взять выбранного ей спутника, друга, повелителя, имя которого она будет носить и который даст ей положение в обществе. Очень печально! Учреждая брак, мужчина навсегда предназначил жене занимать второстепенное место. Милая Октавия, вспомни, как каждая из нас смотрела по-своему на эту жертву.

Ты была всегда немного романтична, мечтала о красавце со смуглым лицом, стройной фигурой, одним словом, ты мечтала о герое испанских романов и придавала мало значения деньгам, говоря даже мне по этому поводу: истинная любовь лучше всего чувствует себя в шалаше. Твоя мечта, исключая последнего, осуществилась: господину де Лерму тридцать лет, он очень красив, любит тебя, как говорят, до сумасшествия, но он богат, и это должно лишать его в твоих глазах ореола поэзии. Что ты скажешь на это?

Ты, быть может, вообразишь, что я смеюсь, моя милая, но ты ошибешься: письмо мое очень серьезно, и я пишу тебе, чтобы узнать, как лучше поступить. Возможна ли любовь в браке? Необходима ли она?

И вообще, существует ли любовь?

Ты назовешь меня скептиком, но что же делать? Насмешливость – главная черта моего характера, и, не будь этого, я никогда не осмелилась бы сделать тебе двойное признание: во-первых, у меня есть муж на примете; во-вторых, привести доводы в защиту его возраста: он красивый старик, аристократ, с громким именем, с маркизской короной, украшен военными орденами, человек, сражавшийся на дуэлях, испытывавший приключения; из-за него две женщины стрелялись в Булонском лесу на пистолетах, и он влюблен в меня.

Теперь позволь рассказать тебе о моем поклоннике. Он таков, каким ты мечтала бы иметь мужа, если бы не встретился господин де Лерм; ему двадцать семь – двадцать восемь лет, он строен, среднего роста, с мягкими чертами лица, быть может, несколько женственными, до того они правильны и нежны, с черными усами, о которых мечтают все пансионерки; глаза у него грустные и кроткие, хотя по временам могут метать молнии.

Мой поклонник – офицер, маркиз, в настоящее время у него каких-то несчастных двадцать ливров годового дохода, но он ждет наследства. Он друг Ипполита, моего кузена, шевалье д'Асти – фата, имевшего дерзость просить моей руки; теперь шевалье в замке и представил нам господина де Ласи – так зовут моего поклонника, и де Ласи ухаживает за мною уже неделю, с тех пор, как успел сделаться моим спасителем.

Ей-богу, я не могу удержаться, чтобы не рассказать тебе этого приключения; быть может, ты тогда лучше поймешь, что происходит в моем сердечке».

Мадемуазель де Пон рассказала госпоже Лерм происшествия бурной ночи, когда Гонтран спас ее от идиота; затем молодая девушка продолжала:

«Пойми, моя милая! Как бы ни была положительна женщина, собирающаяся выйти замуж за шестидесятипятилетнего старика, однако она не может провести ночь в пещере на берегу бунтующей реки, при

шуме бури и свете молнии, с молодым красивым человеком, спасшим ее от верной гибели и державшим себя в строгих границах почтительности, не почувствовав себя отчасти взволнованной.

Мне кажется, что мое чувство разделено после нашего ночного путешествия, и я нередко думала даже, что он упадет предо мною на колени и сделает мне признание. Хмурь брови, если это тебе не нравится! Но я бы не рассердилась! Ничего подобного, однако, не случилось. Мой поклонник продолжает оставаться почтительным. Однако глаза его более выразительны, и мне показалось, что он очень обрадовался, когда узнал мое имя, и что ему придется жить под одной кровлей со мною.

Ипполит задыхается от досады... а я в восхищении!

Теперь, дорогая Октавия, ты, как замужняя женщина, скажи мне, хорошо ли я делаю, ободряя взглядом своего поклонника. Мне кажется, что я люблю его немножко. Но никогда не будет поздно покончить с этим ребячеством. Однако вот что меня сильно тревожит: а вдруг, сделавшись маркизою, я раскаюсь? Что если я вспомню тогда о своем поклоннике? Дай мне совет, что делать.

Твоя Маргарита».

Это письмо было написано госпоже де Лерм за три дня до того, как шевалье д'Асти писал полковнику.

Три дня спустя мадемуазель де Пон снова написала своей подруге:

«Дорогая Октавия!

Невыносимо, что почта идет так медленно. Если бы я получила от тебя ответ, то была бы спокойнее и менее бы сердилась.

Да, дорогая моя, я сердита, я беишуь. Я умираю от досады, я взбешена, и мне кажется, что если это продолжится так, то я сделаюсь злой!

Де Ласи не человек, а чудовище! Это не дворянин, а лицемер, варвар, человек без сердца и без чувства деликатности.

Вообрази... Ах, я так раздосадована, что не знаю даже, с чего начать. Однако попробую. Вообрази, сначала он ухаживал за мною. Я думала, что он сразу влюбился в меня. Он с украдкой смотрел на меня, вздыхал... а когда я взглядывала на него, мне казалось, что он вздрагивал... Я вообразила, что он любит меня.

Женщины глупы, дорогая Октавия, они верят в любовь мужчин. Видя его грустным, задумчивым, я чувствовала сострадание к нему. «Бедный юноша, – говорила я себе. – Он любит меня... Он грустит о том, что я выхожу замуж за маркиза». И я серьезно жалела его, моя дорогая, мне становилось больно, и я нежно смотрела на него...

Какая я была глупая! Он спокойно покорился своей судьбе; хотя готов был полюбить меня, но удержался и геройски отказался от меня. Он сделался холоднее со мною, узнав, что я выхожу замуж.

Теперь, видишь ли, я хочу отомстить! Хочу унизить его, замучить... Сыграть свадьбу как можно скорее, чтобы он присутствовал на ней. О, как я посмеюсь над ним!

Де Монгори приглашает нас всех к обеду в будущий четверг в свой замок, я бы сказала в «наш замок», если бы была менее сердита. Де Ласи поедет тоже.

Я буду кокетничать со своим будущим мужем. Де Ласи взбесится. Теперь более, чем когда-либо, моя милая Октавия, я нуждаюсь в твоих советах, и если ты не поможешь мне, то я способна потерять голову. Отвечай мне скорее, как можно скорее. Маргарита».

В тот самый день, когда это письмо было отправлено в Париж, шевалье получил от полковника Леона следующие строки:

«Дорогой шевалье!

Леона наша, и она будет служить нам преданно и от всей души. Известно ли вам, что Гонтран уехал из Парижа, не простившись с нею? Он написал две строчки, предупреждая Леону, что уезжает на две недели; вот все, на что он получил от меня разрешение. Получив ваше письмо, я отправился к Леоне. Она была в отчаянии.

«Гонтран уехал», – сказала она мне.

«Знаю».

«Вы, может быть, знаете, где он теперь?» – спросила она меня.

«Да».

Она на коленях молила меня сказать ей, где он.

«Моя крошка, – сказал я ей. – Гонтран разлюбил вас».

Когда я сказал это, мне показалось, что предо мною стоит фурия.

«Вы лжете!» – закричала она вне себя.

«Клянусь вам, это верно».

«О, если только вы говорите правду!»

«Я могу представить вам доказательства»

«Когда?»

«Через неделю».

«Отчего же не сейчас».

«Это невозможно».

«Значит, он меня обманывает?» – прохрипела она.

«Да».

«Он любит другую?»

«Может быть».

Эта женщина, дорогой мой, по всей вероятности, гений зла.

«А! – кричала она, меняясь в лице, диким голосом. – Он изменил мне, когда я так люблю его!»

«Ну, дитя мое, надо примириться».

«Вы думаете?»

И, сказав это, она захохотала.

«Нужно отказаться от него».

«Никогда!»

Я пожал плечами и сказал:

«Вы не жена ему».

«Ну, так я сделаюсь прежней Леоной, если понадобится! – вскричала она вне себя. – Гонтран не уйдет от меня... Он не будет любить другую... Я лучше убью его!»

Я был в восторге и сразу понял, что Леона при случае может быть очень полезна нам.

«Неужели, – спросил я ее, – вы способны мстить?»

Вместо ответа она сверкнула глазами.

«Слушайте, я скажу вам всю правду. Гонтран собирается жениться, – продолжал я. – Он хочет вступить в глупый брак, и это печалит всех его друзей; если вы хотите заслужить нашу благодарность, то есть людей, любящих его, то не допустите, чтобы эта свадьба состоялась».

«О, клянусь вам... Но где же он?»

«Я еще не могу вам этого сказать».

«Почему?»

«Это моя тайна».

«А вы не обманываете меня?» – спросила она с недоверием.

«Я вернусь сюда с доказательствами, – ответил я ей, – зато тогда...»

«Тогда?» – спросила она, пристально посмотрев на меня.

«Тогда вы будете повиноваться мне, не правда ли? И чего бы я ни потребовал от вас, вы исполните?»

«Разумеется».

«В таком случае прощайте или, лучше, до скорого свидания...»

Она протянула мне руку, и я прочел в ее глазах, что она делается моею рабою, если понадобится, а Гонтран будет наградой за ее покорность. Когда женщины теряют голову от любви, друг мой, они походят на львиц пустыни. Итак, Леона наша вполне, и я жду от вас сведений, чтобы сообщить ей план действий. В ожидании, дорогой лейтенант, не дремлите и помните, что члены общества «Друзей ишаги» преданы вам так же, как и вы им.

Жму вашу руку.

Полковник Леон».

Шевалье внимательно прочел письмо, и улыбка промелькнула у него на губах.

– Пока нам еще не нужна Леона, – пробормотал он, – но она понадобится. Теперь побормемся, прекрасная Маргарита!

Если бы мадемуазель де Пон могла видеть своего кузена в то время, когда он сказал это, она пришла бы в ужас.

XXVII

Как мы видели из писем, де Ласи встретил самый любезный прием со стороны барона в Порте. Шевалье ничего не говорил с ним о своих планах, и Гонтран на свободе любил и любовался прекрасной Маргаритой де Пон. Но раз вечером д'Асти взял маркиза де Ласи под руку и сказал ему:

– Пойдемте в вашу комнату и выкурим по сигаре, мне нужно поговорить с вами.

В этом приглашении звучало приказание – приказание от лица общества, в котором полковник был головою, душою же – шевалье, а Гонтран только орудием; поняв это, он повиновался беспрекословно.

– Дорогой друг, – сказал шевалье, – вы ведете ваши дела хорошо... даже превосходно...

– Что вы хотите этим сказать?

– Я наблюдаю за вами вот уже несколько дней и в восторге от вас...

И шевалье коварно улыбнулся.

– Объяснитесь... – пробормотал Гонтран.

– Это не трудно. Вы любите мою кузину. Гонтран покраснел, как школьник.

– Я не вижу в этом ничего предосудительного, – продолжал шевалье, – тем более, что вы приехали из Парижа именно только для этого, но я хочу обратить ваше внимание на то, что, кто желает достичь цели, не должен пренебрегать средствами.

– Что означают ваши слова?

– О! Друг мой, – сказал шевалье, – вы меня скоро поймете. Самый лучший способ увлечь женщину – это не выказывать своего чувства и как можно меньше обращать на нее внимания.

Гонтран смутился.

– Если вы, полюбив женщину, – продолжал шевалье, – будете становиться перед нею на колени и окружать ее заботами, то добьетесь только равнодушия с ее стороны, а подчас даже презрения.

– Я не состою в числе поклонников мадемуазель де Пон, – сказал Гонтран.

– Положим, это правда, но ваши глаза говорят красноречивее всяких слов. Вы вздыхаете, когда она берет вас под руку, и краснеете от каждого ее взгляда. Ясно, что вы серьезно влюблены.

Гонтран молчал.

– Во всяком случае, друг мой, – продолжал шевалье, – любите, сколько угодно, мою кузину, но если она вас не полюбит, то сделается скоро маркизой де Монгори, это ясно, как день.

– Что же я должен делать, чтобы она полюбила меня?

– Делайте противоположное тому, как вы поступали до сих пор... Если вы хотите, чтобы Маргарита полюбила вас, притворитесь, что не любите ее; охотьтесь с утра до вечера, поменьше разговаривайте, ложитесь пораньше спать, не аккомпанируйте ей на пианино, если она будет вас об этом просить, с самым простодушным видом хвалите ее старого жениха, и через неделю она влюбится в вас.

– И тогда? – спросил Гонтран.

– Тогда, – сказал шевалье, – меня не удивит, если она отдаст вам свою руку.

– В самом деле? – удивился де Ласи.

– Но если отдаст она, то отец ее откажет вам.

– Почему же, если она меня полюбит?

– Неужели вы воображаете, что такой человек, как мой дядя, понимает, что означает любовь? Он дал слово маркизу и сдержит его.

– Тогда, – перебил Гонтран, – для чего же добиваться любви.

– О, вы замечательно наивны! Де Пон, мой дядя, будет настаивать на том, чтобы сдержать слово, но если его дочь убежит со своим возлюбленным...

– В таком случае, – перебил Гонтран, – я должен буду жениться на ней.

– Ничуть не бывало.

– Ах, шевалье... вы забываете, что дело идет о вашей родственнице.

– Друг мой, – возразил шевалье с замечательным хладнокровием, – я знаю, как обязан поступить относительно моей семьи в подобном случае. Если моя кузина, мадемуазель де Пон, позволит увезти себя, то я буду преследовать похитителя.

– Вы шутите?

– Нет. Догнав похитителя, я отниму от него мою кузину.

– И что же тогда? – спросил удивленный Гонтран.

– Чтобы восстановить честь нашего дома, я женюсь на ней; она принесет мне в приданое пятьдесят тысяч ливров годового дохода, и мой дядя сочтет за счастье иметь меня своим зятем.

Шевалье повернулся на каблуках и вышел, оставив совершенно ошеломленного Гонтрана.

С этого дня де Ласи решил заглушить в себе чувство любви и, забыв советы шевалье, вообразил, что его холодность положила пропасть между ним и мадемуазель де Пон. Честная и прямая натура Гонтрана возмущалась при мысли о той роли, какую ему навязывали в этом доме, где он был принят как гость.

Письмо Маргариты к госпоже де Лерм объясняет нам, какого результата достиг Гонтран. Самолюбие молодой девушки-кокетки было сильно задето холодностью Гонтрана.

«Маркиз де Монгори, – писал шевалье полковнику, – приглашает нас всех обедать в будущий четверг».

Четверг наступил.

Все обитатели замка де Пон отправились после завтрака к маркизу де Флар.

Как все малопроницательные отцы, де Пон избегал оставлять свою дочь наедине с кузеном и не обращал никакого внимания на ее сближение с Гонтраном.

Так и теперь, отправляясь в замок Монгори, Маргарита пожелала ехать туда верхом и просила шевалье сопровождать ее, но де Пон возразил на это:

– Д'Асти поедет со мною в тильбюри. Я хочу просить его, чтобы он правил новой английской лошадью, которую я не в состоянии сдержать один; с тобою поедет де Ласи.

И он улыбнулся Гонтрану, даже не заметив румянца, разлившегося по лицу Маргариты.

В замок маркиза Монгори вели две дороги: одна, очень удобная для езды в экипажах, пролегла вдоль реки; другая – крутая, утесистая, но более живописная, вела через лес. Маргарита выбрала последнюю, зная, что отец и шевалье не могут проехать по ней в экипаже.

И она не ошиблась; они выбрали первую.

Де Ласи, следовавший верхом за молодой девушкой, чувствовал, что помимо воли страсть готова увлечь его.

«Жребий брошен, – подумал он, – рано или поздно я все равно безумно полюблю Маргариту».

Что же касается Маргариты, то, когда она услышала распоряжение отца, ею овладела досада, хотя в то же время она обрадовалась.

Де Ласи, сядя на лошадь, был так равнодушен и беспечен, что Маргарита рассердилась и сильно стегнула свою лошадь; лошадь заржала от боли, взвилась на дыбы, сделала скачок и помчалась, как вихрь. Подчиняясь необъяснимому страху, Гонтран понесся за нею; но Маргарита летела с быстротою молнии, с улыбкой проносилась над пропастью, стегая лошадь с тою безрассудностью, которая овладевает женщинами в минуты сильного раздражения.

Маргарита рассердилась на де Ласи за его холодность. Она мчалась вперед с безумной быстротою, давая этим понять, что не нуждается в его обществе, и в то же время желая заста-

вить его бояться за нее. Сердце молодой девушки забилося тревожно, когда она услышала за собою топот лошади Гонтрана; она повернулась вполоборота, искоса взглянула на него и поняла, что он во что бы то ни стало решил догнать ее; это обрадовало Маргариту, и, по свойственному всем женщинам противоречию, она еще быстрее поскакала вперед.

Гонтрану де Ласи никогда бы не удалось догнать молодую девушку, если бы Маргарита вдруг не остановила свою прекрасную лошадь, которая взвилась на дыбы. Гонтран подумал, что с нею случилось несчастье, и мгновенно очутился возле нее.

Маргарита была сильно взволнована; Гонтран взглянул на дорогу и увидел человека высокого роста, шедшего к ним навстречу, что-то напевая и как-то странно вскидывая руки над головой. Он узнал Нику, идиота из Шатель-Сензуара, и понял тогда, что испугало Маргариту, которая, разумеется, вспомнила ужасную ночь, когда он спас ее из рук этого безумного.

– Не бойтесь ничего, – сказал он ей. – Я с вами. Она поспешно обернулась к нему. В ее взгляде не было уже гнева, и он, казалось, говорил: благодарю вас за помощь!

Гонтран поехал рядом с Маргаритой.

– У меня ничего нет с собою, кроме хлыста, – сказал он ей. – Но если он в буйном настроении, то я растопчу его ногами моей лошади; не бойтесь ничего.

Идиот размахивал руками и напевал, идя им навстречу; заметив их, он остановился и приложил руку ко лбу, как бы стараясь что-то припомнить... Гонтран загородил собою Маргариту, приготовившись растоптать идиота ногами своей лошади, если бы он напал на них; но тот, с наивным любопытством поглядев на него, забормотал:

– Была вода, – не правда ли? – много воды...

Бедняк вспомнил, что благодаря маркизу он принял холодную ванну. Увидав Маргариту, которую Гонтран загородил собою, он пробормотал:

– Ах, княжна... княжна...

Он начал скакать и петь, выражая этим бурную радость. Потом, по привычке, с мольбою сложил руки и взглянул на Маргариту. Молодая девушка бросила ему золотую монету, вызвавшую восторг у нищего, и пустила свою лошадь вскачь. Гонтран последовал за нею.

Нищий казался удивленным таким внезапным отъездом; он опустил голову, и слезы блеснули у него на глазах, затем он зашагал, бормоча:

– Княжна разлюбила меня!

Маргарита, проскакав порядочное расстояние, задержала лошадь и, обернувшись к Гонтрану, сказала:

– Я очень испугалась.

Взглянув на него, она заметила его бледность и объяснила ее страхом за себя. Сердце ее радостно забилося.

«Он, может быть, любит меня?» – подумала она.

Таким образом они проехали молча два лье. Между деревьями показался замок де Монгори.

– Ну, вот мы и приехали, – сказала Маргарита. Гонтран вздрогнул.

– И, вероятно, опоздали.

– Вы так думаете? – рассеянно спросил маркиз.

– Да, – сказала Маргарита, – хотя наша дорога короче той, по которой поехал отец, но мы ехали сейчас так медленно, что отец и кузен, наверно, обогнали нас.

Вдруг Маргарита покраснела и опустила глаза.

– Маркиз де Монгори, быть может, уже беспокоится, – пробормотала она.

При этом имени лицо Гонтрана побледнело, и кровь прилила к его сердцу; Маргарита заметила его бледность и волнение, когда он пробормотал:

– Ах, простите, я и забыл, что скоро вы будете маркизой де Флар-Монгори.

Маргарита испугалась его волнения; она поняла, что Гонтран любит ее безумно и безнадежно; а Гонтран забыл, какую гнусную роль назначил ему шевалье и свое намерение помешать этому браку своею холодностью; он взглянул на молодую девушку так страстно, что она поняла его взгляд лучше всяких слов. Любовь к Леоне совершенно исчезла из сердца де Ласи.

XXVIII

Маргарита де Пон госпоже де Лерм.

«Дорогая моя!

Напрасно я жду ответа от тебя на мои письма. Ты упорно не отвечаешь мне. Что это значит?

Однако я сильно нуждаюсь в твоих советах, потому что твоя маленькая Маргарита, мнившая себя когда-то сильной и насмешливой, чувствует себя теперь совершенно беспомощной.

С чего начать? Мне так много надо сообщить тебе, рассказать о стольких происшествиях.

Я пишу тебе в полночь. Сегодня мы обедали в Монгори. Ах, моя дорогая, какое ужасное зрелище!

До сих пор я бывала очень редко у своего будущего мужа; так как я раньше смотрела на него только как на друга моего отца, то находила вполне естественным, что человек его лет окружает себя воспоминаниями прошлого, живет в старом замке и сам напоминает собою один из тех фамильных портретов, которыми у него увешаны стены. Но сегодня... Ах, дорогая моя, пожалей меня, потому что холод обьял мое сердце, когда я въехала в ворота, украшенные фамильным гербом.

Старый замок и старый муж – вот мой удел.

Если бы ты знала, как он стар, мрачен, покрыт плесенью – этот феодальный замок, где последний из рода де Монгори проводит свои дни.

Если мне придется жить здесь, я умру от страха и скуки через полгода.

Вообрази, этот достойный маркиз захотел ослепить свою молодую будущую жену, да, моя милая, ослепить величием прошлого в соединении со скукою настоящего. Обед был сервирован в большом парадном зале, где предки Монгори, блестя кирасами, смотрели из своих потемневших рам, как ели их потомки. Самый молодой лакей, прислуживавший нам, был одного возраста с маркизом. Отец мой находит все это очаровательным.

Я шучу, но сердце мое сжимается от боли, дорогая Октавия, потому что несколько часов назад...

О, я все скажу тебе, теперь я все поняла... Я догадалась, что люблю, да, я люблю де Ласи... безумно, горячо, как только можно любить... И кровь приливает к моему сердцу от этого признания, – он также любит меня... Я угадала это!

Я видела, как в глазах его блеснул ревнивый огонек, когда мой старый жених поцеловал меня в лоб... Что делать? Что делать?

Отец обожает меня, но он раб своего слова и дружбы. Он будет неумолим; посоветуй мне, Октавия, отвечай мне поскорее. На этот раз твоя Маргарита в опасности».

XXIX

Гонтран и Маргарита любили друг друга, но не смели признаться себе в этом, хотя глаза их и взволнованный голос говорили яснее всяких признаний. Шевалье д'Асти следил за ростом этой вспыхнувшей любви и старался отвлечь внимание барона. Тем временем в замке Монгори шли приготовления к свадьбе.

Как мы уже знаем, де Монгори провел почти всю свою жизнь в одиночестве. Маркиз принадлежал к числу людей, живущих по известным традициям; покойный маркиз Флар-Монгори, его отец, женился три четверти века назад в этом же самом замке; теперешний маркиз, подражая отцу, хотел также отпраздновать свадьбу в Монгори; венчальный обряд предполагалось совершить в капелле замка, а затем должен был последовать роскошный пир, на котором должны были присутствовать все соседние дворяне.

Маркиз написал вдовствующей герцогине д'А... которая была его другом в течение сорока лет, прося ее выбрать ему свадебную корзинку; затем он по секрету призвал человек двадцать рабочих, чтобы реставрировать и обставить в современном вкусе один из флигелей замка, который предназначался для его будущей жены. Старик внезапно почувствовал себя влюбленным; он начал считать дни, отделявшие его от ожидаемого счастья, и дни эти, по его мнению, тянулись слишком медленно; для Маргариты же и Гонтрана, наоборот, они летели страшно быстро.

Гонтран едва удерживался от желания убить этого старика, но всякий раз, когда он чувствовал на себе спокойный и насмешливый взгляд шевалье, этот взгляд укрощал его.

Но не одна свадьба Маргариты беспокоила Гонтрана, он боялся также таинственных замыслов д'Асти. Тысячи предположений мелькали у него в голове. Однажды вечером, возвращаясь из Монгори в десять часов, Маргарита по желанию отца села с ним в карету, поручив свою лошадь шевалье д'Асти, который ехал с левой стороны кареты, тогда как Гонтран ехал с правой.

Минут через двадцать оба всадника отстали.

– Ну, маркиз, – спросил шевалье, – о чем вы замечались?

Гонтран смутился.

– Я? Ни о чем, – ответил он.

– Так! – вскричал д'Асти, улыбаясь. – Держу пари, что, если я обращусь с подобным же вопросом к кузине Маргарите, она ответит мне то же, что и вы.

Де Ласи смутился еще более и промолчал. – Вы любите Маргариту, – продолжал шевалье. – Вы любите ее, маркиз, и она также любит вас.

– Я? – проговорил Гонтран взволнованным голосом.

– Черт возьми! Ведь это видно сразу. Гонтран пожал плечами.

– Друг мой, – продолжал шевалье, – вы прекрасно знаете, что это правда, но я не стану, если хотите, обращать на это внимания, хотя буду чрезвычайно доволен.

Гонтран пристально взглянул на шевалье.

– Ваша любовь послужит препятствием браку Маргариты с Монгори, – продолжал д'Асти, – и я должен быть доволен этим, потому что брак маркиза разорит нашего Друга Эммануэля.

– Понимаю, – сказал Гонтран. – И это ваше единственное желание?

– Извините, – возразил шевалье, – я уже говорил вам, что если де Монгори не женится на моей кузине, то на ней женюсь я.

Голос шевалье звучал так спокойно и уверенно, что де Ласи, взбешенный, искал пистолет в сумке седла, чтобы раздробить голову этому человеку, который осмелился утверждать, что он женится на Маргарите.

– Послушайте, – сказал он вне себя и с иронией, – сознайтесь, что вы в течение целой недели позволяете странным образом шутить надо мною.

– Ба!

Вы утверждаете, что я люблю мадемуазель де Пон.

– Да.

– И что она любит меня...

– Это несомненно. Значит, если это так?

– Я уже сказал вам, что я в восторге от этого.

– В таком случае женюсь на ней я.

– Вы? Нет!

– А почему, позвольте спросить?

– Потому, – спокойно ответил шевалье, – что я сам хочу жениться на ней, и вы должны помочь мне в этом. Разве мы не обещали поддерживать друг друга.

Губы Гонтрана дрожали от злобы.

– Если Маргарита любит меня настолько, что откажет маркизу, то она откажет и вам.

– Как бы не так! – воскликнул шевалье. – Первая любовь скоро проходит. Если понадобится, я подожду.

При этих словах маркиз взглянул на шевалье, глаза которого сверкали такой энергией и решимостью, что он невольно вздрогнул.

– Сударь, – холодно сказал Гонтран, стараясь сдержать свое раздражение, – будьте добры ответить мне, как вы думаете, господин де Пон, ваш дядя, откажет мне, если я сделаю предложение его дочери?

– Несомненно. Мой дядя сдержит слово, данное де Монгори. Притом он очень ценит богатство, а у вас состояние небольшое.

– Тем не менее, – возразил Гонтран, – я решил жениться на мадемуазель де Пон.

Шевалье пожал плечами.

– Этот проект неисполним, и вы убедитесь в этом сами, – сказал он.

– Отчего?

– Во-первых, Маргарите только девятнадцать лет, поэтому ей придется ждать еще два года до совершеннолетия, а в течение этого времени многое переменится.

– Дальше? – проговорил Гонтран, которого раздражало спокойствие шевалье.

– Затем, – продолжал последний, – вам прекрасно известно, что я тоже решил жениться на ней.

– Этого никогда не будет! – вскричал в свою очередь Гонтран.

– Почему же?

– Потому что я люблю Маргариту.

– В таком случае, похитите ее. Это единственный способ помешать ее свадьбе с де Монгори. Вы знаете, что свадьба назначена через неделю, и вам нельзя терять времени.

Вернувшись в замок, Гонтран и Маргарита были очень задумчивы, но барон де Пон ничего не замечал.

Маргарита, встав из-за стола, пошла к себе; но, проходя мимо Гонтрана, она услышала, как он шепнул ей:

– Ради вашего счастья и моей жизни, приходите в десять часов в оранжерею.

В замке ложились рано. Де Пон показывал пример, удаляясь в покой в девять часов: слуги, следуя деревенскому обычаю, тоже ложились рано, зато вставали на рассвете. Не подчинялись общему порядку только Маргарита и Гонтран. Но в течение нескольких дней Маргарита уходила к себе тотчас после отца, а Гонтран шел гулять с д'Асти по парку, но чаще один.

В этот вечер у д'Асти заболела голова и он ушел в свою комнату. Гонтран, отправившись на прогулку в половине десятого, увидел, что в комнате шевалье уже нет огня.

Де Ласи хорошо знал расположение комнат. Оранжерея была отдельным зданием и соединялась с жилой частью дома галереей, в конце которой находилась маленькая витая лестница. Эта лестница, новой конструкции, была сделана по желанию Маргариты, которая очень любила разводить цветы и ходила часто в оранжерею в холодные, туманные осенние утра. Благодаря этой лестнице она могла, не спускаясь во двор, проходить в оранжерею.

Де Ласи потихоньку спустился по лестнице и прошел галерею; войдя в оранжерею, он спрятался за апельсиновым деревом. Дверь из оранжереи в жилое помещение замка не запиралась ни днем, ни ночью. Весь замок уже спал, когда часы пробили десять. Неподвижный, затаив дыхание, Гонтран ждал Маргариту с бьющимся сердцем. Он боялся, что она не придет.

Но скоро легкий шорох раздался на лестнице, и молодая девушка вошла.

Влюбленные взялись за руки и молча, взволнованные, смотрели друг на друга.

– Вот и я, – сказала наконец Маргарита.

– Вы пришли, благодарю вас, – сказал Гонтран, почтительно прикасаясь губами к ее руке.

– Сударь... – сказала молодая девушка, стараясь преодолеть свое волнение, – вы хотите серьезно поговорить со мною, не правда ли?

– Маргарита, – прошептал де Ласи, – подумали ли вы о будущем?

Молодая девушка вздрогнула.

– Что вы хотите сказать? – спросила она.

– Я говорю о том близком будущем, которое вас ожидает... о свадьбе...

– О, никогда! Завтра я пойду к отцу... брошусь перед ним на колени... буду умолять его...

– Ваш отец будет неумолим.

– Ну, так я буду противиться... я откажу де Монгори.

– Маргарита, – возразил Гонтран, – есть только один способ избежать грозящего вам несчастья.

– Какой? – спросила она.

– Бежать.

Это слово, как громом, поразило Маргариту. Молодой светской девушке, воспитанной в старых дворянских традициях, предложить бежать из родительского дома, от домашнего очага, где прошло ее детство, сказать ей: «Сегодня ночью вы бежите... не попрощавшись со старыми, вырастившими вас слугами, не поцеловав седую голову отца, для которого вы составляете радость и гордость, бежите, не отдыхая ни днем, ни ночью, пока не очутитесь на чужой земле, где наш закон не может преследовать похитителей...» Не значит ли это оскорбить честь женщины, которая стыдится всего противозаконного?

Гонтран понял, что происходит в душе Маргариты, и он упал перед ней на колени.

– Маргарита, – прошептал он, – я люблю вас и буду счастливейший из смертных, если вы согласитесь принять мое имя... Скажите, согласны ли вы?

– Да, – ответила она чуть слышно.

– Тогда бежим, – сказал он страстно, – потому что здесь наше счастье невозможно... слишком много врагов угрожают нам... мы уедем в Англию.

– Отец добр, – пробормотала Маргарита. – Он не захочет, чтобы его дочь была несчастна.

– О! Препятствие не в одном вашем отце.

– Я не знаю других, – сказала она простодушно. Гонтран смутился; он чуть не выдал тайну общества.

– Маргарита, – произнес он, – верите ли вы, что я человек честный?

– Конечно, – ответила она.

– Если я сообщу вам нечто, поверите вы мне?

– Клянусь.

– Ну так слушайте. Страшная опасность грозит нам обоим... если мы останемся здесь... наше счастье рушится навсегда, любовь наша будет сокрушена, как былинка.

– Но, наконец, – спросила Маргарита, – кто же эти враги и в чем опасность?

– Увы! – прошептал Гонтран. – Я не могу вам этого сказать. Это тайна между мною и Богом, Маргарита, это тайна не моя...

Видя ее удивление, он приложил руку к сердцу и продолжал:

– Верьте мне... я вас люблю и говорю правду...

– Бежать, – прошептала растерявшаяся Маргарита... Бежать от отца... разве это возможно? О, нет, никогда!..

– В таком случае прощайте, Маргарита, – печально сказал Гонтран. – Я завтра уеду, так как не хочу быть причиной ваших несчастий...

– Что вы говорите? – вскричала она.

– Выходите замуж за де Монгори, – продолжал маркиз. – Может быть, вы будете счастливы...

– Боже мой! Боже мой! Я с ума схожу! – прошептала молодая девушка вне себя от горя.

– Прощайте... Маргарита... – повторил Гонтран и сделал шаг к двери.

– Гонтран!.. – воскликнула Маргарита, и вся душа ее вылилась в этом слове. – Говорите, приказывайте... я люблю вас!

– Так надо бежать, бежать, завтра же...

– Но как?

– Завтра вечером, в полночь... все будет готово... Маргарита ушла, подавив вздох; любовь к Гонтрану победила в ней чувство к отцу.

Что касается Гонтрана, то он сразу превратился в человека решительного, которого не страшат препятствия. Маргарита обещала ему следовать за ним; у него оставалась только одна цель – подготовить бегство.

XXX

В замке обыкновенно завтракали в дни охоты в половине девятого, а в остальные дни в десять часов.

– Дядя, – сказал д'Асти, войдя в столовую и пожимая руку Гонтрану, – наш друг покидает нас на двое суток.

– Почему? – спросил удивленный барон. Маргарита, вошедшая в эту минуту, не смогла скрыть своего изумления. Молодая девушка сильно побледнела и опустила глаза, губы ее побелели, все обличало пережитое ею волнение.

– Как! Вы покидаете нас? – спросила она.

– Да, – ответил за Гонтрана шевалье. – Мой друг де Ласи едет осмотреть замок Фолейн и, вероятно, там ночует. Я даже советую ему проехаться до Шастеля, другой археологической достопримечательности.

– Может быть, – пробормотал Гонтран.

Он взглянул на Маргариту, и глаза его сказали: «Я лгу... я хочу подготовить все для нашего бегства».

Де Пон нашел проектируемую поездку Гонтрана вполне естественной и сел за стол очень веселый; он начал говорить о близкой свадьбе Маргариты.

– Ах да, дядя, – лицемерно спросил д'Асти, – значит, свадьба решена окончательно?

– Конечно, – ответил де Пон, – даже сам король не мог бы ничего изменить.

– Вот как!

– Племянник, – строго сказал барон, – когда человек, подобный мне, даст слово, то даже Бог не помешает ему сдержать его.

Гонтран и Маргарита переглянулись, как бы говоря: «Дольше нельзя колебаться».

Шевалье рассчитывал именно на такой ответ барона, чтобы победить нерешительность Маргариты.

Де Пон поспешно позавтракал. На нем уже был надет охотничий костюм.

– Ты поедешь? – спросил он шевалье.

– С удовольствием, дядя.

– Сегодня погода прекрасная. Поедем с нами, маркиз, дорога в Фолейн идет на пол-лье та же самая, что и в Монгори.

Сказав это, Пон поцеловал свою дочь в лоб.

– А ты, значит, останешься одна? – спросил он ее.

– Я поеду навестить тетю, – отвечала Маргарита. Гонтран уличил время, когда шевалье и барон выходили из столовой, и, подойдя к молодой девушке, шепнул ей:

– Сегодня вечером в десять часов... в конце парка... я все устрою...

Маргарита побледнела, но утвердительно кивнула головой. Гонтран отправился с шевалье и бароном.

Час спустя три всадника доехали до перекрестка, где они должны были расстаться. Де Пон и его племянник поехали налево, а Гонтран направо и скоро исчез в лесной чаще. Но, проехав с четверть лье, маркиз вдруг повернул обратно, пришпорил лошадь и, проехав немного по берегу Ионны, переправился через нее вброд, затем поскакал по дороге в Кламеси, куда приехал в полдень. Он направился к той самой гостинице, где при проезде достал лошадь и проводника. План Гонтрана еще не был окончательно составлен, но он решил пока найти резвых лошадей и почтовую карету.

У входа в гостиницу Гонтран де Ласи заметил сидящего на скамейке лакея, поразившего его своими манерами парижанина; на лице у лакея, одетого по-дорожному, было как будто

написано: меня можно нанять и купить; недалеко от него стояла карета, запряженная парой отличных лошадей.

– Это ваша карета? – спросил Гонтран.

Лакей поклонился маркизу, как человек, понимающий с полуслова.

– Не совсем. Но это все равно. Гонтран вопросительно взглянул на лакея.

– Сударь, – сказал последний, – я камердинер одной дамы, которая возвращается в свое поместье, отстоящее в пяти лье отсюда, и мне приказано отвезти дорожную карету в Париж к завтрашнему вечеру...

«Завтра вечером, – подумал Гонтран, – это поздно, но не беда!»

Затем, обратившись к лакею, он спросил:

– Хотите вы заработать пятьдесят луидоров?

– Черт возьми! А что прикажете сделать? – спросил лакей.

– Во-первых, завтра вечером, когда начнет смеркаться, вы будете ждать меня с каретой в указанном мною месте.

– Хорошо, а что дальше?

– Затем, – продолжал Гонтран, – вы отвезете нас в Париж как можно скорее.

Лакей улыбнулся, поняв, в чем дело.

В это время, в нижнем этаже гостиницы, в одном из тщательно завешанных окон, откинулась занавеска, и любопытные глаза, глаза женщины, устремились на Гонтрана де Ласи в то время, когда он передавал повод своей лошади лакею. Занавеска опустилась. Гонтран вошел в гостиницу и начал расспрашивать хозяина о путешественнице, возвращающейся в свое поместье.

– Это очень красивая женщина, одетая во все черное, – ответил ему тот. – Откуда она едет, я не знаю, потому что она не захотела сказать мне своего имени; она не показывается со вчерашнего вечера, с самого своего приезда, и сама убирает комнату.

– И вы не знаете, как ее зовут?

– Нет, сударь, но, – добавил трактирщик, подмигивая, – мне кажется, что эта женщина уехала от мужа.

«Впрочем, какое мне дело?» – подумал де Ласи.

Во время своего пребывания в замке де Пон Гонтран иногда прогуливался по лесу, расположенному по другому берегу Ионны, по направлению к Кламеси; он вспомнил, что на опушке леса однажды видел хижину дровосека, на пороге которой стояли мужчина и старая женщина с грудным ребенком на руках; оба они были в лохмотьях. Заметив Гонтрана и бывшего в то время с ним барона, они стали просить милостыню. Де Пон бросил сто су в шляпу мужчине и с отвращением отвернулся.

– Эти люди не заслуживают сострадания, – сказал он Гонтрану. – Это негодяи: мужчина вышел из тюрьмы, а женщина, после того как приобрела худую славу на весь округ, вышла наконец замуж за этого мерзавца. Они часто приходят в замок за подаванием, но не задумаются поджечь его, если им кто-нибудь предложит за это сто су.

Гонтран теперь вспомнил это, а также и то, что в двухстах шагах от хижины проходит дорога из замка Пон в Кламеси. Приняв какое-то решение, маркиз снова подошел к лакею и сказал ему:

– Завтра вечером мы поедем по дороге, ведущей из Кламеси в Пон. Ты остановишься на опушке леса, в двухстах метрах от хижины дровосека, прозванной хижинкой каторжника.

– Хорошо, – ответил лакей, – понял, все будет исполнено.

Маркизу больше нечего было делать в Кламеси; он сел на лошадь и поехал. До замка Пон было пять лье.

Когда Гонтран вдевал ногу в стремя, занавески в окне первого этажа раздвинулись, и та же женская головка показалась в нем и многозначительно переглянулась с лакеем. Маркиз де

Ласи пустился галопом и через два часа был уже на опушке больших Морванских лесов. Когда он въезжал в лес, до ушей его долетело странное, однообразное пение; присмотревшись, он заметил вдалеке мелькавшую между деревьев фигуру и узнал в ней Нику «невинного» (как все его называли), возвращавшегося в Шатель-Сенсоар, напевая свою любимую песенку. Безумный, услышав позади себя конский топот, остановился, чтобы пропустить всадника.

– Эге! – вскричал он, заливаясь хохотом. – Это принц, – и, сняв шляпу, протянул ее Гонтрану.

Гонтран бросил ему эку и продолжал путь. Безумный тоже пошел своей дорогой, но затем, подчиняясь необъяснимому любопытству, ускорил шаг и бросился догонять маркиза, чтобы узнать, куда он едет. Гонтран направился к хижине каторжника. Любопытство Нику усилилось, и он, перестав петь и скакать подобно обезьяне, принялся следить за маркизом, скользя между деревьями и притаиваясь всякий раз, когда всадник останавливался или оборачивался. Маркиз остановился перед дверью хижины; сумасшедший спрятался за кусты и улегся на землю, улыбаясь безумною улыбкой.

Услышав конский топот, дровосек и его жена, ужинавшие в это время, поспешили выйти из хижины; заметив Гонтрана, они почтительно приветствовали его.

– Вы одни? – спросил маркиз, соскакивая с лошади и входя в хижину.

– Да, – ответили разом оба.

Гонтран закрыл дверь и, повелительно взглянув на дровосека, спросил:

– Вы сидели в тюрьме, вы возбудили к себе общее презрение, никто не доверяет вам. Если бы у вас были деньги, уехали ли бы вы из этой страны немедленно?

– Да, сударь, – ответил дровосек, – но мы так бедны!

– Я могу дать вам необходимые деньги, – сказал Гонтран.

Глаза у мужчины загорелись, и Гонтран понял, что он не только не раскаялся, но опять готов начать свой преступный образ жизни за немного золота.

– Успокойтесь, – сказал он ему, – взамен двадцати пяти луидоров, которые я предложу вам, я потребую от вас пустой услуги.

– Чтобы заработать эту сумму, – ответил дровосек, – я на все готов.

– Отлично, – сказал Гонтран. – Я приеду сюда через несколько часов, и тогда вы узнаете, чего я потребую от вас.

Затем, вскочив в седло, он сказал каторжнику, указывая на висевшие у седла пистолеты:

– Если же вы измените мне...

– Я предпочитаю получить двадцать луидоров, – пробормотал дровосек.

Гонтран снова отправился в путь. Тогда безумный, лежавший за кустом, тоже поднялся и последовал за маркизом.

Наступила ночь, темная и безлунная; ветер не колыхал верхушки деревьев, лес молчал, только пение пастуха да крик дикого зверя нарушали тишину. Де Ласи внимательно осмотрел дорогу и направился в парк, где он назначил свидание Маргарите. Десять часов пробило на башенных часах замка, когда он доехал до ограды.

Гонтран привязал лошадь к дереву и проскользнул в парк; здесь он с волнением начал ждать молодую девушку.

XXXI

Маргарита провела день в страшном волнении. Бежать – значило поставить на карту счастье всей жизни, нанести удар старику отцу, которого она нежно любила, забыть стыд и целомудрие женщины, принести все в жертву страсти. Но отказаться от Гонтрана, от возлюбленного Гонтрана, не значило ли это погубить себя навеки, выйти замуж за старика, который запрячет ее в свой старый замок, где каждый шум отдает гулкое эхо, где самое веселое пение походит на погребальный напев... притом она клялась... она дала слово... По мере того, как проходил день и солнце близилось к закату, Маргарита начала тревожиться все сильнее... Что делать? Она хотела, чтобы отец и кузен возвратились... Но они должны были переночевать в Монгори, а Гонтран придет в парк в десять часов. Наступила ночь. Маргарита думала, что умрет от волнения... Она села у письменного стола и написала отцу длинное письмо, которое оросила слезами. Она просила у отца прощения за свое бегство; признавалась ему в своем отвращении к Монгори и в любви к Гонтрану; умоляла де Пона не проклинать ее; говорила, что любит своего будущего мужа больше жизни. Прошел час, а она все еще писала, и ни малейший шум не долетал до ее ушей.

Барон не возвращался...

Вернись в это время отец, она бы бросилась к нему на шею и сказала:

– Спаси меня, спаси от меня самой!

Но письмо было окончено, а де Пон не вернулся. Тогда Маргарита решилась бежать. Образ любимого человека встал перед нею, образ отца стушевался.

Жребий брошен... Маргарита должна бежать с Гонтраном. Часы пробили десять; она вскрикнула, сердце ее готово было разорваться...

– Он ждет меня! – прошептала она. Маргарита встала, подчиняясь какой-то непреодолимой силе, увлекавшей ее к похитителю. Накинув на плечи шаль и положив письмо на камин, она из будуара прошла через большой зал, называвшийся залом предков, где на стенах были развешаны фамильные портреты. Молодая девушка боялась взглянуть на них, и ей казалось, что они выходят из своих рам, гневно блестя глазами и проклиная ее. Она бросилась бежать.

Может быть, она опомнилась бы, если бы встретила кого-нибудь из старых седых слуг, которые имели право напомнить ей о ее долге. Но лестница, вестибюль, двор – все было пусто, а решетка парка была отперта. Маргарита чуть не лишилась рассудка и шла, не отдавая себе отчета в своих поступках. Она бежала, не зная наверное, куда бежит и чего ищет. Вдруг раздался радостный крик, чьи-то руки обхватили ее и подняли, и она почувствовала, как бьется чье-то сердце около нее. Гонтран вынес ее, как ребенка, из парка и вскочил на лошадь... Маргарита закрыла глаза и подумала, что видит страшный сон.

Де Ласи прищипорил лошадь, которая заржала от боли, взвилась на дыбы и помчалась галопом, увозя похитителя и его добычу.

Маргарита лишилась чувств.

Очнувшись, мадемуазель де Пон почувствовала, как ночной холод обвеивает ее лицо, а лошадь все еще мчится подобно коню в немецкой балладе, увозившему Леонору и ее мертвого возлюбленного.

Маленький огонек блеснул в отдалении, который был маяком для похитителя. Маргарита открыла глаза, узнала Гонтрана, с любовью склонившегося над ней, и вспомнила все.

– Отец, мой бедный отец! – прошептала она.

– Мы вернемся к нему когда-нибудь, – ответил Гонтран, страстно сжимая ее в своих объятиях. – Мы вернемся... он благословит нашу любовь и наш союз.

Маргарита вздохнула, и слезы скатились по ее щекам. Лошадь продолжала мчаться вперед. Скоро она остановилась у дверей хижины, на пороге появились дровосек и его жена и,

взглянув на Гонтрана и на молодую девушку, ушли по знаку Гонтрана. Он хотел избавить Маргариту от стыда краснеть перед такими негодяями.

– Простите меня за то, что я привез вас сюда, но мы должны остаться здесь до завтрашнего вечера; так нужно. Завтра вечером почтовая карета будет ждать нас на опушке леса и отвезет в Париж.

Мадемуазель де Пон с гадливостью осмотрелась кругом и вспомнила свой хорошенький голубой будуар, где она проводила дождливые дни; слезы выступили у нее на глазах. Но Гонтран стал перед нею на коленях, плакал и умолял, и говорил так страстно. Да притом уже поздно было думать о возвращении.

– Маргарита, – сказал Гонтран, – вы чисты, как ангел, и оставайтесь такой, пока сам Бог, через руки своего служителя, не отдаст мне вас в жены. Смотрите на меня, как на брата.

Де Ласи оставил молодую девушку одну в бедной каморке, а сам, не раздеваясь, лег на скамью, между тем как дровосек с женой примостились на куче сухих листьев.

XXXII

В то время как мадемуазель де Пон и ее похититель нашли себе приют в жилище дровосека, в ожидании, когда пройдет ночь и день и наступит их окончательный отъезд, барон и его племянник д'Асти ночевали в Монгори. Первый, утомленный охотой, скоро заснул мирным сном, а второй, вместо того, чтобы лечь спать, вышел из замка через калитку, которая вела в лес.

Была полночь, весь замок был погружен в сон, и д'Асти был вполне убежден, что его отсутствие не будет замечено. Он пошел по дороге, пролегающей между Монгори и замком барона де Пон, по той самой дороге, по которой когда-то ехали Гонтран и Маргарита. Пройдя быстрыми шагами около часу, шевалье остановился и, приложив два пальца к губам, свистнул наподобие шаунов во время Вандейской войны. Две секунды спустя из глубины долины раздался в ответ такой же свисток. Тогда шевалье д'Асти сел на камень, лежавший у края дороги, и начал ждать.

Дорога, где он находился, шла справа уступами, довольно высокими и крутыми, в этом месте заграждавшими течение Ионны. Среди этих скал извивалась тропинка, проложенная пастухами и дровосеками. Вскоре он увидел человека, поднимавшегося по тропинке так быстро, насколько позволяла ее крутизна, и беспечно что-то насвистывавшего сквозь зубы.

– Жюльен! – окликнул его д'Асти.

– Я самый! – отвечал тот.

Если бы де Ласи очутился здесь, то он узнал бы в подошедшем того самого лакея из Кламеси, который должен был на следующий день привезти ему почтовую карету.

– Есть новости? – спросил д'Асти.

– Да, сударь.

– Я прискакал сюда из Кламеси во всю мочь.

– Видел ты его?

– Конечно. Он обещал мне 50 луидоров, если я доставлю ему карету.

– Когда?

– Завтра вечером.

– Где ты должен ждать его?

– У леса, через который проходит дорога из Кламеси в замок де Пон.

– Превосходно, – пробормотал шевалье, – мне везет, все исполняется по-моему.

Злая улыбка мелькнула на губах шевалье.

– А она? – спросил д'Асти.

– Она ждет, когда можно будет отправиться в замок.

– Отлично! Завтра утром, ровно в десять часов, она может явиться туда.

– Теперь полночь, – сказал лакей, – я буду в Кламеси только на рассвете.

– Иди, да поторапливайся.

Лакей поклонился и проворно спустился по тропинке, а шевалье, направившийся в замок Монгори, услышал удаляющийся конский топот.

– А! Дорогой маркиз, – прошептал с иронией д'Асти, – я верну свою жену, несмотря на вашу любовь. Бедный безумец! У вас не хватит сил бороться со мною, и только со шпагой в руке вы могли бы одолеть меня, но и это меня не пугает; вы член нашего общества, а волки не едят друг друга...

Шевалье вошел в замок никем незамеченный. Де Пон преспокойно спал, а его племянник считал тем временем миллионы, которые Маргарита принесет ему в приданое; старый маркиз Флар-Монгори страдал бессонницей. Страсть у стариков всегда сильнее и опаснее. В течение сорока лет де Монгори питал отвращение к браку и имел мало общего с женщинами; но теперь,

серьезно задумав жениться, он страстно, безумно полюбил Маргариту и ревновал ее ко всему, считая дни и ночи, отделявшие его от блаженства, как узник считает часы, оставшиеся ему до дня освобождения. Вот эти-то мечты и не давали спать маркизу. Тем не менее, в четыре часа утра, вдоволь намечтавшись о своем прекрасном будущем, он заснул. Но его тревожный сон, вместе того, чтобы служить продолжением его чудной мечты, давил его как кошмар. Влюбленный старик видел себя во сне дряхлым подагриком около молодой и красивой жены. В этом грустном замке, где он скрыл свое сокровище от всех глаз, он видел себя одиноким, покинутым у очага, с нахмуренным лицом, взбешенным... Она убежала... убежала навсегда вслед за прекрасным соблазнителем с медовыми речами, не пожалев своего мужа, который умрет от горя. Де Монгори проснулся, весь дрожа, с холодным потом на лбу. Начинало светать; маркиз встал, открыл окно, и утренняя свежесть охватила его пылающую голову.

– Я видел страшный сон, – прошептал он. К счастью, – прибавил он, мало-помалу успокаиваясь, – Маргарита прекрасна и умна... Я буду счастливейшим из мужей.

В это утро он должен был завтракать у невесты, а потому приложил все старания, чтобы одеться как можно элегантнее. Одевшись, он вышел к гостям, уже ожидавшим его на дворе, куда им привели оседланных лошадей. Шевалье, ночное путешествие которого осталось для всех тайной, казался хорошо выспавшимся и был весел. Барон, наоборот, был чем-то озабочен.

– Что с вами, дядя? – спросил д'Асти, когда подошел маркиз.

– Сам не знаю что, – ответил де Пон, – но я чувствую какое-то сильное беспокойство... мне кажется, что должно случиться что-то страшное.

Де Монгори невольно вздрогнул, но промолчал.

– Ну, едемте, – небрежно сказал шевалье. – Вы, дядя, самый счастливый из смертных, и я не понимаю, что может волновать вас.

– Сам не знаю, – прошептал барон. – Едем в Пон; я не знаю... но я видел во сне Маргариту...

Маркиз снова вздрогнул.

– Во сне я все искал ее, – продолжал барон, – и не находил.

Де Монгори вздрогнул и вскочил на седло с проворством юноши.

«Ого, – подумал д'Асти, – поневоле поверишь в предчувствия!»

Три всадника поскакали по дороге в замок де Пон, куда и приехали через час. У дверей замка барон де Пон заметил идиота Нику, который, взглянув на него и его спутников, захохотал.

– Ха-ха-ха! – воскликнул он. – Вот они, принцы... отец и возлюбленный княжны... вот они! Но они не получают ее, ни тот, ни другой... нет... нет!

И, говоря это, идиот полез в карман и вытащил кожаный кошелек, в котором загремело несколько медных монет.

– И я не получу ее... – добавил он грустно, – а другой.

– Бедный сумасшедший! – прошептал де Монгори.

– Не настолько, как вы думаете, – заметил шевалье.

– Почему?

– Потому, – продолжал, улыбаясь, шевалье, – что он понял, что для того, чтобы жениться, будь то на крестьянке или на княжне, нужны деньги.

Де Монгори бросил в шляпу нищего два эку.

Чтобы объяснить присутствие Нику у ворот замка, надо вспомнить, что накануне он проводил Гонтрана до хижины дровосека, а затем обратно до входа в парк, где де Ласи привязал свою лошадь. Там нищий вторично спрятался в нескольких шагах от Гонтрана и начал ждать. Спустя несколько минут он снова увидел Гонтрана, несшего на руках что-то белое; затем он видел, как тот вскочил на лошадь и быстро ускорился... У идиота наступило минутное просветление. Он догадался обо всем, понял все... Нику хотел закричать, но ни один звук не вылетел

из его груди; он хотел бежать за похитителем, но ноги отказались служить ему, и Нику стоял неподвижный, без голоса; безумие снова овладело им, и вместе с безумием он забыл о случившемся; однако силы скоро вернулись к нему, и Нику преспокойно направился к замку, напевая свой излюбленный мотив. Нику зашел на кухню, где ему дали поужинать, потом вместо того, чтобы тотчас же отправиться в Шатель-Сенсуар, бедный малый подсел сначала к огню, а потом, перешагнув порог, уселся у двери и задумался.

– Он ночует здесь, – сказал управляющий барона, – сведите его в собачью конуру.

И Нику лег около собак, на подстилке. На другое утро, прежде, чем отправиться в деревню просить подаяние, он сел и старался припомнить все случившееся накануне и, разумеется, вспомнил, если так насмешливо приветствовал шевалье и де Монгори. «Они не получают ее, ни тот, ни другой, ни даже я!»

XXXIII

Войдя в вестибюль замка под впечатлением мрачных предчувствий, де Пон чувствовал, как сердце его тоскливо сжимается и, встретив первого попавшегося лакея, спросил его:

– Барышня встала?

– Нет, господин барон, мы еще не видали ее сегодня.

– Разве она больна? – нахмурившись, прошептал барон. – Она всегда встает в восемь часов.

В это время мимо проходила горничная Маргариты.

– Барышня еще не звонили, – сказала она.

Де Пон, подозревая недоброе, оставил племянника с де Монгори и быстро поднялся в комнату дочери. Он постучал, но не получил ответа. Кровь застыла в жилах бедного отца, который, предчувствуя несчастье, повернул ключ в двери. Он вошел. Комната была пуста, кровать не смята.

– Маргарита! – крикнул барон. – Где ты?

Он открыл дверь хорошенького будуара, напоминавшего гнездышко голубки... Будуар также был пуст. Только на камине лежало письмо. Де Пон схватил его, быстро пробежал, и руки его опустились. Барон остолбенел, глаза его остановились на прощальном письме дочери. Он вскрикнул... это был крик львицы, у которой отняли ее детеныша и которая находит свою берлогу пустой. На этот крик сбегались слуги, а за ними шевалье и де Монгори. Все остановились на пороге, пораженные видом старика, глядящего на пустое гнездо улетевшей голубки. Шевалье д'Асти, которому одному была известна причина горя де Пона, подошел к нему и воскликнул:

– Боже мой! Дядя! Что с вами? Голос его дрожал... Он был бледен.

– Возьми и читай, – прошептал старик, протягивая ему письмо.

Шевалье взял его, прочитал и воскликнул:

– О, вероломство!

Де Монгори, ничего не понимавший, вырвал письмо из рук шевалье и в свою очередь прочел его. Едва он взглянул на письмо, где Маргарита писала, что любит Гонтрана и чувствует отвращение к старику, как он понял все... Маргарита была потеряна для него. Маргарита будет женою другого... и род Фларов угаснет.

Лицо старика, сначала бледное, как у мертвеца, вдруг побагровело, глаза налились кровью и, казалось, вышли из орбит. Маркиз вскрикнул и упал на пол. Маркиз де Флар-Монгори, последний отпрыск славного рода, упал мертвым, пораженный апоплексическим ударом... Он умер на глазах своего старого друга, на дочери которого хотел жениться, а его старый друг стоял мрачный и печальный, напоминая собою статую отчаяния.

Все окружили маркиза, умершего так внезапно, что в смерть его никто не хотел верить. Д'Асти, схватив руку де Пона, сказал ему:

– Дядя, милый дядя... Гонтран благороден... Он женится на Маргарите... Наша честь будет спасена!

Но в эту минуту, как будто сама судьба решила опровергнуть слова шевалье, дверь открылась и в комнату вошла женщина, одетая во все черное. Она была бледна и грустна и имела вид покинутой жертвы. Женщина прошла мимо удивленных слуг и направилась прямо к убитому горем отцу.

– Барон, – сказала она, – я скажу вам одно слово, назову одно имя, и вы все поймете. Вашу дочь обольстил и увез Гонтран де Ласи. Я пришла присоединить мое горе к вашему и предложить вместе отомстить ему!

Эта женщина стояла так униженно и робко перед де Поном, который предавался мрачному отчаянию, что он спросил ее:

– Кто вы, сударыня, и какое мне дело до вашего горя и мести?

– Барон, – продолжала женщина, опуская глаза, но спокойно, – я была бедная девушка, обольщенная, как и ваша дочь; меня похитили, тайно повенчали и тщательно скрывали от глаз света... Теперь я покинутая, обманутая и презираемая жена.

Она остановилась и взглянула на барона, как бы желая убедиться в том, какое впечатление произвели на него ее слова.

– Я маркиза Гонтран де Ласи! – dokonчила она.

– О, небо! – прошептал шевалье.

– Женат! – вскричал барон и пошатнулся пораженный, как человек, не сознающий, жив он или нет.

– Хорошо разыграно, Леона! – шепнул в это время д'Асти, одобрительно посмотрев на авантюристку – ибо это была она, – явившуюся по приказанию полковника Леона.

В зале воцарилось зловещее молчание; отец был осрамлен в присутствии своих слуг, понявших, что их молодая госпожа бежала из родительского дома. Вслед затем раздались ропот и угрозы похитителю. Пораженный отец выпрямился, глаза его сверкали гневом, сердце было полно негодования.

– О, горе ему! Горе, он умрет от моей руки.

– Вы ошибаетесь, дядя, – сказал шевалье д'Асти. – Я ваш племянник и обязан отомстить за наш позор!

Д'Асти сказал это с таким достоинством и возмущенным видом, что все поверили ему.

Вдруг в зале появилось новое лицо – идиот Нику. Вид у него был задумчивый; казалось, он что-то старался припомнить. Взглянув на присутствующих, на искривленное гневом лицо де Пона и на труп де Монгори, он понял все.

– Ах, – сказал Нику, – отец и возлюбленный княжны... возлюбленный умер; отец разгневан... княжна уехала...

Так как почти никто не обратил внимания на слова сумасшедшего, то он прибавил:

– А я знаю, где она...

– Ты знаешь? – вскричал д'Асти. – Так едемте скорее! Дядя, едемте!

– Да... вчера ночью, – продолжал идиот, припоминая, – они уехали... она у каторжника. Это имя вызвало всеобщий ужас.

– Едемте! Едемте! – повторил идиот. – Я провожу вас.

– Едем, дядя, скорее! – торопил шевалье.

XXXIV

Гонтран и Маргарита провели ночь в хижине каторжника. Гонтран проспал одетый на скамье перед хижиной, а Маргарита на единственной кровати внутри дома. Молодая девушка провела ужасную ночь, думая о родительском доме, где прошло ее детство и куда она больше не вернется... отныне ей предстояла жизнь скитальческая, и единственным руководителем ее будет любовь. Всю ночь Маргарита не сомкнула глаз, тогда как Гонтран де Ласи, разбитый усталостью и пережитыми волнениями, забылся тяжелым сном, полным страшных сновидений, который обыкновенно наступает после крайнего утомления. Давно уже наступил день и солнце заливало хижину потоками света, когда он проснулся. Маргарита стояла на пороге, бледная, грустная и с любовью смотрела на Гонтрана. Для нее с этих пор он составлял все будущее, весь мир.

– Ах, – прошептала Маргарита, – какая ночь! Какая ужасная ночь!

Она обняла Гонтрана и продолжала:

– О, бежим... бежим сейчас же... иначе у меня не хватит сил... бедный отец!

Де Ласи почувствовал головокружение.

– Но это невозможно! – прошептал он, – нужно подождать... подождать еще немного; почтовая карета приедет только вечером.

Не успела Маргарита возразить, как раздались быстрые шаги за дверью хижины, и каторжник, стороживший по приказанию Гонтрана всю ночь, вбежал растерянный в хижину и закричал:

– Сударь, сударь... в лесу слышен конский топот... бегите... за вами погоня!

Маргарита вскрикнула и бросилась в глубину комнаты, бледная, растерявшаяся, страшась увидеть грустное и убитое лицо отца.

Де Ласи, подобно солдату, спокойно ожидающему неприятеля, стоял неподвижно, скрестив руки на груди, приготовившись встретиться лицом к лицу с человеком, который явится потребовать у него свою дочь.

«Она чиста, – скажет он отцу девушки... – я уважаю ее... но она моя, и я хочу назвать ее своей женой».

Конский топот приближался. Слышны были уже голоса. Вдруг на пороге хижины обрисовался силуэт женщины... Гонтран вскрикнул и отшатнулся: перед ним стояла спокойная и презрительно улыбавшаяся Леона. Увидев незнакомую женщину, смотревшую на Гонтрана с презрением, мадемуазель де Пон так же, как и Гонтран, отступила на шаг.

Леона прошла мимо Гонтрана и направилась прямо к молодой девушке:

– Знаете ли вы, сударыня, какую гнусную ловушку расставил вам мой муж?

– Муж? – воскликнула пораженная Маргарита.

– Я маркиза Гонтран де Ласи, – холодно сказала авантюристка.

Голос этой женщины, которая лгала, звучал так искренне, что пораженный Гонтран ошолобенел от такой дерзости, а Маргарита спрашивала себя, не снится ли ей страшный сон.

В это время в хижину вошли шевалье и барон. Вид у барона был ужасный. Лицо его побагровело от негодования, глаза метали молнии. Шевалье был спокоен и держал себя с достоинством человека, подготовившегося исполнить великую миссию.

Барон подошел к Гонтрану, все еще стоявшему неподвижно.

– Негодяй, – крикнул он, заноса над ним хлыст.

Но чья-то рука остановила руку барона, готовую нанести удар: это Маргарита встала между отцом и своим соблазнителем.

Фамильная гордость проснулась в молодой девушке, и мадемуазель де Пон, презрительно взглянув на маркиза, сказала отцу дрожащим голосом:

– Не бейте этого человека, отец.

Затем, обратясь к Гонтрану, она прибавила:

– Сударь, предложите руку вашей жене, маркизе Гонтран де Ласи, и уходите вон!

Маргарита взяла под руку отца и увлекла его из хижины, а шевалье д'Асти шепнул Гонтрану:

– К чему вы принимаете все так близко к сердцу?

И, оставив пораженного и все еще неподвижного маркиза, шевалье догнал барона.

– Дядя, – сказал он ему, – на чести де Понов не может лежать пятна ни одной минуты, а потому окажите мне честь и позвольте мне жениться на кузине.

Маргарита вскрикнула и протянула руку шевалье.

– У вас благородное сердце, кузен... – сказала она. – Я буду любить вас всю жизнь.

«Бедный Гонтран, – подумал шевалье, – бедный глупец».

Неделю спустя, оплакивая свою погибшую любовь, Гонтран вернулся в Париж в сопровождении Леоны, не в силах будучи порвать цепь, связывавшую его с нею.

Часть II. Товарищи любовных походов

I

Приступая ко второму эпизоду нашей длинной и мрачной истории, необходимо вернуться за несколько месяцев назад, к тому времени, когда полковник Леон еще и не помышлял об основании общества «Друзей шпаги».

В начале зимы 1837 г. барон Мор-Дье все еще продолжал жить в деревне и не думал о возвращении в Париж. Несмотря на то, что настал уже декабрь, барон Мор-Дье жил в своем имении, носившем то же имя и расположенном в глубине Берри, между Шатром и Шатору.

Замок Мор-Дье, построенный в современном стиле, представлял собою красивый, окруженный парком дом, роскошно меблированный и обставленный наподобие вилл в окрестностях Парижа. Барон Мор-Дье большую часть года проводил в своем имении: причиной тому была, быть может, мизантропия, а может, и желание остаться наедине с молодой женой. Женатый вторично, барон Мор-Дье, несмотря на свои пятьдесят пять лет, был еще довольно бодр на вид и обещал, по-видимому, прожить долго, если судить по его почти черным волосам и стройному прямому стану, но более внимательный наблюдатель заметил бы следы болезни, подтачивавшей здоровье графа. Его бледное, с глубокими морщинами лицо носило отпечаток всех перенесенных им физических страданий и житейских бурь, а помутившийся взор оживлялся, и то мимолетно, только в минуты гнева. Врач сразу решил бы, что барону Мор-Дье не прожить и двух месяцев, и этот человек, казавшийся долговечным, должен был умереть тихо, внезапно, угаснуть, как догоревшая лампа.

В один из декабрьских вечеров, незадолго до Рождества, барон Мор-Дье сидел у камина в большой зале своего роскошного дома, устремив глаза на огонь и грустно опустив голову, с видом человека, погруженного в созерцание прошлого и не находившего в нем ничего утешительного. Рядом с ним за пальцами сидела баронесса и нежно, с любовью смотрела на него. Баронессе Мор-Дье было не более тридцати лет. Высокая брюнетка, с голубыми глазами, с черными, как смоль, волосами, с красными губами и грустной улыбкой, она была очаровательна; ее классически правильное энергичное лицо смягчалось выражением ангельской доброты. Баронесса Мор-Дье принадлежала к числу тех редких женщин с золотым сердцем, с сильной и мужественной душой, которые, по-видимому, рождены для того, чтобы исполнить свою миссию на земле, и безропотно несут свой крест. Она была пятой дочерью бедного бретанского дворянина. Для ее семьи ее брак с бароном Мор-Дье был одной из тех сделок, которые в нашем обществе совершаются не краснея; что же касается ее самой, то она подчинилась непонятному влечению и симпатии, которые ей внушал этот грустный, разбитый жизнью старик, казалось, перенесший все житейские бури.

Баронесса вышла замуж за старика из самоотвержения, находя поэзию и в милосердии, и в этом отношении она поступила как истая дочь Бретани; в течение трех лет, которые она провела с этим угасавшим от подтачивавшего его нравственного страдания стариком, она окружала его заботами, неусыпным попечением и вниманием, живя в деревне только наедине с ним, в то время как он, погруженный в свои думы, не произносил иногда ни одного слова в продолжение целых часов, как бы снедаемый угрызениями совести.

Зимой, в январе барон Мор-Дье обыкновенно уезжал из своего имения в Париж для того только, чтобы запереться в огромном, мрачном отеле на улице Св. Доминика, где он очень редко принимал гостей, где люстры никогда не сверкали огнями и никогда не раздавался балльный оркестр. Баронесса Мор-Дье не тяготилась, однако, этим полнейшим одиночеством; она переносила такой образ жизни с полным самоотвержением, и никогда роптание не срывалось с

ее губ, а морщина неудовольствия не появлялась на ее гладком, как слоновая кость, челе; губы ее всегда грустно и нежно улыбались, когда ее старый супруг взглядывал на нее.

Барон, давно уже рассеянно смотревший на огонь в камине, вдруг поднял голову и обратил свой мутный взор на жену.

– Аврелия, – сказал он, – подойдите и сядьте рядом со мной... мне надо поговорить с вами.

Баронесса встала, придвинула свой стул к креслу барона и подставила ему свой белый лоб, который он отечески поцеловал.

– Дитя мое, – начал барон, взяв ее руку. – Я уже давно собираюсь побеседовать с вами... теперь это необходимо... я не могу дольше ждать... смерть близка...

– Барон!.. – прервала его с волнением молодая женщина.

– Я это чувствую, – продолжал он спокойно, – но не в этом дело... Выслушайте меня...

И барон Мор-Дье нежно посмотрел на жену, как бы благодаря за ее самоотверженность.

– Простите меня, Аврелия, – продолжал он, – что я загубил вашу молодость, ваше будущее, вашу жизнь, полную надежд, которую вы посвятили мне, разбитому и одинокому старику.

– Ах, барон, – прошептала баронесса, – разве с вами я не счастливейшая из женщин?

Барон с благодарностью пожал ее руку.

– Вы добры, – сказал он, – и благородны; вы ангел, и Бог вознаградит вас за это. Но знаете ли, Аврелия, что, женись на вас, я думал прожить не более полугода, так велико было горе, снедавшее меня.

Баронесса с ужасом посмотрела на мужа, и взгляд ее, казалось, говорил: «Значит, вы сильно страдали!»

– Да, – ответил он, поняв ее взгляд, и прибавил: – Я чувствовал приближение смерти, дитя мое, и, женись на вас, надеялся оставить вас молодой, богатой вдовой, блестящее положение которой дало бы возможность красивой и добродетельной женщине вступить в новый брак.

– Молю вас! Не говорите так... – пробормотала взволнованная баронесса. – Разве для меня не счастье служить вам, быть подле вас, жить с вами... долго-долго, – прибавила она, улыбаясь и обнимая своими прекрасными руками шею старика. – Да, друг мой, я буду еще больше заботиться о вас, сделаюсь еще внимательней!..

Глаза старика наполнились слезами.

– Вы ангел! – сказал он.

– Я люблю вас... – ответила баронесса.

– Ну, так выслушайте же меня, – продолжал барон. Молодая женщина протянула ему свои руки, которые он почтительно поцеловал.

– Дорогое дитя, – сказал он, – вы еще не знаете, что задолго до нашей свадьбы я любил вашу старшую сестру.

– Мою сестру? – спросила удивленная баронесса.

– Да, вашу сестру, госпожу де Берн, теперь уже покойницу, единственный сын которой, офицер, служит в Африке. Позвольте мне рассказать вам эту странную историю, Аврелия, и вы увидите, как вы были дороги для меня еще задолго до того времени, когда я решился предложить вам принять мое имя.

Баронесса Мор-Дье слушала мужа с любопытством, свойственным исключительно женщинам.

– Вслед за террором, – продолжал барон, – воцарился более мягкий режим директории, и некоторые эмигранты начали возвращаться во Францию после долгого отсутствия; в числе их были ваш отец, де Берн и я.

Ваш отец, шевалье де Кергас, вернулся с многочисленным семейством, состоявшим из четырех дочерей и сына, и притом без всяких средств, как и многие другие эмигранты, имущество которых было конфисковано и продано конвентом.

Де Берн был счастливее: его честный управитель, преданный ему, прикинулся крайним приверженцем республики и при помощи этого обмана сохранил обширные поместья своего господина, перекупив их с тем, чтобы возратить их последнему, как только позволит то изменившаяся политика. Де Верну и мне было по двадцати пяти лет, а вашему отцу лет сорок. Вас в то время еще не было, а вашей сестре Мальвине было шестнадцать лет. Вы знаете, как она была прекрасна. Я страстно полюбил ее и хотел просить ее руки, как вдруг заметил, что де Берн также любит ее. Он был богат – я беден; он был красив, остроумен и мог нравиться женщинам. Поняв, что Мальвина будет счастлива, я стушевался, ища в преданности силы для борьбы против этой любви.

Де Берн женился на Мальвине. Как она была счастлива, вам это известно, но вы не знаете того, что я женился на вас потому, что в глазах света, по крайней мере, вы тетка Октава де Верна, который служит теперь в Африке.

– Что значат ваши слова? – со все возрастающим удивлением спросила баронесса.

– Подождите. Потеряв Мальвину, я в течение нескольких месяцев боялся умереть от отчаяния; потом случай свел меня с одной из тех женщин, которые имеют роковое влияние на всю жизнь мужчины. Эта женщина сделалась госпожой Мор-Дье; я женился на ней два года спустя после свадьбы Мальвины. Я полюбил ее так же горячо и страстно, как любил вашу сестру. Но, увы! Первая любовь и вторая ничего не имеют между собою общего. В первый раз мы любим более рассудком, и от любви этой излечиваются скорее; вторая захватывает только сердце, и от нее умирают. Я любил свою жену, как, по всей вероятности, ангелы любят своего Создателя; я любил ее так сильно, что был рад, что отказался от Мальвины.

Барон Мор-Дье провел рукой по бледному, нахмуренному лбу, как бы стараясь отогнать от себя какое-то ужасное видение.

– Ах, – сказал он, – в течение двух лет я был счастлив безгранично. У госпожи Мор-Дье родился сын и, стоя между этой женщиной и колыбелью ребенка, я считал себя счастливейшим из смертных...

Барон остановился, встал с кресла и направился к бюро; открыв его, он вынул оттуда объемистый, тщательно запечатанный пакет.

– Возьмите, – сказал он, подойдя и протягивая его жене. – Здесь хранится мое завещание. Этим завещанием вы назначаетесь наследницей всего моего состояния с условием, что вы, в свою очередь, после вашей смерти передадите состояние Октаву де Верну, а при жизни будете выплачивать ему ежегодно по двадцати тысяч франков. Вот для чего, Аврелия, я женился на вас.

Госпожа Мор-Дье вскричала:

– Вы безумец! У вас есть сын, который носит ваше имя, и АН ваш единственный законный наследник.

– Вы ошибаетесь, – возразил барон, – у меня нет законного сына. Да, действительно, на свете есть человек, носящий имя шевалье Мор-Дье, к которому после моей смерти перейдет титул барона; человек, которого свет признает за моего сына...

– И что же? – спросила взволнованная баронесса.

– Неужели вы не угадали, что наступил день, когда бесчестие коснулось моего дома; эта женщина, в любовь которой я так сильно верил, изменяла мне, а колыбель заключала в себе следы преступления и живое доказательство моего несчастья? Что я перечувствовал в эти двадцать лет, ни один человеческий язык не в состоянии передать, какую власть над собой пришлось мне употребить и насколько сильно было во мне уважение к своему имени, чтобы не убить эту женщину и этого ребенка, никто не был бы в силах рассказать. Наконец, она умерла, и ее ребенок покинул мой дом. Тогда я вздохнул свободно, как вздыхает невинно осужденный, когда его избавляют от тяжелого соседства с преступником. Я вернул ему состояние его матери;

что же касается моего состояния, которое мне возвратило правительство, то он не получит из него ничего и никогда!

Баронесса Мор-Дье слушала мужа, опустив голову и со слезами на глазах. Она понимала, что должен был выстрадать этот человек, живя под одною кровлей с изменившей ему женою и чужим ребенком; но единственно, чего она не могла понять, это отчего он избирает своим наследником именно Октава де Верна.

– Разве у вас нет других родственников, кроме моего племянника? – спросила она.

– Слушайте дальше, и вы поймете все. Де Верн был моим другом, а Мальвина, которую я так любил, сделалась для меня сестрою. Мы жили вместе в Париже и виделись ежедневно. Когда удар разразился над моею головою, они поддержали меня. Они одни знали мой позор, и только они дали мне силы дотянуть до конца. Пять лет они были женаты, но их союз не дал плода.

Однажды вечером я пришел к ним. Новорожденный ребенок кричал под моим плащом; я положил его на колени Мальвины и сказал:

– У вас нет сына, сестра моя, вот он. Усыновите его, потому что он мой.

Этот ребенок, как вы, конечно, догадываетесь, Аврелия, был плодом незаконной связи, в которой несчастный муж искал утешения или, вернее, забвения. Я должен был отобрать его у матери, потому что она не могла бы дать ему имени, и я принес его к вашей сестре, умоляя ее усыновить его. Ваша сестра взяла новорожденного, к себе, вернувшись из путешествия, которое они предприняли в Италию, господин и госпожа де Верн записали ребенка как своего сына и окрестили его под именем Октава де Верна. Теперь вы поняли?

– Поняла, – пробормотала баронесса.

– Тайна эта тщательно скрывалась, – продолжал старик. – Даже сам Октав не знает, что он мой сын, но вы это знаете и передадите ему наследство его отца.

– Клянусь вам! – прошептала баронесса.

Два месяца спустя барон Мор-Дье скончался после кратковременных страданий на руках у благородной и святой женщины, которая отдала ему свою молодость и любила его до самопожертвования. Он умер, обратив взор в ту сторону, где находился его действительный сын, сжимая руку баронессы и заставив ее повторить еще раз клятву, что человек, носящий имя барона Мор-Дье, не получит его наследства.

Барон обставил свое завещание всеми законными формальностями, чтобы лишить наследства своего мнимого сына. Фиктивная продажа, отчуждение из имущества той части, которой отец может располагать по своему желанию, – все было пущено в ход, все было совершено по закону.

Новый барон Мор-Дье кричал от бешенства, оспаривал законность завещания, однако проиграл процесс во всех инстанциях. Без сомнения, он потерял бы всякую надежду вернуть наследство, если бы к нему на помощь не явилось вновь организованное, как раз в год смерти барона Мор-Дье, общество «Друзей шпаги».

Однажды утром, несколько дней спустя после драмы, разыгравшейся в Монгори и в замке Пон, вслед за которой шевалье д'Асти женился на мадемуазель де Пон, своей кузине, полковник Леон явился к барону Мор-Дье, завтракавшему вдвоем с Эммануэлем Шаламбелем.

– Позвольте узнать, – обратился полковник к последнему, – как вы находите деятельность нашего маленького общества? Благодаря ему устранен генерал де Рювиньи, маркиз де Монгори умер накануне брака, и теперь никто не может уже оспаривать у вас имени Флар-Монгори.

– Вы правы, – дорогой полковник, – ответил адвокат, уже утешившийся в смерти своего приемного отца. – Я вам очень признателен.

– Но это еще не все, – сухо продолжал полковник. – Теперь вы должны оказать услугу мне и нашему обществу.

– Что прикажете сделать? Я к вашим услугам.

– Вы должны жениться.

– Что? – удивился Эммануэль. – Прошу объяснить точнее.

– Вы должны жениться на женщине без всяких средств, сначала влюбив ее в себя, что очень не трудно, так как вы красивый малый.

– Гм, без средств... зато у меня более трехсот тысяч ливров годового дохода.

– Тем более основания не гнаться за приданым. Однако я неточно выразился, сказав, что у этой женщины нет состояния; напротив, она очень богата, только имущество, которым она владеет, не ее, и она обязана вернуть его.

Эммануэль с удивлением взглянул на полковника.

– Эта женщина, – продолжал последний, – госпожа Мор-Дье, мачеха барона, нашего гостя. Ей нет еще и тридцати лет, она добродетельна, красива и у нее только одна безумная страсть – ее племянник, от которой мы постараемся излечить ее. Вы слышите, барон?

– Да, – знаком ответил барон.

– Итак, – спросил адвокат. – Вы меня осуждаете безапелляционно?

– А разве вы не осудили генерала?

– Однако...

– Друг мой, – ответил полковник насмешливо, – если бы генерал был жив, то вы назывались бы Шаламбелем всю вашу жизнь.

– Ваша правда, – пробормотал адвокат и опустил голову.

– А если бы де Флар-Монгори женился на мадемуазель де Пон, то вы остались бы без гроша.

Эммануэль поник головой, как человек, решившийся повиноваться.

Мы видим теперь, что общество решило бороться против последней воли барона Мор-Дье и что его вдова, оплакивавшая своего старика супруга, даже и не предчувствовала той бури, которая собиралась над ее головою и грозила нанести удар ее сердцу и жизни человека, которого она взяла под свое покровительство.

II

«Полковник Леон капитану Гектору Лемблену.

Дорогой капитан!

В ожидании, пока кончится срок траура госпожи баронессы Марты де Флар-Рювины, вот каких услуг ожидает от вас наше общество. В Африке, в отряде стрелков, есть офицер, с которым нам надо свести кое-какие счета. Имеющий уши да слышит! Вы уже бывали в Алжире, а барона де Рювины, который мог бы уличить вас в дезертирстве, уже нет там. Прощайте.

Полковник Леон.

Р. С. Лейтенант де Верн, о котором идет речь, один из лучших стрелков в армии».

III

Месяц спустя после отправки вышеприведенного письма офицер, лицо которого покрылось загаром от жгучих лучей африканского солнца, явился один, вооруженный простым ятаганом, в форт Константину, недавно занятый французской армией, на стенах которого развевалось трехцветное французское знамя. Военный мундир его обратился в лохмотья, а голову его прикрывала красная шерстяная чалма; должно быть, он шел босой в течение нескольких дней, потому что ноги его были все в крови и в ранах. Болезненное выражение лица, тусклый лихорадочный взор, отросшая нечесаная борода изменили до неузнаваемости этого офицера, бывшего четыре месяца назад одним из самых блестящих в полку.

Он направился к зданию, обращенному в казармы, где расположились африканские стрелки, и спросил одного из часовых:

– Узнаешь ты меня?

– Нет... нет, господин офицер, – ответил солдат, догадавшийся по лохмотьям мундира о чине вопрошавшего.

– Я капитан Лемблен, – ответил тот.

– Капитан Лемблен! – вскричал удивленный солдат.

– Я.

– Не может быть!

– Почему?

– Потому что он умер.

– И воскрес, – сказал офицер, входя во двор импровизированной казармы.

Несколько офицеров в это время обучали на дворе солдат. Капитан подошел к ним и обратился с тем же вопросом, как и к часовому. Наконец все признали его. Внезапное исчезновение капитана некогда произвело большой шум. Но теперь, увидев Гектора Лемблена в лохмотьях, истощенного долгим рабством, все отказались от своего убеждения в том, что он дезертировал, и признали его пленником, которому для того, чтобы бежать, пришлось употребить огромную энергию, хладнокровие и ловкость. Капитан рассказал заранее сочиненную историю, которой все поверили. Только один из офицеров, лейтенант, посмотрел на капитана и сказал:

– Знаете ли, на свете есть человек, настолько похожий на вас, что его можно принять за вас!

– Вы шутите, де Верн! – воскликнул Гектор Лемблен, смущенный пристальным, холодным взглядом лейтенанта.

– Это вовсе не шутка.

– Однако?

– Я повторяю: на свете есть человек, настолько похожий на вас, что я принял его за вас.

– И вы его видели сами?

– Да, видел.

– Неужели?

– Я встретил его раз вечером.

– Где? – спросил капитан.

– В Париже, два месяца назад, на улице Вивьен, накануне моего отъезда; я был в отпуске всего на несколько дней.

– Это странно! – пробормотал капитан, вернувшийся в Африку единственно с целью затеять ссору с лейтенантом де Верном и увидевший в его словах превосходный предлог к ссоре, тем более, что он не мог набросить на него тени подозрения.

– И это тем более странно, – продолжал де Верн, – что и теперь я также нахожу сходство между вами и тем человеком, которого я видел в Париже.

– Но ведь вы могли заговорить с ним...

– Он имел осторожность убежать от меня.

– Сударь... – остановил лейтенанта капитан.

– Если это были не вы, то к чему же сердиться?

– Вы правы, но...

– А! – грубо вскричал лейтенант, – тут есть «но»...

– Именно.

– Отлично! Посмотрим...

– Сударь, – спокойно заметил капитан, – возможно, что существует человек, похожий на меня; возможно также, что вы встретили его, но вы позволите сомневаться в этом мне?

– Вы оскорбляете меня!

– Во всяком случае позвольте мне думать, что вы стараетесь набросить на меня тень подозрения, рассказывая эту историю в ту именно минуту, когда я только что сообщил своим товарищам по оружию о своем плене у арабов.

– Сударь, – холодно перебил его де Верн, – мы должны встретиться еще раз.

– Я рассчитываю на это.

– Завтра утром, на рассвете, на городском валу.

– Как вам будет угодно.

– Господа... – прервали их несколько офицеров, подходя к ним.

– Оставьте, господа, оставьте... – остановил их Гектор, – г-н де Верн заслуживает, чтобы ему дали урок, и он получит его.

Лейтенант подошел к офицеру и шепнул ему:

– Вы негодяй! У меня есть доказательства вашего дезертирства, и я мог бы отказаться от дуэли с вами; но, уважая ваш мундир, я принимаю вызов. Мы будем драться насмерть...

– Насмерть! – вскричал капитан, побледнев от злости.

IV

Гектор Лемблен провел беспокойную ночь. Слова лейтенанта де Верна могли поколебать доверие, установленное его рассказом о плене, и обесчестить его. Нужно было во что бы то ни стало погубить этого человека, и не столько подчиняясь приказанию общества, сколько в видах устранения последнего опасного свидетеля дезертирства.

Лейтенант де Верн участвовал в той самой экспедиции, во главе которой стоял капитан Лемблен и откуда он убежал.

Рассвет застал Гектора Лемблена уже на ногах. Всю ночь он не сомкнул глаз. Поспешно одевшись, он зашел за офицером, который должен был быть его секундантом, и поспешил на вал, окружавший Константино. Лейтенант Октав де Верн и его секундант были уже там. Лейтенант был настолько же спокоен и хладнокровен, насколько его противник был взволнован.

Противники поклонились друг другу, обменявшись взглядами, полными ненависти, и сняли верхнее платье.

– Мы будем драться насмерть, не правда ли? – спросил Гектор, вставая в позицию.

– Черт возьми! – воскликнул Октав де Верн. – Вы поступите умно, если убьете меня, так как убьете последнего свидетеля вашего низкого поступка. Солдат, ехавший в тот вечер рядом с вами, убит во время последнего сражения.

Это сообщение окончательно вывело капитана из себя. Они оба в совершенстве владели шпагой, но один из них сохранял хладнокровие, тогда как другой весь отдался порыву гнева. Поединок длился недолго. Гектор Лемблен нападал без передышки, забывая обороняться от ударов. Де Верн хотя также принимал удары, не обороняясь, но в то же время нападал очень слабо. Он даже отскочил на несколько шагов.

Трус, – закричал ему капитан, – ты отступаешь! Да, – ответил лейтенант. – Я отступаю, чтобы вернее напасть.

И, протянув руку в тот момент, когда Гектор Лемблен не ожидал нападения, он нанес сильный удар в грудь капитану... Гектор Лемблен упал, громко вскрикнув.

– Честное слово! – пробормотал лейтенант. – Я уверен, что этот человек мертв.

– Убит! – сказал в это же время и часовой, следивший за поединком с верхушки вала.

Однако Октав де Верн и часовой ошиблись.

Доктор, приглашенный немедленно, объявил, осмотрев капитана, что он может поправиться, но, по всей вероятности, долго пролежит в постели.

V

Три дня спустя после этой дуэли Октав де Верн, утомившись службой, подал в отставку и собирался уехать во Францию; но прежде чем покинуть Константину, повинувшись долгу рыцарской вежливости, который предписывает победителю справиться о состоянии здоровья побежденного, он явился к Гектору Лемблену. Капитан все еще находился между жизнью и смертью, однако, увидя Октава де Верна, решил, что хотя он и умрет, но все же отомстит за себя.

– Сударь, – обратился он чуть слышно к де Верну, прося его взглядом подойти поближе и давая этим понять, что хочет доверить ему тайну, – вы правы... я дезертировал, это меня вы встретили на улице Вивьен в Париже.

Лейтенант удивился этому признанию.

– Однако, – продолжал раненый, – я не могу умереть с сознанием, что вы считаете меня трусом и негодяем... У меня были слишком веские причины, чтобы бежать... слишком священные... А все же, – продолжал Гектор, – протягивая руку своему противнику, – вы не откажетесь исполнить просьбу умирающего?

– Говорите, я слушаю вас.

– Вы едете в Париж?

– Да.

– Прекрасно! Позвольте попросить вас сходить на улицу Гельдер, N 25, к полковнику Леону, бывшему офицеру, моему другу...

– Я пойду.

– Вы расскажете ему о нашей дуэли, о моей ране и скажете, что я прошу его объяснить вам мое поведение... И вы увидите тогда, что, несмотря на то, что я дезертировал, я не заслужил...

– Хорошо, – прервал его Октав, – я пойду.

– Вы дадите мне слово?

– Да.

И молодой человек великодушно протянул руку капитану, который судорожно пожал ее.

– Дурак! – пробормотал он, когда де Верн ушел. – Он избавляет меня от необходимости писать полковнику и сам подписывает свой смертный приговор... Если я умру, то умру, по крайней мере, отмщенный, а ты недолго переживешь меня.

Злая улыбка искривила лицо капитана при этой мысли, и он спросил себя, кому из членов общества «Друзей шпаги» выпадет на долю это дело.

VI

Октав де Верн уехал из Константины и Алжира. Высадившись в Марселе, он направился в Париж.

Три дня спустя бывший лейтенант, верный данному слову, явился на улицу Гельдер и подал свою карточку слуге полковника Леона. Полковник, одетый по-домашнему, с гаванской сигарой в зубах, сидел у камина после превосходного завтрака, когда слуга принес ему визитную карточку лейтенанта. У полковника закружилась голова, как у человека, у которого под ногами разверзлась пропасть.

«Бедняга де Верн, – размышлял десять минут назад полковник, – уже давно на том свете, и баронесса Мор-Дье, его тетушка, принуждена будет найти себе другого наследника».

В то время, как полковник предавался этим успокоительным размышлениям, ему вдруг подали карточку того самого человека, которого он считал умершим, и объявили, что он желает видеть полковника. «Следовательно, он не умер! В таком случае, значит, убит капитан Гектор Лемблен». Эта мысль сильно взволновала полковника. Страннее всего был визит де Верна, которого полковник не знал и даже никогда не видал. У полковника мелькнула мысль:

«Лемблен изменил нам! Он, должно быть, проговорился, умирая, и теперь де Верн пришел грозить мне карою правосудия».

Это подозрение привело в ужас главу общества «Друзей шпаги»; но, несмотря на сильное волнение, лицо его осталось совершенно спокойным.

– Попросите войти г-на де Верна, – сказал он, решившись пойти навстречу грозе.

Молодой лейтенант вошел и поклонился. Де Верн был одет в штатское платье, а его спокойное, улыбающееся лицо немедленно успокоило и полковника.

«Пустая тревога, – подумал он, – он ничего не знает».

– Сударь, – сказал Октав, садясь на предложенный полковником стул, – вы друг капитана Гектора Лемблена?

– Да, – ответил полковник, – вы желаете сообщить мне о нем?

– Увы! Сударь, грустные известия...

– Боже мой! Он умер? – перебил полковник.

– Нет, но он тяжело ранен. Полковник вздохнул с облегчением.

– Он ранен при осаде Константины?

– Нет, на дуэли.

– Он дрался... с...

– Со мною, – просто сказал Октав.

– С вами?

– Мы поссорились, и я имел несчастье тяжело ранить его прямо в грудь...

– Однако, – спросил полковник, тщетно старавшийся объяснить себе, к чему де Верн рассказывает ему все это, – есть хоть малейшая надежда спасти его?

– Я надеюсь, по крайней мере. Выйдя в отставку, я отправился навестить его, и он дал мне поручение к вам...

Эти слова были для полковника лучом света.

«Ну, – подумал он, – я напрасно заподозрил капитана; хотя он был неправ, дав почти убить себя, зато он послал ко мне этого молодого петушка. Теперь мне все ясно».

Полковник взглянул на Октава с намеренно подчеркнутым удивлением.

– В чем состоит ваше поручение?

– Капитан, – продолжал Октав, – сказал, что вы объясните мне, почему он дезертировал...

При этих словах полковник смутился и вообразил, что его хотят поймать в ловушку, но, увидев спокойное лицо молодого человека, он тотчас успокоился.

– Сударь, – прервал он Октава, – я носил мундир в течение тридцати лет и клянусь честью этого мундира, что капитан Лемблен должен был повиноваться самому священному долгу, нарушив свою присягу. Он должен был спасти существо, которое было для него дороже всего в мире, просить же отпуска в то время было невозможно. Эта тайна не принадлежит мне; вот все, что я могу сказать вам.

– Мне вполне достаточно вашего объяснения, – великодушно согласился де Берн. – Мне остается только пожалеть о моей дуэли с капитаном.

Лейтенант встал и простился, вполне удовлетворенный объяснением полковника.

VII

Как только затих стук колес кабриолета де Верна, полковник схватил перо и написал шевадье д'Асти следующее письмо:

«Дорогой шевадье!

Дурак Гектор Лемблен, которому я поручил спровадить на тот свет де Верна, дал проколоть себя как цыпленка; он жив, но очень плох и долго не будет в состоянии быть нам полезным. Вот причина, почему я должен нарушить ваш медовый месяц и поручить вашему вниманию прекрасного лейтенанта, приехавшего в Париж и только что вышедшего от меня. Никто из нас не может драться с ним: ни я, ни Мор-Дье, ни Эммануэль, собирающийся жениться на баронессе. Только Гонтран да вы можете взять на себя это дело. Но, как вам известно, Гонтран с каждым днем становится все более и более трусом, притом он уже убил генерала и похитил ту, которая теперь стала вашей женою. После своего последнего приключения он упал духом настолько, что я не могу теперь обратиться к нему. Он ничего не сможет сделать. Спешите же, друг мой, оставьте замок и вашу молодую жену, выдумайте какой-нибудь предлог – покупку лошадей, что ли, или свадьбу одного из ваших друзей, словом, что хотите. Но помните, что я жду вас через двое суток по получении вами этого письма. Де Верн, кажется, превосходно владеет шпагой. Быть может, было бы лучше воспользоваться правом оружия и остановиться на пистолетах, так как вы стреляете превосходно.

Затем шлю вам тысячу пожеланий лучшего.

Ваш полковник Леон».

Сложив и запечатав это письмо, полковник сказал себе: – Бедняжка де Верн не много выиграет. Он принес мне форму, чтобы отлить ту пулю, которою шевадье пронзит его грудь. О, судьба!

VIII

Господин и госпожа де Верн, умирая, оставили своему приемному сыну, воображавшему, что он их законный сын, двадцать тысяч франков годового дохода. Эта сумма вместе с двенадцатью тысячами франков, которые он получал от госпожи Мор-Дье, давала возможность молодому офицеру вести роскошный образ жизни и пользоваться удовольствиями. Полтора года назад у него умерли отец и мать, а вслед за ними и барон Мор-Дье; получая теперь тридцать две тысячи ливров годового дохода, де Верн решил подать в отставку, как только, со взятием Константины, закончится кампания, в которой он принимал участие.

Вернувшись в Париж, Октав решил, что он будет наслаждаться жизнью, и поселился на улице Виктуар, в большой, роскошной квартире, обставленной с изысканным вкусом; он нанял также конюшню, куда поставил трех лошадей, и каретный сарай для двух карет.

Маленький грум, искусная кухарка и камердинер были наняты для услуг молодого человека. Решено было обедать дома, а завтракать в парижском кафе. Через неделю квартира, конюшня, слуги все было готово, и наш герой вступил в жизнь, проиграв тысячу луидоров в баккара, познакомился в течение недели с шестью прекрасными молодыми людьми, которые вели такую же беззаботную веселую жизнь, как и он, и с одним из них сошелся на «ты» в конце обеда, который он дал своим новым друзьям.

– Берн, друг мой, ты прекрасный человек; твои лошади породисты, вина превосходны, ты проигрываешь, не смущаясь, а твой портной достоин похвалы. Тебе недостает только любовницы и дуэли на пистолетах.

– Положим, – ответил Октав, – я не против любовницы, но к чему еще дуэль? Я уже дрался семнадцать раз и убил пятерых противников.

– Хотя этого и мало, но хватит с тебя, – сказал один из приглашенных, спокойно опоражнивая бокал шампанского.

– А ты дрался когда-нибудь на пистолетах? – спросил первый собеседник.

– Никогда.

– Ну вот видишь, друг мой! Тебе необходима дуэль на пистолетах. Я согласен с тем, что шпага – оружие дворянина, но офицер, выйдя в отставку, не может окунуться в гражданскую жизнь, не признав всех ее нравов и обычаев.

– Хорошо! – флегматично ответил Октав. – При первом же случае я буду стреляться на пистолетах. А теперь перейдем ко второму вопросу.

– Он важнее первого, – продолжал ментор, – любовница такого человека, как ты, должна быть ни стара, ни молода, немного пресыщена жизнью, остроумна, но не болтлива, как провинциалка; она должна быть из бывших женщин света, но не принадлежать к ним более, а если вдобавок ты будешь драться на дуэли из-за нее, то тебе больше нечего желать. Ты не обязан любить ее, но должен относиться к ней по возможности внимательно.

– Отлично! – вскричал Октав. – Я вижу, по-твоему, она не более как часть обстановки. Точно лошадь на конюшне.

– Именно.

– Но где достать такое чудо?

– Черт возьми, хоть и трудно, но найти можно.

– Постой, – перебил его один из приглашенных, – я знаю такое чудо.

– Как ее зовут? – спросили все разом.

– Господа, вы, вероятно, все знаете Гонтрана де Ласи?

– Еще бы!

– А его Леону?

– Леону? Да, да!

– Итак, господа, Гонтран остепенился. Ко мне три дня назад поступил грум Леоны и сообщил, что их медовый месяц кончился.

– Черт возьми! – вскричал ментор молодого жуира. – Вот для тебя, друг мой, самый подходящий случай завладеть львицей и подраться на пистолетах.

– Посмотрим, – спокойно возразил Октав. – А кто такая эта Леона?

– Этого никто не знает.

– Однако!

– Она двадцатисемилетняя брюнетка, смуглая, как андалузка, остроумная и колкая; это женщина без сердца, капризная, как древний сфинкс.

– Я уже заранее влюблен в Леону! – воскликнул де Берн.

– Но Леона еще окончательно не порвала связи с Гонтраном де Ласи, – заметил один из гостей.

– Ее можно отбить у него, – самонадеянно ответил молодой человек.

– Bravo! – раздалось вокруг. – Bravo, де Берн!

– Господа, – предложил Октав, – со вчерашнего дня у меня есть ложе в итальянской опере: не желает ли кто из вас послушать со мною «Ченерантолу»?

– Я, я, – ответили несколько голосов разом.

– В таком случае едемте, – сказал Октав.

Де Берн поехал в оперу в сопровождении своего ментора и трех друзей.

Одна из знаменитостей, которых каждый год посылает Италия, присоединяя к их именам эпитет несравненной, поражала в этот вечер своим голосом весь элегантный Париж в зале Вендатур.

В ложе против Октава де Верна сидел человек, одетый во все черное. Этот человек с самым наглым видом наводил лорнетку на Октава.

– Смотри, – сказал ментор своему ученику, – я уверен, этот человек стреляет из пистолета. Он лорнирует нас довольно нахально. А ты как находишь?

– Черт возьми! – вскричал де Берн. – И мне так же кажется. Ну, а как же Гонтран?

– Ах, – вздохнул ментор. – Может, Гонтран уступит тебе Леону, пожав при этом руку, как всегда поступают люди, когда их избавляют от наскучившей привязанности.

– Ты думаешь?

– Ну, а если он придет в негодование, то, быть может, в качестве бывшего офицера королевской гвардии выберет шпагу.

– Ты прав, и твои рассуждения вполне логичны, так что я пойду и спрошу, какого мнения держится этот господин насчет дуэли на пистолетах.

Дождавшись антракта, де Берн вышел в сопровождении своего ментора из ложи и постучал в дверь ложи господина, одетого во все черное.

– Милостивый государь, – обратился к нему Октав, – г-н де Бланны, вот этот самый господин, мой закадычный друг, сказал мне парадокс, насчет которого я хочу узнать ваше мнение.

Человек, одетый в черное, вежливо поклонился.

– Я слушаю вас, сударь, – сказал он.

– Мой друг уверяет, – продолжал Октав, – что офицер, вышедший в отставку и желающий пожуировать, имея при этом тридцать тысяч ливров годового дохода, должен прежде всего обзавестись содержанкой и подраться на дуэли на пистолетах.

– Приятель ваш, быть может, и прав, – холодно заметил человек в черном.

– Первая у меня на примете, – продолжал Октав, – но...

– Понимаю, вы ищите вторую.

– Именно, – согласился де Берн, высокомерно взглянув на своего собеседника.

– Нет ничего легче, как завести ссору, – сказал ему последний, – когда, подобно вам, имеешь наглый вид и лицо, с первого взгляда возбуждающее антипатию.

– Превосходно! – вскричал Октав. – Я вижу, что вы умнее, чем кажется, и понимаете с полуслова.

– Всегда, сударь.

– Итак, вы не чувствуете отвращения к пистолету?

– Ни малейшего.

– Тем лучше, потому что мне уже надоело драться на шпагах, и хотя я вам не нравлюсь настолько же, насколько и вы мне, я не могу предложить вам полного удовлетворения, кроме дуэли на пистолетах.

– Превосходно, – любезно ответил человек в черном. – И удовлетворюсь вполне, всадив вам пулю в лоб.

Обменявшись этими любезностями, оба противника распростились.

– Милостивый государь, – сказал Октав, подавая свою визитную карточку, – я де Берн, бывший поручик африканских стрелков, и живу на улице Виктуар.

– А я, – ответил незнакомец, взяв карточку Октава и подавая ему свою, – шевалье д'Асти и живу на улице Тэбу.

Они снова поклонились друг другу.

– Итак, до завтра, – сказал Октав, – в Булонском лесу.

– Хорошо.

Противники расстались. Де Берн вернулся в ложу, а немного спустя шевалье д'Асти (ибо это был он) уехал из театра и отправился прямо к полковнику.

– Он попался на удочку, – сказал шевалье. – Завтра в семь часов мы деремся в Булонском лесу. Он выбрал пистолеты. Теперь мне нужен секундант.

– Возьмите первого встречного. Это безразлично, – сказал начальник ужасной ассоциации.

В то время, как д'Асти упражнялся, стреляя в цель из пистолета в своей бывшей холостой квартире, где он поселился в ожидании, пока отель барона де Пон, его тестя, будет отделан, Октав де Верн разговаривал в ложе с друзьями.

– Как! – вскричал один из них. – Это шевалье д'Асти?

– Да.

– Этот человек в большой моде, ей-богу, и слывет за превосходного стрелка.

– Неужели! – небрежно протянул Октав.

– У него есть связи за кулисами.

– Он хорошего происхождения.

– И наделал порядочно долгов.

– С этим человеком, значит, можно драться, потому что последнее условие необходимо.

– Все это правда, господа, но теперь, рассуждая хладнокровно, – сказал ментор, – ты должен сознаться, что поступил неблагоразумно.

– Как это?

– Октав вызвал шевалье, не узнав имени.

– Кстати, – спросил ментор Октава, – ты хорошо стреляешь?

– Право, не знаю.

– Как! Ты этого не знаешь?

– Я еще никогда не пробовал.

– Ах, черт возьми! В таком случае...

– В таком случае шевалье д'Асти, – самонадеянно сказал де Верн, – может считать себя покойником; у меня есть на этот счет предчувствие. Каждый раз, когда накануне дуэли у меня зудит левая рука, я непременно убиваю своего противника. Я очень суеверен.

Де Верн дослушал оперу до конца, затем поехал домой в сопровождении ментора, оставшегося у него ночевать. Карета была заказана к семи часам утра.

В назначенный час Октав де Верн был уже на ногах; он оделся очень тщательно и застегнул сюртук на все пуговицы, чтобы не было видно ни белья, ни цепочки от часов, вообще всего, что могло бы послужить точкой прицела.

Затем он сел в карету, насвистывая арию из «Ченерантолы», а его секундант осмотрел курки пистолетов.

Английская лошадь Октава пробежала в двадцать минут расстояние, отделявшее улицу Виктуар от Булонского леса, так что де Верн приехал первый на место дуэли.

– Друг мой, – обратился к нему ментор, – д'Асти стреляет превосходно, а ты, кажется, плохо; меня успокаивает только то, что случай часто играет большую роль в дуэлях. Это одно только и уравнивает шансы. Ты будешь драться в пятнадцати шагах.

– Да! – сказал Октав. – В пятнадцати шагах нельзя промахнуться. Я убью его.

– Да, если ты будешь стрелять первый; ну, а если стрелять первый будет он на расстоянии пятнадцати или тридцати шагов, то ты погиб.

Речь ментора была прервана стуком колес кареты, мчавшейся рысью.

Карета остановилась, и из нее вышли двое. Один был шевалье д'Асти, другой – человек уже пожилой, с большими усами, с красной ленточкой в петлице.

– Господа, – сказал, отвешивая поклон, шевалье, – позвольте мне представить вам майора Герто, моего секунданта.

Майор с видом человека, привычного к подобным делам, поздоровавшись с Октавом и его секундантом, подошел к ментору и сказал ему:

– Нам надо переговорить с вами об условиях дуэли. Ментор поклонился.

– А дело нельзя кончить миром? – спросил Герто, как бы для очистки совести.

– Нет.

– Очень хорошо; но что вы скажете насчет расстояния, числа выстрелов и прочего?

– Так как причина ссоры не из особенно важных... – ответил ментор, – то вполне достаточно, по-моему, если противники обменяются двумя выстрелами, каков бы ни был их результат.

– Хорошо, – согласился Герто. – А расстояние?

– От пятнадцати до двадцати шагов.

– Так.

– Сейчас мы бросим жребий насчет пистолетов и кому стрелять первому.

Противники и их секунданты оставили кареты на опушке и, войдя в лес, направились к уединенному месту, известному под именем Луга Кателана. Ментор бросил в воздух монету, противники стояли в это время в стороне.

– Орел! – крикнул майор.

Монета упала вверх изображением короля Людовика-Филиппа.

– Судьба против нас, – сказал ментор, – д'Асти дерется на пистолетах. Посмотрим теперь, кому достанется стрелять первому.

Майор снова подбросил монету в воздух.

– Что? – спросил секундант Октава.

– Орел! – ответил майор. – Шевалье д'Асти стреляет первый.

– Ах, черт возьми, – пробормотал ментор, – право, я поступил немного опрометчиво: противник стреляет превосходно, притом он будет стрелять из своих пистолетов и первый выстрел принадлежит ему... Вот три условия, вследствие которых де Верн будет убит через десять минут. Я отчасти являюсь причиной его гибели... и... Впрочем, – весело перебил он себя, – ничего не известно заранее.

Противники встали в двадцати шагах друг против друга, с правом сделать по пяти шагов вперед, так что расстояние должно было сократиться до десяти шагов.

Майор зарядил пистолеты в присутствии секунданта Октава, затем, подавая один из них шевалье, сказал:

– Вам стрелять первому.

– Хорошо, – ответил тот. – Значит, он умрет.

Ментор, подражая майору, подал оружие де Верну.

– В вас будут стрелять, – сказал он.

– Не в первый раз, – заметил на это молодой человек. Он встал в пол-оборота, продолжая курить сигару и держа на высоте виска дуло пистолета.

Майор и ментор отошли в сторону; первый торжественно ударил три раза в ладоши.

– Сударь! – насмешливо воскликнул шевалье, – я обещал пустить вам пулю в лоб, но мне стыдно обезобразить такого красивого молодого человека, а потому я мечу в сердце.

Шевалье вытянул руку, прицелился и спустил курок.

Де Верн не шевельнулся, не сделал ни одного движения и даже не пошатнулся. Противник его был сконфужен своею неловкостью.

– Черт возьми! – вскричал де Верн, прицеливаясь. – Те, кто уверен в меткости своего выстрела, никогда не целят в сердце. Ваша пуля задела мне кожу... и это очень грустно...

Де Верн выстрелил, и шевалье упал, раненный в горло.

– Этот человек, – пробормотал ментор, – если останется жив, будет хрипеть всю жизнь.

Когда полковник Леон узнал об исходе дуэли, он закричал от бешенства.

– Как! Этот молокосос убил двоих! Вот уж никогда бы не думал, что этот цыпленок так живуч.

Полковник задумался.

«Основанное мною общество, – сказал он себе, – должно восторжествовать. Капитан и шевалье не могут более драться. Эммануэль не может убить племянника своей будущей жены; Мор-Дье тем более... Остаются, следовательно, игрок и Гонтран! Но игрок в отсутствии, я сам послал его за двести лье отсюда. Тем хуже! Де Ласи убьет де Верна».

И он улыбнулся.

– Он убьет его из личных расчетов, – прибавил полковник, – он будет драться по собственной инициативе. Ко мне на помощь, Леона!

Теперь пора вернуться к маркизу Гонтрану де Ласи, которого мы оставили страшно упавшего духом, после того, как Леона оклеветала его в глазах мадемуазель де Пон.

Человек, которого постигает страшный удар, становится бессильным, как ребенок. Флорентинка воспользовалась слабостью и отчаянием Гонтрана, чтобы увезти его в Париж и снова подчинить своему роковому влиянию, которому он был обязан всеми несчастьями своей жизни.

В продолжение нескольких дней маркиз походил на помешанного, поглощенного всецело одной только мыслью и не обращающего внимания на окружающее. Занятый своею скорбью и воспоминаниями о Маргарите, навеки потерянной для него, Гонтран ощущал приступы той же лихорадки с бредом, которой он страдал после бегства Леоны. Когда приступ болезни проходил, он покорно склонялся перед судьбой.

Но Леона сделалась ему ненавистна. Напрасно она предлагала ему свою любовь, ухаживала за ним, осыпала его ласками; напрасно старалась раздуть в нем пламя страсти, которое она когда-то зажгла... Гонтран отворачивался от нее с презрением, и Леона вскрикивала, пораженная насмерть, как львица. Жизнь этих двух существ, скованных цепью преступления, сделалась невыносимой, но ни тот, ни другая не имели храбрости порвать ее.

Таково было положение вещей, когда полковник явился однажды на улицу Порт-Магон. Гонтран вышел прогуляться, чтобы хоть немного рассеяться. Леона ждала его нахмуренная, сердитая, негодующая, видя, что любовь ее отвергается. При виде полковника она не могла удержаться от гневного движения.

– А! – вскричала она. – Вы опять хотите отнять его у меня?

Полковник улыбнулся и сел.

– Нет, – сказал он, – я хочу дать вам возможность разжечь его страсть.

– Вы?

– Я.

Она устремила на него лихорадочный взгляд.

– Посмотрим, – сказала она, – неужели вы говорите правду... Мне кажется, что я способна пойти на всякое преступление.

– Я это знаю, – сказал полковник, – мы созданы, чтобы понимать друг друга.

– Говорите; я вас слушаю.

– Дорогая моя, – продолжал полковник, – Гонтран вас разлюбил, и я знаю одно только средство разжечь его угасшую любовь.

– Какое?

– Ревность.

Леона посмотрела на полковника и сказала:

– Я вас не понимаю.

– Ну, так слушайте... и вы поймете. В основании каждой любви, – продолжал он, – лежит эгоизм, и страннее всего то, что он переживает все остальное. Женщину перестают любить, ее готовы отправить к черту, но с огорчением видят, когда она идет под руку с другим.

– Вы правы; если я изменю Гонтрану, он полюбит меня; если я его брошу, он наделает глупостей, чтобы вернуть мою любовь.

– Совершенно верно.

Авантюристка выпрямилась во весь рост, подошла к зеркалу и взглянула на себя, как генерал перед решительной битвой делает смотр своему войску. Она хотела убедиться, что по-прежнему красива. Затем на лице Леоны, бездушной интриганки, показалась насмешливая улыбка, та улыбка, которою она поработила Гонтрана, и, обратясь к полковнику, она сказала:

– Да, правда, я была глупа! Я забыла, что любовь убивается любовью и что никогда нельзя любить двух разом.

В ней произошла реакция: любящая женщина одержала верх над куртизанкой, и перед ней, как в панораме, прошли долгие печальные дни с того времени, как она полюбила Гонтрана; Леона покраснела, и чувство глубокого презрения к самой себе за перенесенные ею слезы, тоску, отчаяние и ревность поднялось в ней: оскорбленная женщина жаждала мести... она все еще любила Гонтрана, но желала поменяться ролями, отплатить ему за мучения мучениями и сделать из него своего раба, как она была до сих пор его рабыней.

Полковник был поражен и преклонился перед этим гением зла и порока.

– Слушайте, – сказала флорентинка после минутного молчания, во время которого она уже мысленно подготовила одну из тех мрачных драм, где человеческая жизнь считается ни во что и в которых известного сорта женщины играют выдающуюся роль, – вы мне еще ничего не сказали, но я уже поняла вас. Я знаю тайну вашего общества; Гонтран дал мне возможность догадаться о нем; несколько вырвавшихся у вас слов укрепили во мне мою догадку. Я не выдам вас, потому что я люблю зло, как великий артист любит искусство. Да! Я буду служить вам. Чтобы вернуть мою любовь. Гонтран весь отдался вам. Я считала его человеком сильным, но он – глуп. Моя любовь угасла, и я сужу о нем спокойно. Вы помогли ему, и теперь он ваш раб; вы приказали ему убить человека в Марселе, похитить молодую девушку в Ниверне...

– Милая моя, – прервал ее полковник, – вы слишком многое знаете. Теперь вы должны помогать нам, потому что те, кому известны мои тайны, или должны исполнять мои приказания, или кончают плохо.

– Я буду служить вам; вы жаждете теперь нового убийства, вам нужно, чтобы Гонтран покончил еще с одной жертвой, и вы колеблетесь, потому что перестали быть уверенным в нем.

– Это верно...

– Вы боитесь, что шпага дрогнет в его руке, если вы заставите его сделать это сами. Не правда ли?

– Да, боюсь.

– Хорошо, – продолжала Леона, – разум вернулся ко мне. Да, вы правы, Гонтран утомлен жизнью: он исполнит ваше приказание, но, пожалуй, даст убить себя.

– Вот этого-то я и боюсь.

– Между тем, – продолжала она, – если неожиданный случай, обстоятельство, появившееся помимо вашей воли и желания, поставит его лицом к лицу с намеченной вами жертвой, то достаточно будет одного слова, одного жеста, ничтожной обиды, чтобы задеть его, и он пойдет на поединок как на торжество, самообладание вернется к нему, и рука его уже не будет дрожать, а клинок его шпаги пронзит сердце противника, то есть вашу жертву. Правду я говорю?

– Вы гениальная женщина, – пробормотал восхищенный полковник.

– И этим обстоятельством буду я, – сказала она с демонической улыбкой. – Эта жертва, о существовании которой он до сих пор и не подозревает, поможет мне возбудить его ревность или, вернее, задеть его тщеславие.

– О, гений зла! Как ты велика! – воскликнул полковник с энтузиазмом.

– Спасибо, – поблагодарила его Леона.

Затем, взглянув на себя в зеркало еще раз, она прибавила:

– Я все еще настолько хороша, что ради меня можно пожертвовать жизнью... Как зовут жертву?

– Октав де Верн.

– Где он живет?

– На улице Виктуар. Позвольте мне, однако, проводить вас.

– Хорошо! Что я должна делать?

– Прежде всего уехать из этого дома.

– Когда?

– Сию же минуту.

– Даже не написав Гонтрану?

– Это бесполезно. Через три дня весь Париж узнает о вас. А если узнает весь Париж, то, конечно, узнает и Гонтран.

– Отлично! Я следую за вами.

– Я нанял для вас квартиру на неделю на улице Шоссе д'Антен и сейчас провожу вас туда. Сегодня же вечером вы поедете в Оперу вместе со мною. Я вам покажу де Верна. Идемте.

Десять минут спустя, захватив часть своего гардероба, Леона переехала из улицы Порт-Магон на улицу Шоссе д'Антэн.

Когда Гонтран вернулся, он даже не спросил, отчего не видно Леоны. Прошел вечер, Леона не появлялась; настал следующий день – то же самое.

«Понимаю, – решил Гонтран, – она уехала. – Наше существование начало походить на пытку. Она захотела порвать связь и прекрасно сделала. Настало освобождение».

День, наступивший вслед за бегством флорентинки, прошел для Гонтрана чрезвычайно быстро. Он гулял, катался верхом, провел вечер в театре и вернулся домой в полночь. Только тогда он спросил камердинера, не получено ли каких известий от Леоны.

– Никаких, – ответил лакей.

Леона увезла с собою Жюстину, свою камеристку, и ни одна из них ничего не сказала камердинеру Гонтрана.

Гонтран лег в постель и заснул, мечтая о Маргарите де Пон. Однако на следующее утро он почувствовал, что ему чего-то недостает. Он никуда не вышел из дому, и день показался ему очень длинным.

«Эта женщина, которой я отдал когда-то все свое состояние, а затем и свою честь, – сказал он себе, – будет через неделю разгуливать под руку с новым поклонником и расскажет ему всю мою историю. Как я был глуп и смешон!»

Это течение мыслей произвело в Гонтрane такую же реакцию, какая произошла и с Леонной. Презрение перешло в ревность; он вскрикнул от бешенства при мысли, что та, которая была его идолом и рабыней, может полюбить другого.

– Хорошо же! – решил он, горько улынувшись. – Одним преступлением больше или меньше, не все ли равно? Уже давно маркиз де Ласи, когда-то честный и храбрый, вступил на дорогу низкого убийства... подчиняясь неумолимой судьбе.

Гонтран во что бы то ни стало захотел отыскать Леону и отправился к полковнику.

– Друг мой, – сказал он ему, – я служу нашему обществу, зато и общество должно сослужить мне службу.

– Конечно, – согласился полковник, – мы принадлежим вам телом и душой. Чего вы требуете от нас?

– Я хочу найти Леону.

– Леону! – вскричал полковник, глубоко изумленный. – Что же случилось с нею такое?

– Не знаю.

– Хорошо! Через двадцать четыре часа, – сказал, провожая маркиза де Ласи, полковник, – вы узнаете, где находится Леона.

Когда Гонтран ушел, полковник задумался. Наступала ночь; небо было туманно, как часто бывает в Париже. Этот человек, с сверкающим и глубоким взором, с облысевшей головой, с лицом, носившим неизгладимые следы бурно проведенной жизни, страстей и мучившего его честолюбия, вдруг вскочил и начал ходить из угла в угол по комнате.

В это время он был как бы величественным олицетворением зла, ни перед чем не останавливающегося для достижения своих целей, каковы бы они ни были.

– Бедная Леона! – прошептал он. – Она одна храбрее всех этих пошлых глупцов, которых я соединил в общество. Один только я храбр в нашей ассоциации, созданной мною и ради моих же выгод.

Он с презрением пожал плечами.

– Дурачьё! – прошептал он. – Я вам всем служил, буду еще вам служить, и вы забудете надолго, что вы – мои рабы; но настанет час свести счеты, и тогда мы посмотрим, кто был слепым орудием – я или вы? Благодаря вашим порокам и вашему социальному положению я держу всех вас в своих руках; я держу вас в руках благодаря вашим преступлениям; да, вы в моей власти, и никто из вас не посмеет изменить мне, тогда как я... О, я! Как только я захочу, я порву с вами связь и пойду искать на другом краю света власти и счастья, которых уже никто не сможет отнять у меня.

Он замолчал.

– Странная судьба! – вскричал он. – Сам сатана засмеялся бы, если бы узнал, что я совершаю все эти преступления и поднимаю всю эту грязь единственно для того, чтобы обогатить существо, которое люблю, как только может отец любить своего ребенка.

При последних словах постоянное выражение жестокости на лице этого человека исчезло, и слезы умиления показались на глазах у лютого зверя.

– О, сын мой! – воскликнул он горячо и с чувством чисто материнской нежности.

Но все это произошло быстрее молнии. Отец исчез, снова уступив место бандиту, жестокому и надменному.

– Бедная Леона, – сказал он насмешливо, – как жаль, что она владеет моею тайной. Мне нравится ее порочность, но такая женщина, как она, слишком опасна, если ее не держать в руках. Любовь, гордость, страх смерти, боязнь общественного мнения – ей все это нипочем...

она ничего не боится. Ах! Если бы она была матерью!.. Но у нее нет ребенка. А так как она владеет моею тайной, то предоставим ее судьбе.

Слова эти сопровождались усмешкой, в которой можно было прочесть приговор флорентинке, приговор безапелляционный и неумолимый, как судьба, роль которой играл этот человек.

Х

Вот что произошло вечером в день бегства Леоны. Из улицы Порт-Магон флорентинка в сопровождении полковника отправилась на улицу Шоссе д'Антэн, в квартирку, убранную со вкусом, окна которой выходили в большой сад. Во дворе к услугам молодой женщины стояла заложенная карета.

– Вы выедете вечером, – сказал ей полковник, – и в карете. Нужно избегать встречи с Гонтраном до тех пор, пока не разыграется наша комедия. Все зависит от ее постановки. Вечером вы поедете в Оперу, закрыв лицо вуалью, чтобы вас не узнали. Вот билет от ложи, которая находится в бельэтаже у самой авансцены, так что публика почти не заметит вас; ложа де Верна напротив вашей.

– Хорошо, – сказала Леона, – понимаю. Если ложа пуста, я не сниму вуали; если же в ней кто-нибудь будет...

– Нет, – возразил полковник, – как раз наоборот.

– А! Превосходно, поняла... он узнает, что это я...

– Именно.

– И его любопытство будет возбуждено.

– Вы угадали.

– Итак, – добавила флорентинка, – от любопытства до любви, от любви... до безумия...

– Только один шаг, – подсказал полковник.

Он оставил Леону в ее новом жилище, советуя ей надеть в Оперу все черное – цвет, наиболее оттенявший ее ослепительную красоту, а сам отправился на улицу Виктуар.

Так как де Берн был у полковника, то последний должен был отплатить ему визит. А потому ничего не могло быть естественнее посещения полковника Леона. Де Берн уже с месяц находился в Париже.

Накануне, как известно, он всадил пулю в шею шевалье д'Асти и сам был слегка ранен в бок; но рана его была настолько легка, что он считал излишним ложиться в постель; одевшись по-домашнему и полулежа на оттоманке в курительной комнате, он разговаривал со своими двумя новыми приятелями, когда вошел полковник.

– А! Это вы! – приветствовал его хозяин. – Милости просим; не получили ли вы сведений о Лемблене?

– Да, сегодня утром, – ответил полковник, – жизнь его вне опасности, но выздоровление его затянется надолго.

– Тем хуже!

– А как другой? – спросил де Берн одного из своих друзей.

– Ах! – ответил тот. – Рана шевалье настолько тяжела, что врач ни за что не отвечает.

Шея прострелена.

– Без сомнения, раненый – один из ваших друзей? – с простодушным видом спросил полковник.

– Увы! Нет. Это один из моих противников. Рука у меня, к несчастью, очень тяжелая.

– Как! У вас опять была дуэль?

– Вчера утром на Кателанском лугу.

– С кем?

– С шевалье д'Асти.

– Я с ним не знаком, – сказал полковник, – но часто слышал это имя.

– Мы поссорились в Итальянской опере.

– Без сомнения, из-за какого-нибудь пустяка?

– О! Как вам сказать...

В таком случае я догадываюсь: причиной была женщина, как в большинстве дуэлей.

Вы ошибаетесь, полковник, причина была еще проще: мои друзья уверили меня, что мне для того, чтобы прославиться, не хватает любовницы и дуэли на пистолетах. Чтобы найти первую, нужно время, а повод к дуэли найти ничего не стоит... Я увидел господина, лорнировавшего меня» спросил его о причине – и дело готово.

– Вы мне напомнили доброе время 1815 года, – в восторге вскричал полковник, – когда регулярно три раза в неделю бонапартисты бились с роялистами! А львицу вы отыскиали?

– Нет еще, но я ее уже наметил...

– А! – протянул полковник.

– Вы знакомы с Леоной?

– Я встречал ее.

– Неужели она так красива, как об этом говорят?

– Очаровательна! – в восторге воскликнул полковник.

– И умна?

– Как черт, но... Полковник остановился.

– А, – спросил де Верн, – что значит это «но»?

– Леона не свободна.

– Неужели?

– Она влюблена в маркиза Гонтрана де Ласи, который ради нее наделал множество глупостей.

– Превосходно! Я отобью ее у него.

– Я немножко знаком с де Ласи; этот человек способен убить за женщину, если бы даже он уже разлюбил ее.

– Или его убьют, – просто заметил де Верн и тотчас же прибавил: – А где можно встретить Леону?

– Каждый вечер в Опере.

– Одну?

– Почти всегда.

– Сегодня же вечером я поеду в Оперу.

– Она сидит обыкновенно в ложе у авансцены с правой стороны.

– Отлично, неделю назад я взял ложу у авансцены с левой стороны, и как раз против нее.

– Она постоянно сидит под вуалью, – прибавил полковник, рассказывая все эти подробности с добродушием газетного репортера.

– Черт возьми! И она никогда не снимает вуали?

– Никогда. Де Ласи, ненавидящий музыку, не хочет, однако, лишать ее удовольствия бывать в Опере, но запрещает ей снимать вуаль, так как он страшно ревнив.

– Хорошо! – спокойно сказал де Верн. – Уверю вас, что она снимет вуаль для меня.

Де Верн еще несколько времени поговорил о пустяках; полковник вскоре ушел и отправился прямо к Леоне, чтобы дать ей новые инструкции.

Ровно в восемь часов Октав де Верн, войдя в зал, уселся в ложе с двумя друзьями, теми самыми, которые были у него во время визита полковника. Взгляд его тотчас же устремился на ложу, о которой говорил полковник. Но она была еще пуста.

Октав ждал с нетерпением; прошел час, никто не появлялся.

Это ожидание, искусно рассчитанное полковником, разжигало желания и нетерпение молодого безумца.

– Она не придет, – пробормотал он с досадой. – Мне не везет.

– Ну, что ж! – сказал один из друзей. – Ты увидишь ее завтра.

– Неужели ты влюбился, – прибавил другой, – в женщину, которой никогда не видал? Может быть, ты найдешь, что она безобразна...

Не успел де Верн ответить, как дверь пустой ложи отворилась. Молодой человек почувствовал неизъяснимый трепет.

– Вот она! – прошептал он.

Действительно, вошла женщина, одетая во все черное, высокая, стройная, и села у самого барьера ложи, дверь которой за ней захлопнулась. Лицо ее было закрыто такой густой вуалью, что, несмотря на все старания Октава де Верна уловить хоть одну черту ее лица, это ему не удалось. Он долго и пристально смотрел на нее, надеясь этим заставить ее поднять вуаль. Но Леона, казалось, совсем не замечала, что она служит предметом внимания и, не отрываясь, смотрела на сцену.

– Черт возьми! – пробормотал молодой человек, выведенный из терпения. – Не я буду, если она не подымет вуали!

Он вынул записную книжку и написал карандашом:

«Сударыня!

Я знаю вас, хотя никогда не видал; я смотрел на вас в продолжение часа и полюбил вас безумно. Поднимите вуаль хоть на пять минут, а затем требуйте все, что я имею: за это счастье я готов заплатить самую дорогую цену.

Остаюсь у ваших ног с мольбою

Октав де Верн».

Капельдинерша отнесла записку.

Леона взяла записку, прочла ее, даже не взглянув на ложу де Верна, и ответила на вырванном из записной книжки листке:

«Невозможно! От этого зависит моя жизнь».

– Полковник сказал правду, – пробормотал де Верн, побледнев от злости. – Де Ласи тиранит эту женщину.

С той минуты, как человек начинает считать себя защитником женщины против тирании, он становится способным на всевозможные безумства.

Де Верн положил записку Леона в боковой карман, вышел из ложи и постучал в дверь ложи флорентинки.

– Войдите, – сказала Леона.

Увидя де Верна, она вскрикнула от удивления и испуга, чем рассеяла последние сомнения в ревности Гонтрана.

– Молю вас, – сказала Леона, – уходите, сударь, уходите...

– Сударыня, – пробормотал де Верн, – если вы приказываете, я подчинюсь, но только для того, чтобы пустить себе пулю в лоб.

Леона вскрикнула.

– Сударыня, – продолжал де Верн, – неужели правда, что вы не смеее поднять вуали?

– Да, иначе мне угрожает смерть, – сказала Леона.

– А где же палач? – спросил де Верн тоном угрозы.

– Уйдите, – молила Леона, – я вас прошу. Меня любит человек, который убьет и вас и меня, если увидит нас здесь вдвоем...

– Вас убьют, когда я здесь? – вскричал де Верн. – Не воображайте этого.

И бывший офицер с достоинством схватился было за так недавно висевшую у него сбоку шпагу. Затем он прибавил, взглянув на Леону:

– Вы любите его? Если да, то я удалюсь.

– Я любила его, – пробормотала она.

– А теперь?

– Теперь я его боюсь.

Де Верн вскрикнул от радости.

– В таком случае я сяду рядом с вами; проведу с вами вечер, затем провожу вас домой и лягу у вашей двери, как дракон, стерегущий сокровище, и если он осмелится явиться...

Леона не отвечала. Октав сел около нее и умолял ее взглядом снять вуаль; она согласилась. Де Верн был поражен ее красотой и прошептал:

– Теперь я ничего не боюсь. Я один защищу вас против целой армии.

Когда спектакль кончился, Октав предложил Леоне руку; она приняла ее; он проводил ее до кареты и, садясь рядом с нею, крикнул кучеру:

– На улицу Виктуар!

– Удивительно, – пробормотали два друга Октава, бывшие с ним в театре и восхищенные тем способом, как он увез Леону, – этот малый пойдет далеко, если только Бог продлит его век.

XI

Прошло три дня после бегства Леоны, когда Гонтран, горя страстным желанием снова увидеть ее, пошел к полковнику и потребовал, чтобы их общество помогло ему в этом деле.

Маркиз вернулся домой успокоенным, решив убить флорентинку, ради которой он потерял свое честное имя. Придя к этому решению, Гонтран, как и все преступники, желающие оправдать себя в своем преступлении, сказал себе, что Леона – единственная причина его позора – должна умереть. Это решение так прочно засело в голове маркиза, настолько укоренилось в нем, что он мысленно выбирал уже кинжал, которым должен был нанести удар, и с нетерпением ожидал, когда полковник доставит ему обещанные сведения.

Полковник сдержал слово. Через сутки Гонтран получил записку следующего содержания:

«Леона уехала в субботу из улицы Порт-Магон. Она поселилась на улице Шоссе д'Антэн, где два дня тому назад наняла себе небольшую квартиру через неизвестное лицо. Вечером она была в Опере и принимала в ложе молодого человека, пользовавшегося с некоторого времени большой известностью, Октава де Верна. Этот молодой человек вышел с нею под руку после спектакля. Леону видели на улице Шоссе д'Антэн только на следующий день».

– Она изменила мне! – пробормотал Гонтран, и глаза его гневно сверкнули.

Кочевые арабы рассказывают, сидя в своих палатках, историю о необыкновенной кобылице, в быстроте бега с которой не могла сравниться ни одна лошадь. Ее хозяин не променял бы ее на целое царство, если бы такая мена была предложена ему. Но однажды ночью в палатку проник вор, перерезал веревку, которой была привязана кобылица, вскочил на нее и ускакал. Араб проснулся от стука копыт кобылицы. Он понял, что бежать в погоню за похитителем значило потерять время напрасно, потому что кобылица мчалась быстрее ветра; но тем не менее он снаряжился в путь и пошел по следам кобылицы, оставшимся на песке. Так шел он в течение месяца и наконец достиг деревни, где жил похититель. Последний, убежденный, что между ним и обворованной им жертвой лежит слишком большое расстояние, привязал благородное животное к пальме, которая росла посреди дуара², а сам предался послеобеденному отдыху, совершив омовение у соседнего водоема. Араб застал вора спящим и убил его. Затем он подошел к кобылице и сказал ей:

– Так как нашелся человек, помимо меня, который владел тобою, то пусть ноги твои никогда уже не коснутся песков пустыни.

И он вонзил свой ятаган в грудь кобылицы и убил ее так же, как и похитителя.

– Итак, – прибавил Гонтран, – я поступлю, как араб; убью и вора, и женщину, которую он похитил.

В письме полковника была следующая приписка: «Де Берн живет на улице Виктуар, 15; Леона обыкновенно обедает у него».

Гонтран взглянул на стенные часы. Было шесть часов.

– Превосходно! – решил он. – Я предстану перед ними, как статуя командора.

Он отправился пешком на улицу Виктуар и приказал передать свою визитную карточку де Верну. Октав обедал вдвоем с Леондой. Гонтран побледнел от гнева и обиды, когда увидел женщину, которую когда-то он так страстно любил, сидящей против нового соперника. Однако ни восклицание, ни движение не обнаружили его волнения: он оставался холоден и вежлив, как подобает светскому человеку.

² Жилище кочующих арабов.

– Милостивый государь, – сказал он, кланяясь де Верну и Леоне с таким видом, точно встретил ее в первый раз, – надеюсь, что я имею удовольствие быть известным вам, по крайней мере, по имени.

– Вы правы, – таким же холодным и вежливым тоном ответил де Берн.

Приветствуя друг друга и разговаривая с улыбкой, эти два человека обменялись уже взглядами, полными ненависти и вызовом на смертный бой.

– Сударь, – продолжал Гонтран, отказавшись сесть на предложенный ему де Верном стул, – позвольте мне задать вам нескромный вопрос.

– Говорите, с вашей стороны не может быть нескромных вопросов.

– С каких пор вы полюбили эту даму? И Гонтран жестом указал на Леону.

– Три дня назад, – ответил де Берн.

– Хорошо. И вы сильно любите ее?

– Страстно. Я готов оспаривать ее даже у короля, если бы тот отнял ее у меня.

– В таком случае, – продолжал Гонтран, спокойно и холодно улыбаясь, – вы, наверное, не откажетесь совершить со мною прогулку завтра утром, в семь часов, в Булонский лес.

– Не вижу ни малейшего препятствия к этому.

– Вы захватите с собою пистолеты и шпаги.

Де Берн удивился, что ему предлагают взять два рода оружия.

– Сначала мы обменяемся пулями, – сказал Гонтран, – и если никто из нас не будет убит, то будем драться на шпагах до тех пор, пока не достигнем результата.

– Я понял и на все согласен, – спокойно ответил де Берн.

Гонтран взглянул на Леону.

– Сударыня, – обратился он к ней, – так как вы являетесь наградой победителю, то справедливость требует, чтобы вы сохраняли нейтралитет. Вы должны возвратиться на улицу Шоссе д'Антэн. Не угодно ли вам отправиться туда?

Тон и жест Гонтрана и на этот раз были так же повелительны, как некогда в Абруцких горах, в то время, когда он отнял Леону у бандита Джузеппе, превратившегося в важного вельможу.

Леона вспомнила это обстоятельство, и влияние Гонтрана, ослабленное на время личностью полковника, воскресло с новой силой. Леона встала, покорная и преданная, как побежденная львица.

– Леона! – вскричал де Верн. – Вы не уйдете... я не хочу этого!

Леона медленно шла к выходной двери. Тогда де Верн вне себя бросился, чтобы загородить ей дорогу, и закричал:

– Вы не уйдете!

Но Гонтран грубо схватил его за руку.

– Перестаньте, – сказал он, – я думаю, вы не захотите сделаться тюремщиком женщины.

– Эта женщина моя! – вскричал де Верн.

– Будет вашей, когда вы убьете меня, но не раньше.

– В таком случае вот что, – сказал молодой человек вне себя, – у меня есть оружие здесь... будем драться сейчас, если вы согласны.

Гонтран пожал плечами.

– Вы забываете, что ни у вас, ни у меня нет свидетелей, что я в вашем доме и что меня могут счесть за убийцу. Завтра, завтра!

Маркиз нетерпеливым жестом приказал Леоне выйти, затем вышел и сам следом за нею, оставив Октава де Верна опьяневшим от ярости.

На улице Леона обернулась к де Ласи, следовавшему за нею, и с мольбою взглянула на него.

– Гонтран, – прошептала она, – я теряю рассудок... Ах, если бы вы знали!

– Я ничего не хочу знать, сударыня, – ответил он, – возьмите меня под руку.

Леона дрожа оперлась на его руку. Они дошли так до улицы Шоссе д'Антэн, не сказав ни слова; у двери своего дома Леона еще раз умоляла Гонтрана выслушать ее. Но он нетерпеливым жестом остановил ее, сказав:

– Я ничего не хочу знать, сударыня. Я уже сказал вам это. Идите к себе, я запрещаю вам выходить из дому.

Де Ласи отправился к полковнику.

– Завтра, – сказал он ему, – я дерусь в семь часов утра, в лесу: оружие – шпаги и пистолеты. Вы будете моим секундантом.

– Нет, – ответил полковник, – завтра вы узнаете, почему я отказываюсь. У меня приготовлены для вас секунданты.

– Леона у себя дома, – сказал Гонтран.

– Вы бесповоротно осудили ее?

– Да. Эта женщина должна умереть тотчас же после нашего поединка.

– Это ваше дело. В таком случае, дорогой мой, позвольте мне посоветовать вам принять некоторые предосторожности. Если Леона должна умереть, то необходимо! обставить дело так, чтобы свет считал ее самоубийцей.

– Вы правы, – ответил Гонтран тоном судьи, произносящего смертный приговор, – но сначала я хочу убить да Верна.

– Таково и мое мнение, – согласился полковник.

Если бы Гонтран де Ласи согласился выслушать Леону, то на следующее утро дуэль бы не состоялась.

XII

Маленькие города падки до новостей, и происходит это из любопытства, порождаемого праздностью.

В Б... супрефектуре Нидры, вся буржуазия и знать, до мэра и супрефекта, владевшего там великолепной дачей, включительно, были заинтересованы приездом в их город иностранца.

Почтовая карета подкатила к гостинице «Красный орел», самой лучшей в городе; из нее вышел молодой человек лет двадцати семи-восьми, красивый, с прекрасными манерами; он приехал в сопровождении двух великанов лакеев, одетых в ливреи с галунами и называвших молодого человека просто «господин маркиз». Все узнали титул приезжего, но имени его не знал никто.

Зачем приехал в Б... путешественник – это никому не было известно, и эта-то неизвестность и давала пищу для догадок. По мнению одних, это был вельможа турист, путешествующий ради своего удовольствия, другие же принимали его за дипломатического агента. Среди буржуазии, в то время весьма либеральной, титул маркиза, с которым обращались к молодому иностранцу его люди, естественно, возбудил целый ряд споров, полных негодования против аристократии.

Среди последней, в салоне виконтессы Кардонн, заменявшем в Б... предместье Сен-Жермен, один смелый комментатор высказал по поводу маркиза мнение, вызвавшее самую резкую полемику.

– Милостивые государыни и милостивые государи, – сказал шевалье де Лиовилль, молодой человек, слышавший в Б... за человека чрезвычайно умного, – держу пари, что этот иностранец направляется в замок Мор-Дье.

– В Мор-Дье? – вскричали все в один голос с удивлением, как будто услышали нечто ужасное.

– Несомненно, – с уверенностью подтвердил шевалье.

– С какой же целью? – спросила баронесса де Лиовилль, мать шевалье.

– Чтобы жениться на баронессе Мор-Дье, траур которой кончился три месяца назад, – сказал молодой человек.

За этими словами последовали самые странные предположения, которые нам будет довольно трудно объяснить, если мы и скажем несколько слов о той роли, которую играла молодая вдова в высшем кругу города Б...

Жизнь покойного барона Мор-Дье, как уже известно читателю, была полна волнений и очень печальна. Преступная жена и незаконный сын совершенно оттолкнули его от дома. Барон Мор-Дье путешествовал большую часть года, а в имение свое приезжал только тогда, когда там не было его жены.

В отсутствие мужа баронесса, любившая шумную жизнь, празднества, свет, жила открыто, принимала и угощала все окрестное дворянство, считавшее ее очаровательной женщиной, а барона сумасшедшим оригиналом. После ее смерти замок Мор-Дье опустел; там более не давалось балов на роскошных площадках парка, ночных празднеств в грабовых аллеях.

Еще при жизни жены барона Мор-Дье не особенно долюбливали, а после ее смерти окончательно возненавидели.

Вдруг пронесся слух, что он женится вторично на молодой восемнадцатилетней девушке, красота и ум которой вернут жизнь в его опустевший дом, напоминавший собою могильный склеп. Бывшие гости первой баронессы обрадовались при мысли, что прежнее веселое время вернется в Мор-Дье, но они жестоко ошиблись в расчетах: барон Мор-Дье никого не пригласил

на свадьбу и никуда не вывозил жену. Его строго осуждали за это и приписывали его поступок ревности. Годы шли, а в жизни двух супругов не произошло никаких перемен. Они уезжали в Париж в феврале и возвращались в Мор-Дье в конце мая, подражая в этом отношении англичанам и частью нашей нынешней аристократии, которые проводят всю осень и январь в деревне и возвращаются в город, когда кончается сезон охоты.

Десять лет миновали, а новой баронессы нигде не было видно, и в течение этого времени она нажила себе столько же врагов, сколько было замков и голубятен в окрестностях ее земель.

Наконец Мор-Дье умер. Когда эта новость достигла Б... большой свет вздохнул свободно; стали поговаривать даже, что баронесса женщина столь же добрая и остроумная, насколько она очаровательна и красива, и что она страдала от деспотизма старого мужа. Говорили, что час свободы ее настал, и льстили себя надеждой вновь получить приглашение и нахлынуть в грабовые аллеи и в парк Мор-Дье. Баронессе было в то время двадцать восемь лет. Свет решил, что она снова выйдет замуж, и все матери, имевшие неженатых сыновей, начали готовиться к нападению. Но каково было удивление и негодование всего Б... когда разнесся слух, что баронесса Мор-Дье и не думает изменить своего образа жизни.

Гостей в замке принимали учтиво, но с тою холодной сухостью, которая ясно дает понять о нежелании удерживать их на долгое время и входить в более тесные отношения.

В то же время узнали содержание завещания, оставленного покойным бароном. Мор-Дье прибег ко всем законным уловкам, чтобы лишить наследства шевалье Мор-Дье, своего сына, в пользу своей второй жены; его сочли за человека непорядочного и недостойного уважения, а репутация госпожи Мор-Дье, пожавшей плоды этого грабежа, пала во мнении общества. Пошло еще более сплетен после того, как де Берн, вышедший в отставку, провел неделю в Мор-Дье, наедине со своей молодой теткой, которая была старше его всего на пять лет.

Баронесса Мор-Дье окончательно погибла в глазах общества. И теперь понятно негодование, которое возбудили слова молодого шевалье де Лиовилля.

– Невозможно! – вскричала одна из присутствовавших дам. – Это невозможно: на таких женщинах, как баронесса Мор-Дье, не женятся!

Это восклицание вырвалось у одной из матерей, питавшей долгое время безумную надежду женить своего сына, молодого виконта Анахарзиса д'Юртеполя на прекрасной и богатой вдове и увидевшей, что надежды ее разбиты. Весь город в этот вечер терялся, строя всевозможные догадки насчет иностранца.

Итак, молодой иностранец приехал из Парижа в почтовой карете и остановился в гостинице «Красный орел», где все было перевернуто вверх дном с его приездом, потому что там редко останавливались такие высокие гости, как он.

Хозяин гостиницы затопил все печи и поставил на ноги весь наличный состав слуг. Лишь только иностранец сел за стол в своей комнате, куда он потребовал себе обед, все залы и кухня «Красного орла» наполнились мало-помалу любопытными соседями, заинтересовавшимися этим событием и сгоравшими нетерпением узнать имя незнакомца, откуда он приехал и цель его путешествия; многие из буржуазии маленького города, любившей шпионство, охотно, из одной любви к искусству согласились бы записаться в сыщики.

Два лакея, которых видели на запятках почтовой кареты, подверглись самому строгому и подробному допросу. Но они, без сомнения, получили строгие приказания молчать, потому что, несмотря на искусные расспросы вопрошавших, оставались немые и не сказали ни имени своего господина, ни куда он едет. В полночь, когда город Б... предавался всевозможным предположениям и нисколько не подвигался вперед в своих догадках, путешественник преспокойно лег спать.

На другой день, около двух часов, почтовая карета снова была заложена. Тогда можно было видеть, как иностранец вышел из гостиницы и сел в карету. Это был молодой человек лет двадцати семи-восьми, высокий, стройный, с приятным лицом; судя по его манерам, он

получил хорошее воспитание и принадлежал к аристократии. Он молча бросил нетерпеливый взгляд на толпу любопытных, окруживших его карету, и подал рукою знак ямщику, который стегнул лошадей и помчался во весь опор.

Два часа спустя молодой путешественник катил во весь дух в пустынной Берри, по ландам, покрытым вереском, окаймленным на горизонте густыми низкорослыми лесами, с изредка попадавшимися по пути отдельными избами или жалкими деревушками, иногда дорогу пересекали ручьи, которые местные жители называли реками; вся местность была пустынна, печальна и молчалива, как могила; дикие птицы да кролики, жившие в вереске, одни только и оживляли эту пустыню, по которой бродили стада под надзором какого-нибудь маленького пастушка, изнуренного и одетого в лохмотья.

– Боже мой! – прошептал путешественник, окидывая взглядом эту картину. – Как все здесь печально и наводит уныние! Если женщина, на которой меня хотят женить, живет всегда в этой Онеаиде, то я сбегу...

Закурив сигару, он окликнул ямщика:

– Эй, приятель!

– Что угодно, сударь? – спросил ямщик, польщенный тем, что путешественник удостоил обратиться к нему с вопросом.

– Где мы?

– В одном лье от Мор-Дье, сударь.

– Что такое этот Мор-Дье?

– Замок госпожи баронессы.

– Так! Но я не знаю ее, и мне нет до нее никакого дела. Ямщик улыбнулся, как бы желая сказать:

«Не понимаю, как можно не знать госпожу баронессу».

– Неужели, – продолжал допрашивать путешественник, – ни до замка, ни после него нет ни гостиницы, ни деревни, ни дома?

– Нет, сударь.

– Даже почтовой станции?

– Почтовая станция находится за Мор-Дье.

– Значит, – продолжал молодой человек, – если бы я вдруг заболел... расшибся... куда бы меня перенесли?

– В Мор-Дье, сударь. Но пока вы со мною, – добавил ямщик, – не бойтесь, несчастья не случится: я никогда не опрокидывал кареты и не расшибал своих седоков, и никогда путешественник не заболевал, когда ехал со мною.

– Отлично, друг мой! – сказал молодой человек с изумительным хладнокровием. – Однако всегда все может случиться.

– Что вы говорите, сударь? – спросил ямщик пораженный.

– Сколько ты зарабатываешь?

– Девяносто франков в месяц, сударь.

– Значит, ты охотно согласился бы заработать двадцать пять луидоров в один час?

– Черт возьми! Если бы это было возможно...

– Возможно и даже не трудно.

– Что прикажете для этого сделать?

– Попросту опрокинуть меня в четверти лье от Мор-Дье, но так, чтобы карета сломалась, не нанеся мне, конечно, никакого существенного повреждения.

– О, что за мысль? – вскричал удивленный ямщик.

– Я англичанин, – флегматично сказал путешественник, уверенный, что эти слова зажмут рот ямщику, потому что в глазах всех французов, проходящих в близкое соприкосновение с

англичанами – почтальонов, кондукторов и прочих, – они способны на всевозможные оригинальные выходки и на всякие сумасбродства и эксцентричности.

– Итак, в четверти лье от Мор-Дье...

– Понял? – спросил молодой человек.

– Слушаю, сударь.

– Ты должен помнить, что если ты осмелишься болтать об этом приключении завтра или после...

– О, будьте покойны, – сказал ямщик. – Я буду нем. Путешественник открыл бумажник, достал пятисотфранковый билет и подал ямщику.

– Если в течение трех месяцев я убежусь, что кроме меня и тебя никто не узнал о том, что было между нами, то ты получишь второй билет такого же достоинства.

Ямщик, пораженный такой щедростью, спрашивал себя, уж не везет ли он переодетого короля.

Путешественник взглянул на часы; было восемь часов, и наступала одна из темных, хотя в то же время лунных и звездных ночей. Однако все же можно было различить возвышавшуюся вдали цепь холмов, окаймлявших равнину, уже описанную нами, и белевший вдали замок Мор-Дье. Ямщик указал на него концом кнута.

– Прекрасно, – сказал молодой человек. – Поезжай еще минут десять, а затем опрокинь меня.

XIII

В то время, когда лицо, взволновавшее так сильно жителей города Б... продолжало свое путешествие, баронесса, как ее называл почтальон, находилась одна в Мор-Дье.

Аврелия Мор-Дье, вдовевшая уже год после смерти барона, продолжала носить траур и была все время печальна, что редко бывает со вдовами. Баронесса сидела в громадной зале, той самой, где мы застали ее в первый раз, когда умирающий Мор-Дье сделал ей ужасное признание; она сидела одиноко перед камином, подкатив к себе маленький столик, на котором лежала полуоткрытая книга и стоял канделябр с двумя свечами. Книга была «Подражание Иисусу Христу». Баронесса читала, но чтение часто прерывалось печальными размышлениями, причем на длинных ресницах баронессы появлялись слезы. Госпожа Мор-Дье все еще оплакивала мужа, и горе ее было так же жгуче, как и в первые дни после вдовства.

Она любила своего старого мужа с почтительной и страстной дочерней нежностью и решила жить только воспоминаниями о нем. Для нее этот умерший с улыбкой на устах супруг, которому она служила утешением, старик, с печальным существованием которого она с таким самоотвержением соединила свою молодость, был единственной привязанностью, единственным звеном, приковывавшим ее к жизни.

Госпожа Мор-Дье была святая, в полном значении этого слова; после смерти мужа она хотела было удалиться в монастырь, но барон, умирая, поручил ее попечению ребенка, которого он считал своим единственным сыном, а для нее желание мужа было законом. Покровительствовать молодому ветренному юноше, охранять завещанное ему состояние сделалось для баронессы Мор-Дье единственной целью в жизни.

Октав де Верн приехал в Мор-Дье после смерти барона; он провел несколько дней со своей молоденькой теткой; она посоветовала ему выйти в отставку, и, как мы уже знаем, поручик африканских стрелков не замедлил исполнить данный ему совет.

Привязанность баронессы к молодому человеку была трогательна и безгранична, точно он был ее родным сыном. Она намеревалась посвятить ему всю остальную свою жизнь. Любить сына не значило ли почитать память отца?

Эта мысль мелькнула у баронессы среди ее душевной тоски и помешала ей удалиться в монастырь, куда, по-видимому, ее привлекали уединение и религиозный образ ее мыслей. После смерти мужа баронесса Мор-Дье не выезжала из Берри и не захотела поехать в Париж даже зимою. Событием, изредка нарушавшим однообразие ее деревенской жизни, были письма от де Верна, писавшего ей довольно часто. Дни проходили за днями, а баронесса все еще жила воспоминаниями и надеждами. Воспоминания – это был друг, муж, умерший отец, а надежды сосредоточивались на порученном ее попечению ребенке, будущее которого должно было быть спокойным, богатым и счастливым.

Прошел год, как мы уже сказали, после смерти барона Мор-Дье; баронесса сидела в большой зале замка, печальная, и читала «Подражание Иисусу Христу», прерывая иногда чтение, чтобы взглянуть на портрет покойного, на который падал свет от канделябра, стоявшего на маленьком столике, как вдруг сначала в коридорах, а затем на внутреннем дворе раздались непривычный шум шагов и голос, прервавший печальные думы молодой женщины. Уже давно замок последнего Мор-Дье представлял собою безмолвную пустыню, где жили лишь одна оплакивавшая своего мужа вдова да безмолвные слуги, разделявшие ее горе, так что баронесса не могла не вздрогнуть и не взглянуть на дверь, которую приотворил старый седой управляющий.

– Что случилось, Жозеф? – спросила баронесса.

– Баронесса, – ответил управляющий, – извините меня за беспокойство, но случилось несчастье в нескольких стах метрах от замка.

– Несчастье! – вскричала пораженная хозяйка замка. – Что же такое случилось? О, Господи!

– Почтовая карета на повороте дороги опрокинулась... Сидевший в ней путешественник хотя не ранен серьезно, но контужен и лишился чувств. Его люди с помощью ямщика принесли его сюда и просят гостеприимства.

Баронесса поспешно встала.

– Скорее! – вскричала она. – Поможем путешественнику... Мор-Дье – приют для несчастных, и двери его никогда не бывают закрыты для них.

Когда маркиз Эммануэль Шаламбель де Монгори очнулся от своего мнимого обморока, – так как путешественник был не кто иной, как приемный сын маркиза Де Флара, – то он увидел себя в одной из комнат замка Мор-Дье лежащим на кровати, а над собой – покрасневшееся, встревоженное лицо баронессы, обратившей внимание на молодость гостя, которого ей послала судьба.

Волк попал в овчарню.

XIV

Эммануэль полковнику Леону:

«Дорогой полковник!

Вот уже неделя, как я в Мор-Дье. Вы видите, что я хорошо сыграл свою роль. Я самым естественным образом вывалился из экипажа у ворот замка баронессы; я был без сознания, когда меня перенесли к ней, и до сих пор еще я притворяюсь настолько страдающим, что страдания мои глубоко трогают мою прекрасную хозяйку. Я страшно бледен и не встаю с постели; деревенский врач, осел с белым галстуком, торжественно заявил, что мне опасно всякое передвижение, и утверждает, что я не раньше, как через неделю, буду в состоянии отправиться в дорогу.

Итак, дорогой полковник, вот каким образом я попал в Мор-Дье, а вот и биографический очерк баронессы. Я явился сюда, или, вернее, меня принесли сюда, в восемь часов вечера, и так как меня приняли за человека, погруженного в глубокий обморок, то я мог рассмотреть место, где находился, и лиц, окружавших меня.

Меня положили на кровать в очень большой спальне, убранной в новом стиле, хотя поблекшие обои свидетельствовали о том, что уже давно здесь никто не жил.

Я заметил у моего изголовья, около преданных мне двух слуг, которых я привез из Парижа, и трех или четырех служителей замка, хлопотавших вокруг меня, самую госпожу Мор-Дье, встревоженное выражение лица которой свидетельствовало о том сочувствии, которое возбудило в ней мое положение.

Госпоже Мор-Дье – лет около тридцати, дорогой полковник, но она так прекрасна, что ее возраст меня не пугает, и я очень благодарен вам за ваше попечение обо мне, хотя я думаю, что борьба будет долгая, ожесточенная, а победа сомнительна.

Вообразите: у меня есть соперник... Соперник этот – мертвец и не кто иной, как умерший барон. Когда покойный женился вторично, ему было много за сорок лет, жене же его едва минуло восемнадцать. Если бы он вместо того, чтобы поселиться со своей молодой женой в этом обширном и наводящем уныние имении, удаленном от мира, пустыне, простирающейся почти на шесть лье, открыл свой парижский салон, делал большие приемы, задавал балы, путешествовал и, вообще, доставлял этому ребенку всевозможные удовольствия, то, несомненно, госпожа Мор-Дье считала бы себя жертвой старика, а молодую жизнь свою рядом страданий. Так что и в зрелом возрасте ей оставалось бы только сожалеть себя. Таковы женичины!

Но барон, женившись, ничего не изменил в своем печальном образе жизни; он заставил восемнадцатилетнюю жену свою жить зимою в пустом отеле, а летом в Берри; вид у него был всегда измученный, он никогда не улыбался, никогда не смотрел на нее с нежностью... И она полюбила его, как вообще женичины любят все то, что страдает или кажется страдающим. Этот угрюмый старик с бледным челом и угасшим взором казался мучеником в ее глазах и самым обворожительным из мужей. В любви, дорогой полковник, здоровье не играет большой роли: если вы предоставите

женщине выбрать здорового Антина или чахоточного поэта, то она наверное выберет последнего.

Итак, госпожа Мор-Дье любила, обожала своего мужа. После его смерти она оплакала его и теперь еще продолжает оплакивать и находит в нем все большие и большие совершенства. Умерший муж, мой дорогой, самый опасный из любовников. Ради него вдова, выйдя замуж вторично, будет изменять своему новому супругу днем и ночью и заставит последнего гореть на медленном огне. Однако, дорогой полковник, я уже сделал шаг вперед. Госпожа Мор-Дье так сильно убеждена в моем тяжелом положении, что сама просила меня и не думать пока об отъезде и, как женщина, хорошо воспитанная, считает своим долгом проводить со мною большую часть дня.

Хотя баронесса – особа весьма набожная, но, как женщина тактичная, никому не докучает своею набожностью. Она много читала, любит поэзию, искусства и даже сама очень хорошо рисует. Я думаю, что она, против желания, находится под таинственным влиянием, как все те, которые живут уединенно.

Госпожа Мор-Дье, несмотря на свою печаль, охотно проводит время со мною. Я ей ни слова не говорю про любовь. Сохрани, Боже! Этим можно только испугать ее; зато, облокотившись на край кровати, я читаю баронессе стихи Гюго и Ламартина. Через два дня я постараюсь прочесть ей Альфреда де Мюссе и рискну даже познакомить ее с «Намуной». Мне кажется, что госпожа Мор-Дье вот уже два дня менее печальна. Моя веселость вызывает иногда полуулыбку на ее губах... Вчера я видел, как она покраснела, заметив, что я смотрю на нее. Пройдет еще неделя – и, может быть, она полюбит меня.

Вот как обстоят мои сердечные дела. Теперь, дорогой полковник, я хочу рассказать вам об одном важном обстоятельстве и доверить тайну, которую узнал случайно. Старый и болтливый управляющий приходит часто посидеть вечером со мною после ухода своей госпожи. Я спросил его однажды о жизни его покойного господина, и он сообщил мне странное обстоятельство. Господин Мор-Дье в течение двадцати лет не мог отделаться от чувства ревности. Его первая жена изменила ему... Барон, наш друг, не его сын. Отсюда вытекает его презрение к сыну и завещание, по которому он все оставил в пользу баронессы, потому что она была бы неспособна присвоить состояние, оставленное ей мужем. В настоящее время моя догадка подтверждается и бросает необычайный свет на положение вещей: у госпожи Мор-Дье была старшая сестра, г-жа де Верн, мать нашего молодого шалуна, которую любил барон. Я думаю, дорогой полковник, что из всего этого можно заключить, что г-жа Мор-Дье только негласная душеприказчица своего мужа.

Обратите внимание на это обстоятельство и взвесьте его. Я напишу вам через три дня. Ваши навеки
Эммануэль».

Эммануэль полковнику (2-е письмо):

«Дорогой полковник, победа!.. Баронесса любит меня!..

Однако не радуйтесь слишком скоро, потому что набожные вдовы похожи на крепость с тройными валами. Думаешь, что прорвался сквозь брешь, но встречаешь новый вал. Итак, слушайте, что произошло.

Сегодня две недели, как я приехал в Мор-Дье. Вчера я встал в первый раз с постели и начал разговор об отъезде. Может быть, я покажусь вам фатом, но мне почудилось, что при этих словах баронесса побледнела. Однако она не сделала никакого замечания.

В первый раз, – так как до сих пор мне подавали в моей комнате, – я обедал вместе со своей милой хозяйкой в маленькой столовой в бельэтаже, выходящей в парк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.